

Станислав Сергеев

ВСЕГДА ВОЙНА

Всегда война

Война сквозь время

Пепел войны

Военная фантастика
коллекция

Коллекция. Военная фантастика (АСТ)

Станислав Сергеев

**Всегда война: Всегда
война. Война сквозь время.
Пепел войны (сборник)**

«Издательство АСТ»

2019

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

Сергеев С. С.

Всегда война: Всегда война. Война сквозь время. Пепел войны (сборник) / С. С. Сергеев — «Издательство АСТ», 2019 — (Коллекция. Военная фантастика (АСТ))

ISBN 978-5-17-118897-9

Все, чего мы боялись, произошло. Гражданская война, атомные бомбардировки, ядерная зима. В небольшом бункере выжили несколько семей офицеров российской армии. Благодаря попавшему им в руки грузу с секретными разработками, удалось пробить туннель в прошлое. Но на том конце туннеля тоже идет война. Снова бомбят города и уничтожают мирных жителей. Там страшный 41-й год...

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

ISBN 978-5-17-118897-9

© Сергеев С. С., 2019
© Издательство АСТ, 2019

Содержание

Всегда война	6
Пролог	6
Глава 1	9
Глава 2	15
Глава 3	19
Глава 4	29
Глава 5	32
Глава 6	35
Глава 7	39
Глава 8	43
Глава 9	47
Глава 10	49
Глава 11	51
Глава 12	55
Глава 13	59
Глава 14	64
Глава 15	67
Глава 16	73
Глава 17	77
Глава 18	81
Глава 19	87
Глава 20	94
Глава 21	98
Глава 22	104
Глава 23	107
Глава 24	110
Глава 25	118
Глава 26	122
Глава 27	129
Глава 28	135
Глава 29	142
Глава 30	149
Глава 31	155
Конец ознакомительного фрагмента.	159

Станислав Сергеевич Сергеев

Всегда война

© Станислав Сергеев, 2019

© ООО «Издательство АСТ», 2019

Всегда война

Пролог

Лето в самом разгаре, и духота в глубине леса просто изматывает – приходится время от времени отбрасывать накидку маскировочного костюма и делать частые остановки. Но все равно пот застилает глаза и усталость дает о себе знать. Сказывается малоподвижный образ жизни в последние полгода.

Скинув груз на землю, я с облегчением присел, прислонившись спиной к дереву, и закрыл глаза. Попытался максимально расслабиться и ощутить обстановку вокруг. В вершинах деревьев гулял ветер, но у земли движение воздуха почти не ощущалось. В обычные звуки летнего леса иногда вторгалась на пределе слышимости далекая канонада, которую можно было принять за раскаты далекой грозы. Но, к сожалению, это грохотала артиллерия, и все чаще различались особенно громкие взрывы. Похоже, я и зона боевых действий двигались навстречу друг другу.

Чтобы оправдать продолжительный отдых, я решил просканировать радиодиапазон. Немного модернизированный портативный радиосканер в комплекте с КПК очень помогает в такой ситуации. Картина та же самая – в основном работают станции в средневолновом и коротковолновом диапазонах. Выше ста мегагерц практически ничего нет. Много морзянки, и в последние пять часов появилось множество коротковолновых передатчиков. Судя по частотам – армейских. Ради интереса послушал несколько – большей частью немецкая речь, судя по отдельным фразам, корректировщики авиацию наводят. Несколько раз ловил русскоязычные передачи. Все военного содержания с позывными и кодированными фразами. Компьютер оказался весьма кстати для перехвата и просмотра сообщений морзянкой. Несложная программа позволяла сразу выводить последовательности символов на экран. Пока ничего интересного.

На длинных волнах поймал московское радио, а вот это было интересно послушать – знаменитый голос Левитана вещал: «От Советского Информбюро. Днём, 5 июля, развернулись ожесточённые бои наших войск против крупных мотомехчастей противника на Островском, Борисовском, Бобруйском и Новогородско-Волынском направлениях. С утра, 5 июля, на Островском направлении наши войска перешли в наступление и отбросили противника на юг от города Остров, уничтожив сто сорок вражеских танков и значительную часть моторизованной пехоты. На Полоцком направлении противник пытался форсировать реку Западная Двина. Наши войска перешли в решительную контратаку и отбросили противника на южный берег Западной Двины...».

Если перефразировать – единственное, что мне было интересно, это дата и точность сводки. Все пока совпадало. Это была вечерняя сводка от 5 июля 1941 года. Уже две недели как идет Великая Отечественная война, и мне, как осколку будущего, придется так или иначе принять определенную сторону и вмешаться в ход событий. Конечно, при условии, что меня не грохнут в первом же контакте, приняв за немца.

Что интересно, на графике, выводимом на экран КПК и отображающем частотный диапазон и мощность сигналов, появился особенно сильный всплеск активности – где-то рядом заработал передатчик. Послушаем, кто там вещает – ну конечно, немцы. Видимо, передовой отряд немцев продвигается поблизости и отчитывается перед руководством. Вот, по старой генштабовской карте сороковых годов, в пяти километрах как раз проходит грунтовая дорога. Придется принимать серьезные меры по скрытности перемещения. Правда, немец еще не пуганный, и вряд ли я наткнусь на какую-нибудь ягдкоманду, – они появились только в сорок втором, в противовес партизанскому движению, – но меры предосторожности нужно принимать

особенно, еще не хватало наскочить на отступающих наших и получить глупую пулю. Они ж сейчас битые и каждого куста боятся, по глупости начнут стрелять – и «зеленка» не поможет.

Пройдя еще метров триста, я нашел приметное место недалеко от лесного ручейка – для временной базы подойдет. В густом кустарнике аккуратненько срезал раскладной лопаткой дерн и выкопал яму, лишний грунт ссыпал в мешок и отнес к ручью, чтобы не демаскировать закладку свежевырытой землей. Туда сложил ненужное пока оборудование, оружие и боеприпасы. Сверху заложил небольшой, но очень мощный взрывающийся «сюрприз» и запросный радиомаяк – по специальной кодированной команде он начнет подавать в эфир на высокой частоте сигнал, по которому я его найду.

Вот теперь будет полегче. Еще раз проверив оружие, я для верности попрыгал, чтобы ничего не звенело. Стараясь не шуметь и избегая прогалин и открытых пространств, двинулся к грунтовой дороге.

Вдруг совсем рядом раздался взрыв, захлопали винтовки, заработал пулемет. Звук был знакомым. С такой характерной скорострельностью может лупить только пулемет Дегтярева. Как-то недавно, точнее – в далеком будущем, наша группа схлестнулась с бандой татарских мародеров на улицах Симферополя, вот один бородатый джигит и высадил в нас весь диск на сорок семь патронов, пока наша снайпер Катерина не завалила его из «винтореза». Так что звук действительно был знакомым.

Рефлекторно я упал на землю и сразу же уполз в сторону. Что сделаешь, привычка. Я сюда не с выпусного попал. Тоже повоевать пришлось.

Опять раздалось несколько взрывов. Судя по звуку – наступательные осколочные гранаты. Но звук боя изменился, загрохотал немецкий MG-34, и в общий звук влилось неторопливое стрекотание нескольких MP-38. В свое время, когда я еще служил в морской пехоте и сопровождал бойцов для участия в реконструкции боев по освобождению Севастополя, мне приходилось слышать, как характерно звучит эта техника. Очевидно, предки наткнулись на немецкую разведку и первыми успели среагировать, но бронетранспортер не удалось уничтожить, и теперь немцы грамотно давят их огнем. Любопытство – вещь опасная, тем более на войне, но надо бы глянуть, может, нашим чем помочь.

Тем более вооружение у меня неслабое, есть чем помочь. Когда я отправлялся в эту экспедицию, то экипировался очень тщательно, учитывая весь свой боевой опыт и немалые возможности. За время войны в свою «нору» много чего успел натащить, так что было из чего выбрать. Одна маскировочная накидка «Кикимора» чего стоит.

В качестве оружия для близкого и скоротечного огневого контакта я выбрал новый российский пистолет-пулемет ПП-2000. Мне он достался случайно, в 2011-м, когда в составе Севастопольского сводного батальона морской пехоты в Новороссийске пришлось поучаствовать в уничтожении турецкого десанта. Там с нами работала российская эмвэдэшная спецпура, они первые отреагировали и соответственно попали «под раздачу» турецкой палубной авиации, которая прикрывала десант. Конечно, турки отгребли знатно, особенно когда РК «Москва» противокорабельными ракетами с предельной дистанции потопил большую часть эскадры. Вот там мне и досталась парочка таких автоматов в спецназовском исполнении с возможностью установки глушителя, коллиматорным прицелом и с шестью запасными магазинами. Еще один большой плюс – эти автоматы разрабатывались под девятимиллиметровый патрон парабеллума, который активно использовался в немецкой армии, так что проблем с боеприпасами не должно было возникнуть.

Для дальних дистанций я прихватил свою любимую СВУ (снайперскую винтовку укороченную), которая тоже разрабатывалась для спецподразделений и имеет кучу достоинств в виде неплохой дальности действенного огня, обладает малыми размерами по сравнению с СВД, сошками и эффективным пламегасителем. К тому же у нее есть одно большое достоинство – она сделана под стандартный российский винтовочный патрон, так что и для этого оружия

проблем с боеприпасами не будет. Ее я просто выменял на ящик тушенки у новороссийских морпехов. Откуда они ее достали, ведь им по штату они не положены, я как-то не удосужился спросить. Время было такое.

А вот пистолет у меня был знатный. Попав в юности под влияние великолепно проведенной рекламной кампании австрийской оружейной фирмы «Glock», я, сняв с трупа турецкого офицера «Глок-17», так и не смог с ним расстаться, хотя до этого все время бегал сначала с ПМ потом с ПММ. Но «Глок-17» удобней, да и исполнен под патрон парабеллума, что немаловажно, и глушитель в наличии. За спину же я закинул одну «Аглень» РПГ-26 – в этом времени подобное оружие возьмет любую бронированную цель.

В закладке, как натуральный хомяк-прапорщик, я спрятал еще одну «Аглень» МОН-50 с набором взрывателей, ПКМ с двумя лентами и кучу другого барахла – может пригодиться.

Накрутив на ствол глушитель ПП-2000, я осторожно двинулся в сторону стрельбы, стараясь забирать влево, чтобы зайти в тыл к немцам и при этом не наткнуться на их группу, которая, по идее, должна попытаться охватить засаду с фланга. Это ж стандартные антизасадные действия – подавление огнем, охват и уничтожение засады.

У меня было преимущество – слух, как у подводной лодки по сравнению с кораблем – я их раньше, если что, услышу. Вот накаркал, ломаются, как лоси. Шесть человек. Один тащит МГ-34, остальные с винтовками. Но не лохи, идут парами, подстраховывая друг друга. Меня пока не увидели. Я сместился еще левее, пропустив их чуть вперед, начал работать. Две короткие очереди – средняя пара валится. Глушитель хорошо подавил звук. Немцы не успели среагировать на необычный звук, есть запас по времени. Еще две короткие очереди. Вторая пара валится. Один догадливый, из последних, что-то понял, повернулся и закричал. Но это было все, что он успел сделать. Точка прицеливания коллиматора остановилась у него на груди. Очередь. Крик захлебнулся. Но раздался винтовочный выстрел. Стрелял последний, и явно на звук – меня он не видел.

Я выхватываю из разгрузки гранату, кидаю, не выдергивая кольца, и кричу:

– Ахтунг, граната!

Немец заученно падает за дерево, а я успеваю сместиться влево, и враг сразу попадает в сектор моего обстрела. В положенное время взрыва не последовало. Он поднял голову в каске. Вот под каску я ему очередь и вогнал. Раздался звук, как будто молотком ударили по листу железа. Немец дернулся и затих. Похоже, одна из пуль все-таки попала в каску. Вроде все.

Подхожу к каждому немцу и делаю контрольные выстрелы – нельзя за спиной оставлять недобитого противника. Подобрал свою гранату, несусь в сторону выстрелов, забирая немного левее. Вряд ли за этой группой немцев идет еще кто-то, так что вероятность кого-нибудь встретить весьма мала.

Глава 1

Я вырос в военной среде, отец был офицером, мать настоящей офицерской супругой, которая стойчески моталась по гарнизонам на окраинах Советского Союза. Поэтому желание стать военным возникло у меня в детстве. Но жизнь сложилась так, что сразу после школы пришлось пойти в гражданский университет на радиоэлектронику. Все-таки с детства был радиолюбителем и частенько допоздна просиживал с паяльником. Как раз начался распад Союза, и поступить в Благовещенское военное училище гражданину независимой Украины уже не получалось.

По окончании университета попал в доблестные ряды Вооруженных сил Украины, и пришлось отбегать год простым «портяночником» в дивизии ПВО в Севастополе. Тут как раз в управлении кадров в Киеве нарисовался старый сослуживец отца и помог поступить в Севастопольский военно-морской институт. Отучившись полных пять лет на факультете радиотехнических систем, должен был вроде как попасть в морскую авиацию, но поскольку самолеты и вертолеты присутствовали только на бумаге, то попал в морскую пехоту. Тогда еще полк базировался в Севастополе. Абсолютно никакой романтики, тупые серые казарменные будни. Да и в военной службе начал сильно разочаровываться. Учитывая политические процессы в стране вообще и кадровую политику в вооруженных силах в частности, смысла служить уже не было. С горем пополам уволился, переехал в Симферополь и занялся бизнесом.

Перед увольнением женился. С будущей женой, Светланой, познакомился случайно на пляже, недалеко от Херсонеса. Обычный курортный роман, не более того, но зацепило. Она приехала к своей подруге посмотреть город и отдохнуть. После нескольких бурных летних дней я случайно узнал, что Светлана тоже военная и больше того – офицер и приехала к сокурснице, которая служит в той дивизии ПВО, где я когда-то бегал солдатом. В отличие от меня, она окончила Харьковский военный университет и служит в Одессе, в штабе округа. Когда я задал один важный вопрос и получил положительный ответ, признался, что увольняюсь, на что получил философский ответ: «В семье не может быть двух военных, тем более офицеров, рано или поздно или тебе или мне пришлось бы уволиться, я рада, что не придется выбирать, жизнь сама за нас все решила». После этого нам удалось устроить ей перевод в Симферополь. Там она служила в штабе 32-го армейского корпуса, пока не родился сын, маленький Славик. Забросив воинскую службу, погоны, должности, она с головой погрузилась в семейные хлопоты.

Я сначала работал в компьютерной фирме, собирал компьютеры, потом их продавал. Через некоторое время созрел к открытию своего дела и с двумя друзьями открыл свою фирму. Занимались всем, собирали и продавали компьютеры, ремонтировали и заправляли картриджи, прокладывали сети и устанавливали системы безопасности. Знание радиоэлектроники очень даже пригодилось и наконец-то стало приносить свои плоды. Сначала было очень трудно, но со временем все наладилось и появилась возможность заняться любимым делом – охотой. Как любой мужчина, я всегда любил оружие и, послужив в армии, научился его уважать. Долго перебирал варианты и подкупил себе два полуавтоматических карабина – один под 12-й калибр, «Вепрь», второй под патрон 7,62×39, гражданская переделка АКМа со всеми наворотами типа тактической рукоятки и коллиматорного прицела. Средства позволяли. Но вот охотиться не любил – как-то жалко было убивать зверей, а вот в тире пострелять да на полигоне – самое то. Со временем навесил на свой АКМ прицел ПСО-1 и на расстоянии ста метров начал давать неплохие результаты в стрельбе по малоразмерным целям.

По прошествии некоторого времени случайно встретился с бывшим сокурсником по университету, Витей Кузьминым, который, отслужив в Службе безопасности Украины, устроился начальником службы безопасности в крымское отделение одного из крупных киевских банков. Он предложил идти к нему замом по техническим средствам защиты. Так как на тот момент

отношения среди учредителей внутри фирмы пошли вразнос, я согласился, продав бизнес своим компаньонам, и устроился в банк. Расстались хорошо. Ребята в принципе неплохие, только у каждого в жизни свои цели и приоритеты. Впоследствии с одним из них, Борисычем, во время войны пересеклись, и те давние хорошие отношения помогли спасти много жизней.

Жизнь наладилась, зарплата устраивала. На деньги, полученные от продажи бизнеса, я прикупил за городом участок с недостроенным домом, простаивающий с середины девяностых. По слухам он принадлежал одному из преступных авторитетов, погибшему в бандитских разборках девяностых. Сельсовет с удовольствием избавился от простаивающей недвижимости.

На работе, благодаря моей настырности, удалось выявить и локализовать источник утечки информации. Киевские хозяева сначала отнеслись к этому холодно, но проведенное расследование вскрыло крупные махинации с подставными кредитами. Хозяева, как узнали, схватились за голову. Наш отдел службы безопасности был отмечен, и со временем, как экспертов, нас стали привлекать для мониторинга других филиалов, и это принесло свои плоды. В общем, по прошествии некоторого времени я стал известным в своей среде специалистом по банковской безопасности, как в технической области, так и в области оперативной проработки персонала. Это позволяло выбивать фонды на закупку специального оборудования. Радиосканеры, детекторы магнитного поля, нелинейные локаторы постепенно заполняли наш маленький склад и редко простаивали без дела. Через год удалось даже выбить полиграф и проводить выборочную проверку персонала.

На фоне вроде как радужной картины личной карьеры ситуация в мире да и в Крыму серьезно ухудшалась. Влияние исламских фундаменталистов создавало в Симферополе и пригородах напряженную обстановку. Самозахваты земли, откровенная агрессивность к славянскому населению нарастала и готова была вылиться в кровавые столкновения. Заигрывание украинского руководства с татарскими сепаратистами вело только к ухудшению обстановки. Противостояние на Ближнем Востоке продолжалось, и в ближайшее время должно было перейти в активную фазу. Американская ударная группировка, нацеленная на Иран, уже была сформирована и заканчивала последние подготовительные мероприятия. В Афганистане участились случаи нападения на оккупационные части американцев и их приспешников. Сильные волнения в Пакистане и на границе с Индией грозили перерасти в активное противостояние. Китай осуществлял постоянные переброски войск и наращивал морскую группировку в районе Тайваня, не отказываясь от своих исторических прав на такой лакомый кусок с высокотехнологической начинкой. На Кавказе опять запыхала война. Грузия все никак не могла угомониться, обвиняя в своих экономических проблемах Россию. Турция завязла в горах Курдистана.

Такая обстановка заставляла напрягаться и готовиться к худшему. Я не стал понапрасну терять время. При реконструкции дома обнаружилось, что преступный авторитет не зря выбрал столь экзотическое место для строительства загородного особняка. Дом был поставлен как раз поверх немаленького противоатомного убежища еще советских времен, которое строилось явно не для нужд гражданской обороны. Об этом говорила более разветвленная система галерей, качество постройки, большее количество резервных выходов и оборудованных переходных тамбуров. Что еще удивило, это наличие караульного помещения и оружейной комнаты с установленными в ней металлическими шкафами для стрелкового оружия и боеприпасов. Предыдущие хозяева неплохо замаскировали бомбоубежище. Да и я его обнаружил случайно – вход в него был качественно замаскирован фальшивой отодвигающейся стеной, где уже находилась известная мне по знакомствам с аналогичными бункерами в Севастополе тяжелая стальная дверь. Судя по остаткам одежды и цепям, бандиты использовали бункер в качестве тайной тюрьмы для неугодных. Учитывая ситуацию в мире, когда неизвестно, что и как закончится, я решил не афишировать наличие такой вот незадокументированной недвижимости, а доработать и использовать ее под свои нужды. Все-таки опыт монтажа и строительства был, да и

первоклассный инструмент всегда под рукой. Пришлось полностью переключать всю электронику и систему снабжения водой. Естественно, денег не хватало и пришлось в своем же банке взять крупный кредит. Но чуть подсказывало, что времени осталось мало. Бункер был сделан очень основательно, с многоуровневой герметичной защитой. Большие запасы воды, продуктов, горючего, несколько дизель-генераторов. Как правило, такие укрытия обеспечиваются артезианскими скважинами, но в моем случае скважина оказалась сухой. Продумывалось все тщательно. Тем более Витька Кузьмин, пронюхав про мою стройку, во время корпоратива вызвал меня на откровенность. Я ему все рассказал. Он-то тоже не дурак и знал, что часто моя интуиция приносит плоды в совместной работе. Обсудив ситуацию, он подключился к проекту. Все закрутилось намного быстрее. Бункер был оборудован на два семейства, жизненное пространство увеличено. Со временем пара ребят из банковской службы безопасности присоединилась к нашему проекту. Все были бывшими военными и имели некоторый опыт. Так что со временем мой бункер разросся. Коля Ремезов, капитан, служил в Старом Крыму в спецназе ВДВ, а Мишка Авдеев отслужил прапорщиком в «Беркуте».

По Витькиным каналам достали определенное оборудование, оружие и боеприпасы. Установили специальные серверы и информационные накопители, и теперь они вбирали в себя горы информации, которую только можно было достать и вытянуть из Интернета.

Об этой гонке на выживание я сейчас вспоминаю с улыбкой. Мы успели.

Гром грянул в конце 2010 года. Американцы попробовали атаковать Иран. Но как только начались боевые действия, на территории США смертниками были подорваны несколько тактических ядерных зарядов, причем пара зарядов была весьма мудро подорвана в районе Калифорнии на месте тектонического разлома. Мощнейшие сейсмические толчки начали трясти восток США. Один заряд был взорван в Лондоне, и Великобритания сразу потеряла на время управление. Паника охватила мир. По Ирану в ответ наносится серия ядерных ударов. Радиоактивное облако сносит в сторону Турции. Китай нападает на Тайвань. Но модернизированная система ПВО Тайваня позволяет отразить первый удар и нанести урон китайской морской группировке противокорабельными ракетами. Спустя сутки ядерный боеприпас взорван в Москве. Отрядом боевиков захвачена и взорвана Ленинградская АЭС. Индия высаживает десант в столице Пакистана и наносит массированный ракетно-бомбовый удар по военным объектам. Пакистан в ответ наносит ядерный удар по Дели.

В Симферополе крымские татары начинают захват военных объектов и отделов внутренних дел. Управление городом потеряно в течение суток. Уличные бои с участием внутренних войск и татарских бандформирований разгораются и принимают затяжной характер. Толпы татарских женщин и детей перекрывают основные магистрали, блокируя переброску дополнительных воинских подразделений.

Давно подготовленная и налаженная система мобилизации позволила поднять под ружье около сорока тысяч боевиков. Военные части в Феодосии, Старом Крыму, Перевальном были внезапно атакованы. Контрактники из татар провели на территорию частей отряды боевиков и не позволили военным воспользоваться бронетехникой и средствами усиления. Офицерский состав уничтожался в первую очередь. Бои были кровопролитными и скоротечными. В частях потери личного состава составили более шестидесяти процентов. Но отбить нападение и вывести технику из автопарков все-таки удалось. Связь с командованием была потеряна. Все основные линии связи оказались выведены из строя. Мобильная связь не работала. Части были настолько обескровлены, что реально вмешаться в ситуацию в Симферополе и пригородах уже не смогли. В городе началась резня.

Мы в это время были на работе, наши семьи уже заперлись в бункере, а верхний дом заминирован. Мы специально его оставили недостроенным, создавая видимость того, что там брать нечего.

Когда в городе началась стрельба и недалеко от офиса банка загрохотал КПВТ с БТР, то стало понятно, что час «Ч» настал. В последнее время мы возили форму, наше законное оружие, а это были АКМы, разгрузки и даже бронежилеты, которые в свое время приобрели на нашу службу безопасности, с собой. Витькин джип стоял во внутреннем дворике, там же стояла Колькина «Тойота». Мы быстро сбежали, принесли сумки со снаряжением и начали торопливо экипироваться.

Хорошо, что в связи с такими обстоятельствами банк не работал, и в здании дежурили пара операционистов да охранная служба. Нам пришлось здесь находиться по личному приказу Главного из Киева. На тот момент основные активы уже были вывезены. Остался только депозитарий. На верхнем этаже сидел наблюдатель с радиостанцией и докладывал, что в центре города, где располагались республиканские управления СБУ и МВД, идет бой и наблюдается высокая задымленность. Слышались отдельные взрывы. С помощью сканера прослушивали частоты. На частотах простых портативок в основном переговаривались татары, на военных и милицейских каналах шла постоянная ругань и просьбы о помощи. Отключилось электричество. Совместно мы приняли решение вскрыть депозитарий и на банковском инкассаторском броневике прорываться к бункеру.

Но события сами нашли нас: к входу подкатили маршрутка и грузовая «Газель», из них в направлении банка выбежали около десятка вооруженных бородатых боевиков. Вооружение в основном состояло из охотничьих стволов, но была и пара АК-74. Мы-то подсуетились и заблокировали входные двери. Но непонятливые джигиты начали их ломать. Увидев через стекло, что в помещении есть охрана, они открыли стрельбу. Судя по всему, военных среди них не было. Мы разделились на две группы. Я и Мишка Авдеев выпрыгнули через окно на соседнюю улицу и начали обходить боевиков с фланга, а Витька с Коляном открыли ответный огонь из окон. Потеряв двоих возле дверей, бандиты попрятались. Тут и мы с фланга открыли беглый огонь из полуавтоматических АКМов. Мерседесовская маршрутка – слабая защита от автоматного патрона калибра 7,62 миллиметра. Через десять секунд все было кончено. Так мы еще легко отделались.

Решили пробиваться к бункеру. Колонна из банковского броневика, джипа и «Тойоты» рванула по улицам к выезду из города.

Тогда нам очень повезло, что татары не успели создать надежных кордонов для предотвращения бегства людей из города, и мы ушли, присоединив по дороге несколько машин с сотрудниками российского консульства и людьми, желающими покинуть охваченный боями город. Вырвавшись на окраину, мы забазировались, но наличие бункера пока афишировать не стали. На выезде из города столкнулись с группой сотрудников городского управления государственной автоинспекции, которые пытались организовать спасение своих семей и обеспечить подобие порядка хотя бы в пригороде. Вооружив их трофейным оружием, мы организовали блокпост и стали формировать мобильные группы. Из степных районов подтягивались автобусы с вооруженными боевиками. Два таких автобуса и «Газель» попали в нашу засаду и без сожаления были расстреляны из гранатометов и стрелкового оружия в районе поселка Молодежное.

Тогда все еще было просто. Уничтожив группу боевиков, получилось вооружить несколько десятков сотрудников милиции и госавтоинспекции и на базе нашего поселка организовать небольшой укрепрайон. Бои в городе разрастались и проходили с переменным успехом. Когда на помощь подошла колонна бронетехники российской морской пехоты из Севастополя, положение стабилизировалось. Это позволило наладить эвакуацию гражданского населения. Бункер мы пока законсервировали, а сами влились как отдельное подразделение в состав сводного батальона морской пехоты. Тогда у нас была жаркая пора, приходилось многим заниматься: на броне сопровождали колонны беженцев, выбивали из пригородов татар,

деблокировали здания СБУ и МВД в центре города. Потери были немалые, но наша четверка как костяк отряда оставалась неизменной.

Киев уже ничего не мог контролировать. Паника и парад суверенитетов пошли лавиной. Экстремисты, да и просто бандиты, повывлазили из всех щелей. Националисты, наконец-то дорвавшись до власти, сразу стали сводить счеты с неудобными. Грабежи и бардак стали обычным явлением.

Со временем мы уже переоделись в форму российской морской пехоты, и наши армейские звания были утверждены. Я сначала командовал взводом, потом сводной ротой. Часто работали в «зеленке» против татар. Недалеко от Симферопольского водохранилища произошло крупное боевое столкновение с организованными татарскими формированиями. Они на захваченной бронетехнике двигались к Симферополю. Но спецназ украинских «внутряков» успел их засечь и сообщить нам. Мы уже давно работали в плотном контакте, поэтому развернутая батарея Д-30 в парке симферопольского университета и две установки «Град» их накрыли на марше, а тех, кто попытался судрять, «внутряки» пожгли из гранатометов.

Мы металась по Крыму. В Симферополе искали выживших и добывали группы мародеров. По селам искали пленных и рабов. В холмах вокруг Севастополя отлавливали разведывательно-диверсионные группы. У нас тогда сработалась своя рейдовая группа из четырнадцати человек на БТР-80 и БМП-2 – и в качестве передового дозора джип «Тойота» с пулеметом на специальной сварной раме. Оружие и боеприпасы, которые мы захватывали у боевиков, складывали в специальные схроны, количество которых со временем росло, оружия по Крыму гуляло очень много. Периодически наша четверка выезжала и собирала содержимое этих схронов и перевозила в бункер. Со временем в оружейной комнате накопился значительный и весьма разнообразный арсенал.

В одной из таких вылазок от пули снайпера погиб Колька Ремезов.

Из Турции, отравленной радиоактивными осадками, повалил народ, в основном татарская диаспора, и начался суший ад. Корабли Черноморского флота топили все, что плыло с юга. Украинские ВМС попытались качать права, но после того как корвет «Луцк» был на рейде атакован и взят штурмом морскими пехотинцами, разговоры про власть в городе утихли. Город готовился к третьей обороне. Вскоре нам пришлось отражать турецкий десант в районе Ялты и Алушты.

Мир сошел с ума. Наша часть оказалась одной из максимально боеспособных, и нас часто бросали закрывать дырки. Вскоре в срочном порядке пришлось грузиться на БДК «Азов» и нестись в Новороссийск бороться с еще одним турецким десантом. Там пропал без вести Витька Кузьмин. Турки подбили БТР из гранатомета и добились раненых. Но труп Витьки я так и не нашел. Ни мы, ни они тогда тоже уже не брали пленных и добывали всех, но отсутствие его тела давало надежду, что он мог попасть в плен.

Когда в Германии взорвали тактический ядерный боеприпас, я понял, что начинается конец.

В мае 2011-го нашу группу срочно вызвали в штаб. Там я получил команду погрузиться на корабль «Бора» и в срочном порядке идти в Новороссийск для эвакуации секретного груза. Тогда я оставил в городе Мишу Авдеева и отправил его сопровождать наши семьи к бункеру.

Когда США нанесли ядерный удар по России и Китаю, а Россия в ответ раскатала США и Европу в придачу, всем стало понятно, что цивилизации конец. В этот момент мы были на траверсе Симеиза. Зловещий гриб вырос в стороне Севастополя. Корабль застопорил ход – идти было больше некуда. Рядом, в районе Мухолатки, находился запасной командный пункт ВМС Украины, и было принято совместное решение с капитаном корабля идти туда. Не успели мы, сменив курс, набрать ход, как по Мухолатке был нанесен ядерный удар. Мощный ЭМИ спалил электронику, а ударная волна покалечила корабль и бросила его на выступающий в море мыс. Как я тогда выжил, не знаю. Из нашей группы осталось шесть человек. Выбравшись

на берег, мы смогли найти несколько уцелевших машин и вместе с грузом двинулись в Симферополь, к бункеру. Добрались почти без проблем, но у самого города попали в засаду. Мне удалось прорваться на иссеченной пулями и осколками машине в сопровождении двух трупов друзей. Затемно я добрался до бункера. Машину оставил за два квартала и пешком, с грузом, еле дошел до бункера.

Там меня встретили только мои жена и сын, жена Витьки с детьми и Мишкина пятилетняя дочка. Ни Мишки, ни его супруги не было. По дороге они нарвались на банду мародеров. Первую машину, в которой находился Мишка с семьей, обстреляли в упор из пулемета, сразу убив жену и тяжело ранив самого Мишку. Он сумел вылезти из машины и в тяжелом состоянии стал отстреливаться. Вторая машина, в которой за рулем была Светлана, сумела быстро сдать назад и уйти из сектора обстрела. Когда-то мы с Витькой стали брать наших жен на стрельбище и тренировать вместе с нами, и теперь это пригодилось. Марина из «Мухи» умудрилась попасть в джип с бандитами, а Светка из автомата отогнала остальных. Когда бандиты отступили, женщины вытащили из машины тяжелораненого Артема, который прикрыл собой младшую сестренку Оленьку. Через десять минут он умер, так и не отпустив сестренку. С трудом удалось разжать руки мертвого мальчика. Там их и похоронили, на пригорке, Мишу, его жену Анжелу и сына. Маленькую девочку, оставшуюся без родителей, конечно, забрали с собой. После этого они только по ночам, не зажигая фар, двигались к бункеру, используя прицел ночного видения, который был в машине у Мишки.

Радиационная обстановка снаружи все ухудшалась, и мы приняли решение окончательно закрыться в бункере. Состояние снаружи контролировалось несколькими видеокамерами, и территория участка была буквально напичкана минами. По задумке, в случае попытки проникновения в бункер дом взрывался и заваливал основной вход. Резервный ход был прекрасно замаскирован и так же, как и основной, оборудован переходным тамбуром, пылесосом и душем. Для экстренной эвакуации и разведывательных вылазок был прорыт длинный подземный ход, который выходил в сточную канаву на расстоянии более трехсот метров от бункера. Естественно, все было замаскировано и заминировано.

Бункер погрузился в тягостную тишину.

Глава 2

Заблокировав входные двери в бункер и активировав систему безопасности, я отсыпался несколько дней. Пару раз ощущались сильные землетрясения, что говорило о неоднократном применении ядерного оружия. Приборы на поверхности начали показывать очень высокий уровень радиации, а камеры транслировали нерадостную картину ядерной зимы.

Аккумуляторы пока давали достаточно энергии для работы бункера, и не было необходимости запускать дизельные генераторы. Но с женщинами договорились по максимуму экономить энергию и воду. Окончательный вариант бункера предполагал автономное проживание пятнадцати человек в течение года, но нас осталось всего семь. Я, моя супруга Светлана с сыном, супруга Витьки Маринка с двумя детьми и дочка Миши Авдеева. Настроение было подавленное и угнетенное. Маринка не часто выходила из своего блока и тихо плакала. Светке было проще, но и она была на грани. Мне, как главе такого маленького островка стабильности, необходимо было срочно что-то предпринять. У военных всегда с этим было проще – устраивался внеочередной парково-хозяйственный день. Маринка, которая до рождения второго ребенка работала в эсбэушной поликлинике педиатром, была нагружена приведением в порядок медицинского модуля, систематизированием лекарственных препаратов, которые в основном по ее рекомендациям и закупали. Затем потратили полдня на запуск аппарата УЗИ, который в последний месяц перед ядерной бомбардировкой мы с Мишкой Авдеевым экспроприировали в центральной областной больнице. Весь следующий день чистили, убрали, пылесосили, покрывали и утепляли стены в жилых блоках. Затем был проведен всеобщий медицинский осмотр. В общем, я всех загрузил и на первое время отвлек от тяжелых мыслей. Информационный центр был на время обесточен, работала только система мониторинга радиодиапазона. Ничего кроме сильных помех в эфире не было слышно. Пару раз пробивались КВ-радиостанции, но на пределе слышимости.

Появилось время, чтобы попытаться осмыслить все случившееся и решить, что делать дальше. Я разобрал оружие и снаряжение, которое мы насобирали за прошедший год. Все смазал, расставил по оружейным пирамидам. Разложил боеприпасы, рассортировал. Провел занятия с женщинами по обращению с оружием. Все может пригодиться, а культура обращения с оружием вообще вещь необходимая для любого человека.

Потихоньку со временем напряженность боев и рейдов начала отпускать меня, и жизнь в нашем маленьком мирке стала входить в привычное русло. Дети освоились и уже с радостным гомоном носились по галереям бункера.

Теперь пришло время разобраться с секретным грузом, который мы такой ценой вывезли из Новороссийска. Это был контейнер в виде дипломата из специального тугоплавкого сплава.

То, что там была система самоликвидации, я не сомневался. Поэтому со всеми мерами предосторожности я его пытался вскрыть в течение недели, и это удалось. По всей видимости, электромагнитный импульс ядерного взрыва, уничтожившего ЗКП ВМСУ, повредил систему самоликвидации контейнера и дал мне возможность ознакомиться с его содержимым. К счастью, опасения насчет наличия в нем биологического оружия не оправдались. Там лежали несколько электронных модулей, внешний жесткий диск и два тяжелых вытянутых цилиндра из матового материала.

Ознакомившись с содержимым жесткого диска, я просто впал в ступор. Такого я не ожидал.

История данного груза началась в конце 2008 года в самый разгар грузино-югоосетинского конфликта. Когда российская морская пехота под прикрытием РК «Москва» захватила грузинский порт Поти и перетопила там все ВМС Грузии, точнее оба катера, и переломала все весла, был захвачен и транспорт с американским грузом: «Хаммеры», оснащенные разведобо-

рудованием вроде как для грузинской армии. Но, видимо по недосмотру, к русским попало оборудование, которое принципиально не должно было там находиться, и именно из-за этого после заключения перемирия морская пехота еще несколько недель никого не подпускала к порту, пока спецы из Главного разведуправления потрошили странный груз. Как оказалось, янки готовились к конфликту с Ираном, и на территории Грузии было запланировано разместить один из излучателей геопогодного оружия. Смысл оружия состоял в создании над определенной территорией противника области разреженного воздушного давления за счет локального дистанционного воздействия на атмосферу, в результате чего ухудшались летные качества авиации, задыхались люди, останавливалась техника с двигателями внутреннего сгорания. По косвенным данным, такой же излучатель американцы собирались разместить в Старом Крыму, на Украине, но после массовых акций протеста и конкретной засветки объекта они отказались от этих планов, выбрав в качестве альтернативной площадки Грузию.

В срочном порядке группа российских ученых начала разбирать объект и разрабатывать свою математическую модель процессов. В кратчайшие сроки удалось выработать методики и создать опытный образец системы противодействия данному виду оружия. Но вмешался случай. Обычная российская безалаберность при сборке и наладке прибора привела к невероятному результату. Удалось случайно создать волновую линзу и достичь немыслимой для современной науки концентрации электромагнитного и гравитационного полей в ограниченном объеме. По сути это был генератор «черных дыр».

Ученые стояли в шаге от создания межпространственного пробоя, когда исследовательский центр был уничтожен прямым ядерным ударом. То, что мне попало в руки, являлось резервным банком данных этого проекта.

На базе такого устройства был собран прибор-локатор, который позволял не создавать, а находить такие пробои в природе и по возможности к ним подключаться. Это позволяло затрачивать на сотни порядков меньше энергии, нежели для создания нового канала. И приводилась информация по найденному каналу. А вложенные в контейнер продолговатые цилиндры использовались как фокусирующие элементы. Но исследовать их свойства россияне уже не успели. Тут до меня дошло, что я заполучил себе в руки. Крамольная мысль, что война могла начаться из-за этого революционного открытия, мягко говоря, напугала и не давала покоя. Еще много времени после этого я ждал какую-нибудь штурмовую группу, которая придет за содержимым контейнера. Несколько раз я перебирал сам контейнер и груз на предмет маячков и других средств слежения, по которым нас можно найти. Но время шло, и никто не появился. Я остался один на один с этим изобретением.

Тут как раз пригодилось мое высшее физическое академическое образование. Теперь у меня появился смысл жизни. Когда я все выяснил и сделал прикидочные первичные расчеты, прошло больше полугода. Женщины, будучи в курсе моего открытия и планов, по возможности старались не мешать, видя в работе шанс для нас и наших детей.

Тем более ситуация в бункере складывалась тоже не самым лучшим образом. Портативная автоматическая метеостанция, выставленная снаружи, регулярно давала безрадостные показания о высоком уровне радиации, который, конечно, упал в разы по сравнению с первыми месяцами после ядерного конфликта, но все равно оставался высоким и очень небезопасным для человека. Поднявшиеся огромные массы радиоактивной пыли и пепла резко изменили климат на планете. Солнечные лучи не могли пробиться к поверхности и прогреть землю. Средняя температура резко упала до минус двадцати и усугублялась сильными ветрами. Вряд ли что-то живое могло выжить в таких условиях. Предполагалось, что бункер в течение первого месяца должен быть полностью герметичен на случай применения химического и бактериологического оружия. Но со временем оранжерея перестала справляться с поглощением углекислого газа – на ее освещение элементарно не хватало энергии, а регенерационные модули закончились еще в первый месяц изоляции. Несколько раз приходилось менять воздушные

фильтры в системе вентиляции и все чаще и чаще закачивать воздух снаружи. Аккумуляторы начали постепенно выходить из строя, и приходилось запускать дизели для подзарядки. При реконструкции убежища предполагалась возможность радиоактивного загрязнения, поэтому дизели были установлены отдельно и имели возможность сжигать кислород с поверхности, а не внутренний чистый воздух. Я решил, что радиоактивность воздуха не сильно скажется на технике в ближайшие три-четыре года. Как правило, «фонит» не сам воздух, а пыль, поднятая взрывами. Поэтому многоуровневая схема очистки позволяла функционировать системе, не сжигая драгоценный чистый воздух внутри бункера.

Через семь месяцев несколько раз приходилось подниматься на поверхность, чтобы устранить мелкие неисправности и, учитывая сильные ветры снаружи, попытаться установить и запустить ветросилового генератор. Делался он не так уж сложно. Несколько лопастей и генератор от автомобиля через подобие редуктора. Вот тебе и двенадцать вольт. Через месяц я поставил еще парочку таких генераторов, и частично проблема энергии на мелкие бытовые нужды была решена.

Все эти проблемы отвлекали от решения задачи подпространственного туннеля. Пришлось поднимать старые учебники по высшей математике, тензорному исчислению. Как я благодарил Бога, что мы не поскупились, и вычислительный модуль был собран на паре профессиональных многопроцессорных серверов. Вычислительные задачи готовил на ноутбуке, и когда встал вопрос о полном просчете проекта, пришлось тратить драгоценное горючее и запускать дизели.

Для безопасности обитателей бункера пришлось использовать отдельную дальнюю галерею, углубив ее и расширив, и там уже готовить помещение для размещения установки. Причем галерея имела несколько переходных тамбуров из металлических дверей, которые впоследствии были загерметизированы и несли на себе функцию переходного тамбура в случае химического или бактериологического заражения и функцию силовых прокладок на случай взрыва установки. Комната была оснащена зарядом напалма на случай бактериологического заражения. Это был титанический труд. Но женщины и дети много помогали. К концу первого года затворничества установка была готова и проводилась юстировка волновой линзы. Для обеспечения энергетики пришлось поставить на улице еще несколько ветряков и гонять дизели.

Вот настал знаменательный день запуска системы. Естественно, в зале никого не было и все делалось дистанционно, а вход и прибор были заминированы на случай непредвиденных ситуаций. Сам портал был под прицелом установленного на станине гранатомета.

Линзу удалось сформировать, и неделю пришлось настраивать параметры, чтобы настроиться на мощный и устойчивый канал. Вот только что это и куда он ведет, я не представлял. Лишь надеялся, что не пожалею о своих опытах.

Линза стабилизировалась, и энергетические показатели выявили точную настройку на мощный подпространственный канал. В описании указывалось, что канал нестабильный, но работает с определенной периодичностью. Пришлось нарядиться в бронежилет, ОЗК и противогаз. Ведь случаи бывают разные. Как нормальный любопытный мужчина я туда ради интереса начал кидать всякие ненужные вещи. Но практичная жена предложила туда кинуть груз, привязанный к веревке, и попытаться вытянуть обратно.

«Что ж, очень трезвая мысль, иногда от женщины, тем более жены, можно услышать что-то дельное в промежутках между упреками в том, что не помогаю и приношу маленькую зарплату», – промурлыкал я себе под нос, чтоб жена не услышала. Настроение было просто великолепным.

Экспериментируя с веревками и грузилами, удалось установить, что портал работает двунаправленно при активной подпитке линзы энергией. Неоднократно включая и выключая оборудование, подбирая коэффициенты управления полями, удалось добиться стабильной работы

окна. Я попытался осветить портал лучом лазерного целеуказателя. Никакой реакции. Луч просто пропадал. Такая же картина была и с радиоволнами.

Неугомонная Маринка предложила взять пробы воздуха на той стороне и провести анализ. Используя приборы радиационного, химического и бактериологического контроля, мы провели первичную разведку. Уровень радиации был в норме, химических загрязнений тоже не было. Мышка, помещенная в воздушную среду, взятую с той стороны, нормально чувствовала себя по истечении двух суток. Пробы, помещенные в питательную среду, не показали ничего экстраординарного. Все в пределах нормы.

Используя в качестве грузила связанные между собой рыболовные крючки на длинной веревке, получил результат, который вызвал радость всех обитателей бункера. За рыболовный крючок зацепились несколько травинок. Обычных травинок, которые пахли просто великолепно – они пахли лесом, но для нас это был запах надежды. Дети с удивлением смотрели на взрослых, прыгающих и обнимающихся от радости.

Глава 3

Что ж, теперь мне придется переквалифицироваться из исследователя и первооткрывателя в разведчика и защитника. Как ни странно, эта мысль заставила меня встряхнуться и снова превратиться в капитана морской пехоты. Жена это поняла, когда увидела, как я после ужина пошел в каптерку готовить для себя и ушивать новенький камуфляж. Теперь даже по бункеру ходил в форме, берцах и с пистолетом в тактической кобуре на правом бедре. Надо снова прыгнуть к форме, чтоб она стала второй кожей. Неизвестно, что нас ожидает на той стороне.

Опыты по исследованию портала стали более осмысленными и системными. Теперь на ту сторону в жестком прозрачном боксе перекинули видеокамеру и через некоторое время вытащили обратно. Запись показала обычный лес, правда более подходящий к средней полосе России, нежели к Крыму и Южной Украине. Еще камера показала, что портал выходит на высоте трех метров над землей и ничем не выделяется, никакого свечения, как с нашей стороны.

Теперь осталось узнать, как переносят биологические объекты переход через портал. Для этого пришлось использовать обычную мышь, которая имела наглость завестись в моем бункере. Все прошло нормально. Затем проверил, как работает передача электричества по проводам, перекинутым через портал. Просто взял лампочку на длинном проводе подключил ее к сети через амперметр и закинул в портал. Показания прибора не изменились, значит, ток течет. В конце концов, проверил, как течет время, если временно отключить портал. Закинул туда часы и выключил установку и через десять минут подключился и выловил часы. Время и там, и здесь течет одинаково. Одна из главных гипотез – портал ведет на землеподобную планету.

Настал момент, когда мне нужно было самому пройти через портал и провести детальную разведку. Я упаковался по полной программе: камуфляж, бронежилет, сверху маскировочный костюм «Кикимора», вооружился АК-74 с подствольным гранатометом и коллиматорным прицелом. В качестве альтернативного оружия взял «Глок-17» и на всякий случай прихватил с собой РПО «Шмель». Посидев на дорожку, по специальному поддону шагнул в портал, таща за собой кабель выносной антенны, чтобы быть постоянно на радиосвязи с бункером.

Земля упруго ударила по ногам, как при прыжке с парашютом, я упал на бок, откатился, вскочив на ноги, отбежал от точки высадки и занял оборону. В течение десяти минут лежал и слушал лес на предмет необычных звуков и запахов. Но ничего пока не настораживало.

Обходя точку выхода по расширяющейся спирали, старался оставлять поменьше следов и искал следы присутствия людей или животных. Была вероятность, что точку выхода могут держать на контроле, что равносильно засаде.

Затем, возвратившись к portalу, собрал все вещи, которые мы выкидывали через портал, чтобы не демаскировать место высадки. Армейский вариант радиостанции «Моторола» с плавающей частотой и кодировкой сигнала позволял держать связь с базой на расстоянии до восьми километров, но это в лучшем случае.

Ну, пока все вроде тихо. Можно приступить к дальнейшему исследованию. Достав портативный радиочастотный сканер и подключив его к КПК, я стал сканировать эфир на предмет источников радиоизлучения. Каково же было мое удивление, когда оказалось что в диапазонах средних и коротких волн работает много передатчиков, и многие работают морзянкой. Но больше всего поразила передача московского радио. То, что я услышал, было поразительно. Голос известного в середине двадцатого века диктора Левитана вещал: «С рассветом 22 июня 1941 года регулярные войска германской армии атаковали наши пограничные части на фронте от Балтийского до Чёрного моря и в течение первой половины дня сдерживались ими. Во второй половине дня германские войска встретились с передовыми частями полевых войска Красной Армии. После ожесточённых боев противник был отбит с большими потерями. Только на Гродненском и Кристынопольском направлениях противнику удалось достичь незначительных

тактических успехов и занять местечки Кальвария, Стоянув и Цехановец (первые два в пятнадцати километрах и последнее в десяти километрах от границы). Авиация противника атаковала ряд наших аэродромов и населённых пунктов, но всюду встретила решительный отпор наших истребителей и зенитной артиллерии, наносивших большие потери противнику. Нами сбито шестьдесят пять самолётов противника».

– ...мать! – выругался я, и на базе это услышали.

– Сережа, что случилось? – взволнованно вышла на связь голосом моей жены база.

– Это портал во времени. Здесь сейчас двадцать второе июня тысяча девятьсот сорок первого года. Я только что прослушал сообщение Левитана о нападении немцев на Советский Союз. Осталось узнать, где выходит портал и что дальше делать. Сбрасывайте лесенку.

С той стороны скинули веревочную лесенку. Вернувшись обратно, мы собрались, так сказать, на расширенный семейный совет. Надо было обдумать ситуацию. Маринка взяла слово.

– Если там война, то мы должны помочь нашим, сообщить Сталину. Ты сколько накачал информации, да и сам неплохо в этом разбираешься.

– Марина, это все, конечно, хорошо, но есть несколько проблем, которые существенно усложняют задачу. Одна из главных – это инертность мышления самих людей и жесткая консервативность госаппарата страны. Если я приду туда и скажу, что пришелец из будущего, то в лучшем случае меня сочтут больным и запрячут в больницу. В худшем – грохнут тут же. Сейчас война, а в прифронтовой зоне действуют тысячи диверсантов и агентов. Немцы неплохо подготовились, и их легендарный полк «Брандербург-800» наследил в первые дни войны очень основательно. Я как-то читал воспоминания сотрудников Смерша, что в первые дни войны диверсантов просто уничтожали. Это уже потом, когда фронт стабилизировался, их начали отлавливать и перевербовывать. А сейчас банально грохнут. Если получится убедить всех в своем иновременном происхождении, то распотрошат и запрячут куда-нибудь подальше, потому что информация о будущем является стратегическим секретом, намного более важным, чем технология производства ядерного оружия. Кроме того, мы знаем, что развалится Союз, рухнет идеология, а это такая тайна, что только из-за нее мы исчезнем. И дети тоже, потому что могут запомнить правду. Когда на кону стоят вопросы государственной безопасности, действуют другие – безжалостные – законы и правила. Но и затаиться мы не сможем. Уже не сможем.

– А что же делать? – подала голос жена.

– Я думаю, в первую очередь нужно определиться с точным месторасположением точки выхода. Если она попадает в возможную зону оккупации, это еще хуже и необходимо будет действовать быстрее. В течение года возможности и запасы бункера уже не смогут обеспечивать нам нормальное существование и придется либо выходить наружу, либо в прошлом организовывать резервную базу или хотя бы элементарные поставки воды и продуктов. А это контакты с местным населением. Еще не хватало попасть в руки к немцам. Как вариант действий на ближайшее время надо поднять на метеозонде видеокамеру, попробовать снять топологию района и попытаться его прогнать по карте или хотя бы выявить поселок поблизости или дорогу, а затем получить более точную информацию о местоположении. Это на ближайшее время. На долгосрочную перспективу, девушки, у меня есть идея. Чтоб обезопасить себя, мы подсадим Сталина с командой на информационную иглу. Мы не будем афишировать свое присутствие и свое происхождение, но начнем ему передавать дозированную информацию по немецкой технике, их планам и возможным вариантам развития ситуации. Скажем так, появится источник информации под псевдонимом Странник или там Оракул и начнет морзянкой сообщать важные вещи, пока они не перепроверят много раз нашу информацию, поверят в ее достоверность. Вот тогда и источник станет стратегически важным и ценным настолько, что мы сможем диктовать уже свои условия.

Пока других вариантов действий я не вижу.

Для вас задание – перелопатить все базы данных, но найти информацию по порядку радиообмена, кодах, шифрах, частотах, командном составе Главного управления государственной безопасности, оргштатной структуре. Все, что можно найти: воспоминания, мемуары, фотокопии документов и приказов. На время развернем сетку и будете работать сразу с двух терминалов, а я пока займусь метеозондом и видеокамерой. Хотя вряд ли вы найдете что-то стоящее, кроме отфильтрованной ФСБ информации, но все же. А у меня есть задумка и на этот случай.

– Сережа, а почему ты сам не пошел служить в СБУ, тебе же вроде как предлагали? Ты ж такой умник, тебе как раз там было бы место, – высказалась моя благоверная, не привыкшая кого-то слушать более пяти минут, не вставив свои пять копеек.

– Если честно, очень хотел, но когда встретил тебя, подумал, что опять как молодой лейтенант буду уходить рано утром и приходить поздно вечером. А с женой видется как с любовницей. Ты ж сама бы не захотела так жить. Да нет, уж я лучше с семьей и на гражданке. Надоело мне как-то всяким дядькам с большими звездами подчиняться.

– Вот-вот, а Витька не понимал этого, пока мозги не встали на место и не уволился, – подала голос Маринка.

Вспомнив, что на складе у меня лежит роботизированная IP-камера, которую Витька по моей наводке свинтил со здания нашего банка, я пошел готовить метеозонд к вылету, взяв с собой бухту «витой пары» и ноутбук. Опытным путем пришлось устанавливать, с какой длиной кабеля камера будет нормально управляться и передавать сигнал. Сто пятьдесят метров вытянула.

Рано утром 23 июня, по времени 1941 года, я опять в полной выкладке вывалился из портала. Как охотничья собака взял стойку и пробежался по спирали, изучая обстановку вокруг зоны высадки. Убедившись, что все нормально, дал сигнал на базу. Из портала сразу выкинули упакованный контейнер с кабелем, камерой, ноутбуком и метеозондом. Метрах в ста от портала была небольшая полянка, которая полностью подходила для моих нужд. Но в первую очередь следовало обезопаситься. По большому периметру посекторно я расставил шесть мин МОН-50 и натянул шнуры, подсоединенные к сигнальным минам. На всякий случай, для усиления, прихватил с собой ПКМ и РПО «Шмель».

Чтобы зонд не утянуло, пришлось забить несколько кольев с блоками в землю и для контроля привязать провод к дереву. Подключив все и проверив электронику, начал нагнетать водород в зонд из специального баллона. Хорошо, что сильного ветра не было, а то бы получил кучу проблем, бегая по лесу и ловя шарик.

Вытавив кабель на все сто пятьдесят метров, начал развлекаться, управляя камерой. Как оказалось, на большом удалении видна крупная река, оценивая расстояние, – километров двадцать. И поблизости, километров семь, явственно наблюдается населенный пункт. Наметив азимуты объектов, стал торопливо спускать зонд, а то в деревне началось какое-то нездоровое движение.

Собрав все оборудование и спустив газ из зонда, я закинул все это в портал и в срочном порядке деактивировал свои ловушки. Что ж, вторая разведка оказалась тоже результативной.

На ночь была назначена вылазка в поселок. Пока оставалось время до вечера, копался в базах данных и искал важнейшую информацию для небезызвестного Лаврентия Павловича, которая не оставила бы его равнодушным. В принципе, первый шаг был продуман и подготовлен. Осталось только выяснить местоположение и, исходя из этого, уже строить планы по контакту с местной госбезопасностью.

На ночь экипировался как для работы в «зеленке». Камуфляж, разгрузка, маскхалат «Кикимора», прибор ночного видения и репеллент для сбивания нюха у собак. В качестве оружия выбрал укороченный автомат Калашникова с глушителем, который тоже достался по

случаю. Несколько гранат, в том числе пара светошумовых. На всякий случай взял с собой дистанционный микрофон. Может, пригодится.

Как я ждал этого выхода – как первого свидания! Наверно, мне этого не хватало, засиделся.

Ночной лес. Аккуратно перемещаясь и стараясь не хрустеть ветками, двигался по азимуту на поселок. Со мной высадилась Светлана, тоже по случаю надевшая камуфляж, и, вооружившись автоматом, проводила выгул детишек на природу. Маринка спустила сверху стрелянку, чтобы всем удобно было выбираться. Развернув портативный радиосканер, Светка контролировала радиодиапазон и поддерживала связь. Прежде чем уходить к поселку, я снова расставил растяжки с сигнальными минами.

– Феникс, это База, как там дела?

– База, это Феникс, все нормально, не засоряйте эфир.

Вот так иногда переговариваясь с женой, я подходил к поселку. Уже чувствовались запахи жилья, слышался лай собак. В поселок решил проникнуть с противоположной стороны, чтобы не выдать направление, с которого пришел.

– База, это Феникс. Я у поселка провожу наблюдение.

– Феникс, это База. Сережа, не рискуй.

– Понял, конец связи.

Обычная крупная деревня дворов на семьдесят, деревянные дома. Слышна гармонь. Скорее всего, перед отправлением на фронт народ гуляет. Война идет уже третий день.

Так я пролежал два часа, изучая деревню. Прибор ночного видения давал неплохое изображение. Благодаря ему, в двухстах метрах от себя заметил какое-то странное шевеление. Странно, значит, я не один тут наблюдатель. Посмотрим. От кромки леса отделились два человека и короткими перебежками через поле начали передвигаться к крайнему дому. Наши бы не стали прятаться, значит, немцы. Или у них тут агент, или за языком пришли.

Пока одна пара гуляет по деревне, пойду пообщаюсь с остальными, может, что интересное и узнаем. Снявшись со своего места, осторожно ступая, углубляюсь в лес. Там накручиваю на «Глок-17» глушитель и загоняю патрон в патронник. Забирая по длинной дуге, захожу немцам за спину. Затаился минут на пять. Потом, очень осторожно ступая, выверяя каждый шаг, направляю пистолет в затылок одному из них и медленно сокращаю дистанцию. Они одеты в маскировочные костюмы. Тот, в кого я целился, похоже, что-то почувствовал и начал вертеть головой. Второй злобно на него зашипел, и это явно было не пожелание здоровья. То, что шипел не на русском, это сто процентов – значит, враги. Работаем. Хлоп. Хлоп. Точно в затылок.

Периодически посматривая в глубину леса и в сторону деревни, решил пошарить в карманах у мертвецов. Вот планшет с картой меня обрадовал. Все были вооружены советским оружием. На поясах пистолеты ТТ в кобурах и пара ППД с запасными дисками. Под маскировочными костюмами оказалась советская форма и на петлицах офицерские кубари. В нагрудных карманах документы, подтверждающие принадлежность данных индивидуумов к НКВД. Что ж, удостоверения знатные, пригодятся, да и форму не мешало бы снять, правда постирать придется, а то у меня кроме современных камуфляжей ничего не осталось. Следующее, что я сделал, это обнюхал трупы. Судя по запаху, их недавно забросили, потому что запретить от долгого марша или блуждания по лесу они еще не успели. Пока было время, раздел обоих. Оружие, документы, форму, обувь – все свернул в один сверток и спрятал в кустах.

Мне пришлось провести со жмуриками еще два часа, пока пара, которая пошла в деревню, не вернулась. Причем возвращались не двое, а трое. И, судя по походке, третий был пожилым человеком. Причем шел добровольно, без принуждения. Точно, контакт в деревне. Сместившись чуть правее лежки, я затаился.

Подойдя к кустарнику, один из «пятнистых» тихо позвал. Не получив ответа, передернул затвор ППД и стал подбираться к месту лежки с моего края. Второй синхронно сделал то же самое, присел, направив ствол автомата в сторону леса. Что-то зашипев, он схватил дедка за рукав и потянул к земле. В принципе все трое были в секторе стрельбы.

Работаем. Тот, что двигался к месту лежки, стоял ко мне вполоборота. Стреляю ему в правое плечо. Хлоп. Он вскрикивает, роняет автомат и падает на колени. Сразу переносу мушку прицела на второго, в голову, расстояние небольшое. Хлоп. Он закидывает голову и падает на спину. Дедок вскрикнул, но бежать не стал. Подбежав к раненому, в лучших футбольных традициях бью его ногой в голову. Затих.

Выхожу к дедку.

– Лежать. Лежать, я сказал, – грозно, но негромко наезжаю на дедка.

– Они меня заставили, я не виноват.

– Молчать, падаль. Руки за голову. Ноги широко расставить. Двинешься – стреляю. Вак-нешь – стреляю.

Дедок не стал спорить и покорно улегся на землю. Вытащив из разгрузки простую пластиковую стяжку, какие используются при монтаже проводов, связываю ему руки. Насколько помню, «америкосы» в Ираке именно так стяжки и использовали. У меня еще с тех времен, когда гоняли татар по Крыму, парочка всегда имеется.

Оттащил его метров на пятьдесят в глубину леса, двинул по печени и кинул на землю.

– Лежать. Двинешься куда-нибудь, грохну без суда и следствия.

Сбегал, связал раненому руки за спиной, стянул ноги и, тихо матерясь, оттянул его в лес. Четвертого, стопроцентного жмурика, просто затащил в кусты и бросил к уже остывшим напарникам. Оружие сложил отдельно.

Вернулся к дедку. Включил цифровой диктофон. Перевернул деда и ткнул стволом глушителя в шею.

– Имя, фамилия.

– Си-и-илантий мы, Перпутько... Пан офицер, я не виноват. У-у-у-у, – завыл дедок, получив берцем по голени.

– Давно на немцев работаешь?

– Нет, пан офицер. У меня брат под Брестом живет, в Польше. Недавно от него передали привет и сказали, что если не помогу, всю семью брата убьют. Что мне делать?

– Что хотели?

– Сказали раненый у них. Нужно спрятать его, потом за ним придут – и все.

«Хм. Видимо, при десантировании кто-то поранился, и не простой. Может, даже командир группы. Вот почему их четверо, а не шестеро. Один остался с раненым. Группы такого плана, как правило, комплектуются из шести человек».

– Где раненый, не говорили?

– Сказали тут недалеко, в балке. Хотел телегу запрячь, но они сказали не привлекать внимания.

– Хорошо. Верю. Пока. Но на десять лет строгого режима ты себе уже заработал. Помощь немецким шпионам в условиях войны, сам понимаешь, чем это пахнет. Как ваш поселок называется?

– Вильницы.

– А что за река недалеко?

– Так Днепр.

– Какой большой город рядом есть

– Пан офицер, а зачем вам это? О-у-у-у-у.

Опять пришлось вразумлять говорливого дедка берцами по ногам:

– В следующий раз прострелю ногу. Ходить не сможешь, но говорить будешь. Слышишь, дедуля? Здесь вопросы задаю я. Ты что, еврей? Немцы, кстати, их сразу стреляют, не раздумывая, уж очень они Гитлеру нелюбимы. Повторяю вопрос: какой рядом есть большой город?

– Так Могилев, в тридцати верстах.

– ...мать, – не сдержался я. Теперь все понятно. Не самый лучший результат.

– Значит так. Где балка и как туда пройти?

– Вот так, через лес. – Он бородатой мордой показал в сторону леса. – Там будет вырубка.

И за вырубкой направо будет балка.

– Если соврал, ты труп. Причем не один. Я найду всех твоих родственников и накажу, даже собаку грохну, чтобы все знали, что ты, тварь, Родину продал. Пока полежи здесь, а я пойду с ранеными разберусь. Времени мало, скоро светать будет.

Теперь займемся подранком. Прислонил его к дереву и дал пару оплеух. Он более или менее пришел в себя после шока от ранения.

– Ты меня понимаешь?

– Да.

– Имя.

– Александр Бергман.

– Из поволжских немцев, что ли?

– Нет, Литва.

– Понятно. Теперь давай о ваших баранах поговорим. Состав группы. Цели. К какому ведомству принадлежите. Кто ранен при высадке.

Раненый, опустив голову, что-то не спешил отвечать. Ладно. Будем стимулировать, у татар многому можно научиться. Сильно ногой бью ему в раненое плечо. Он замычал и упал на бок. Пришлось снова его поднимать. И почти ласково, с отеческими нотками обращаюсь:

– Пушистик, мне тут с тобой недосуг трепаться, меня там жена с детишками ждет, борщ на столе стынет, а ты тут говорить не хочешь. – Добавил кавказского колорита в голос: – Обидно, да? Не хочешь говорить, я тебя чуть-чуть резать буду.

Достав нож, провел длинную полосу у него на щеке. Его, похоже, проняло.

– Группа шесть человек. Командир гауптман Отто Шлеер. Это он сломал при высадке ногу. Цели – диверсии в районе Могилева. – Опять замолчал, видно, сил не хватает.

– Ладно, я за тебя продолжу. «Брандербург-800», «Нахтигаль»?

Он только кивнул. Понятно все с ним. Обычные диверсанты, ничего интересного. Этот уже не жилец. Просто, без сантиментов стреляю ему в голову. Хлоп. Тело дернулось и завалилось на бок. Невдалеке начал подвывать дедок, услышав хлопок выстрела.

Надо на что-то решаться.

Там, в балке, еще парочка дожидается, и пока я с ними в прятки играть буду, время уйдет. Тем более, судя по тому, где я сейчас нахожусь, времени у меня мало. Это Могилевская область, и сам город является крупным транспортным узлом. Насколько я помню по истории Великой Отечественной войны, немцы сюда подойдут где-то 5 июля, и начнется бойня до 25-го числа. Сам город будет окружен, и шестидесятитысячная группировка советских войск разгромлена. После чего немцы двинутся на Смоленск. Из окружения выберутся всего несколько сотен человек. Под Смоленском будет снова котел и снова бойня.

– Значит так, Силантий. Ты мне нужен. Пока живи. Дети взрослые-то есть?

– Да, сын и дочь. Дочь замужем, в другой деревне, а сыну шестнадцать годков.

– С этого момента ты являешься внештатным агентом органов госбезопасности Советского Союза. Сам понимаешь, что с этим связано. Сболтнешь что лишнего, и будешь ликвидирован незамедлительно. Ты меня понял?

Он быстро-быстро закивал головой.

– Кстати, что это за гулянье в деревне?

– Дык завтра мужчин на войну забирают, с города, с военкомата приехать за ними должны.

– Это хорошо. Когда их забрать должны?

– К обеду обещались.

– Значит так. Ты сейчас идешь за сыном, и трупы самостоятельно закапываете в лесу. Потом идете в балку и закапываете тех тоже. Это первое задание. Все – время пошло, только быстро.

– А как же брат, его семья?

– Не дергайся. Видимо, ты у них был на крайний случай. А так группа пропала – и все. Никто ничего не видел и не слышал. Все, иди, выполняй, а то мне кажется, что ты не все мне рассказал. И смотри, без глупостей, я тут не один, если что сразу завалят.

Пока он ходил за сыном, я раздел остальных и выгреб все документы и оружие, все это добавил в первый сверток.

Минут через пятнадцать дедок привел своего сына, предусмотрительно прихватив лопаты. Я снова спрятался, и пока он стоял и озирался по сторонам, я его негромко окликнул.

– Ну что?

– Вот, привел, как обещал.

– Как придет машина из военкомата, сразу идешь сюда. Я тебя здесь ждать буду. Понял? – Дождавшись кивка головой, продолжил: – Ну, работайте. И... дедуля, следи за языком, если еще какие визитеры появятся, сразу иди в НКВД.

Напоследок напугав семейку, я подхватил сверток с трофеями и растворился в лесу.

– База, это Феникс, прием.

– База на связи. Как там дела?

– Познакомился с местными. Готовь посылку, времени мало. К обеду должен быть на месте, возле поселка. Прием.

– Вас понял.

– Все, конец связи, скоро буду на базе.

Постараюсь успеть. Мне еще в балке нужно найти двух последних диверсантов.

Сбросив сверток у приметного дерева, я побежал к балке. Все как рассказывали – вырубка. Пришлось обходить вырубку, наверняка там наблюдатель сидит. Сделав крюк этак метров триста, пересек вырубку и стал заходить с фланга к балке. Все-таки прибор ночного видения – вещь великолепная. Свинтив с пистолета глушитель, спрятал его в кобуру, а из-за спины выхватил укороченный автомат Калашникова с глушителем, передернул затвор и взял его наизготовку.

Очень трудно подбираться к бодрствующему противнику, особенно ночью. У человека обостряются слух и обоняние, а если он внимательно наблюдает, то нужно быть десять раз осторожным, чтобы не выдать себя и к нему подобраться. Я, конечно, не специалист в таких вопросах, не охотник, и специально меня никто не готовил. Так, немного пришлось побегать по Крымским горам – и все. Так что страшно. Одно преимущество, что вижу в темноте лучше противника.

Так осторожно мне пришлось пробираться с полчаса. Видимо, наблюдатель нервничал, ожидая людей, посланных в деревню, и начал ворочаться, чем себя и выдал. Остальное дело техники. Но где же второй?

Потратив еще минут десять, чтобы подкрасться поближе, наконец-то рассмотрел и второго, он лежал в низине на нарубленном лапнике и тихо постанывал. Пришлось с трудом выбирать место, с которого видны обе мишени.

Как ни был осторожен, но под ногой все-таки хрустнула ветка.

Наблюдатель сразу обернулся, но оружие вскинуть не успел, слишком долго разворачивать громоздкий ППД в мою сторону.

Пришлось стрелять. Автомат дернулся у меня в руках, выдав короткую очередь. Наблюдатель захрипел. Но звук у автомата с глушителем, конечно, громче, чем у пистолета. Раненый зашевелился и попытался выхватить пистолет. Пришлось прыгать на него. Сильный, гад, конечно, даже через маскхалат основательно кулаком дал мне в грудь, хорошо, что там разгрузка с магазинами для автомата. После того как несколько раз коленом дал по сломанной ноге, он потерял от боли сознание. Я забрал у него оружие и по-быстрому обыскал. Пока он в отключке, поднялся на пригорок и, взяв за шиворот уже мертвого наблюдателя, стянул его в низину, к последнему оставшемуся в живых диверсанту.

Пока мне везло. Но нужно быть поосторожней. Насмотрелся в свое время на таких везунчиков – начинали верить в свою неуязвимость, теряли осторожность и погибали.

Тем более со временем проблема. Гауптман не пришел в себя, пошмонаю труп. Тот же набор документов и та же форма. Заляпанную кровью форму снимать не стал. Просто забрал документы и оружие.

Что-то раненый не приходит в себя, наверно, шок сильный. Похлопал его по щекам, не помогает. Можно, конечно, кольнуть ему противошоковое из аптечки, но жирно будет. Самим мало. Ну и ладно. Времени мало. Тут такие дела намечаются. Подняв автомат, дал короткую очередь в голову.

Странно. За сегодня погасил шесть жизней – и никаких эмоций. Там, в Крыму, все было иначе, наверно, что-то «перегорело». Надо будет с девчонками поговорить на эту тему, а то слышал, что такое «синдром войны», когда все проблемы хочется решить с помощью насилия. Или, может, это результат сидения в бункере или перехода через портал. Но все же в памяти поставил галочку, тема серьезная. Психологическое состояние нельзя запускать.

Собрал все свои трофеи, разбросанные по лесу, пришлось устраивать марш-бросок до портала.

Светка, предупрежденная по рации, дожидалась меня. Велико было ее удивление, когда я приволок целый тюк с формой и оружием. Все, уходим. Поднявшись по стремянке, с трудом закинул в портал тюк и перебросил свое тело. Набегался сегодня. Там уже ждали объяснения.

– Девушки, дорогие, все потом. Дайте отдышаться и перекусить, набегался я за ночь.

– А это откуда? – не сдавалась Светлана. Развернула тюк и рассматривала сапоги, форму. На одной гимнастерке были видны следы крови. Особое внимание привлекли документы сотрудников НКВД, изъятые у диверсантов

– Твоя работа? Ты что, там отряд энкавэдэшников уничтожил?

Я, стянув с себя маскхалат, устало сел на стул.

– Нет, радость моя, напоролся на немецких диверсантов. У них при высадке командир ногу сломал, вот они у одного предателя в том поселке пытались его пристроить. Предатель перевербован, диверсанты уничтожены. Все в ажуре. Давай сначала перекусим, потом поговорим.

Светка все поняла и уже доставать не стала. Знает ведь, что когда я голодный, меня лучше не доставать. Конечно, послать не пошлю, но вот изысканно нахамить и нагрубить – это мы можем.

После плотного обеда наконец-то собрали совещание. Кратко рассказав про события ночи, получил целую гору упреков, наездов и недовольства. По большому счету они правы – разведка есть разведка, а устраивать охоту с сомнительным исходом – это верх непрофессионализма. Попытка сослаться, что я все-таки не разведчик, а банковский служащий, вызвала новую бурю упреков. Что ж, они правы.

После того как девчонки вывалили на меня свои «нервы», все успокоились и наконец-то начался нормальный диалог.

– Сережа, что ты думаешь делать дальше? Ты сказал, что у нас мало времени.

Мне пришлось провести маленький ликбез по истории Великой Отечественной войны, особенно уделяя внимание обороне Могилева и разгрому наших войск под Смоленском.

– Таким образом, где-то в середине июля эта территория станет фронтом, причем бои тут будут очень тяжелые, а потери просто ужасающие, и после двадцать пятого здесь будет тыл немецких войск. Учитывая, сколько тут будет разбито частей и соединений, через эти леса пройдет много окруженцев. Значит, наши выходы в это время могут быть сопряжены уже с большим риском. Поэтому начинаем нашу операцию по внедрению и влиянию на исторический процесс. Света, что там с письмом? Думаю, можно написать и на принтере, пусть ломают голову, что за новая такая печатная машинка. Марина, тут просьба к тебе, мне на завтра нужна чистая и отглаженная форма сотрудника НКВД, из тех, что я принес. А я пока займусь оружием и документами.

После распределения заданий все принялись за дело – времени оставалось мало.

К обеду следующего дня я уже был на месте. В наглаженной форме. В наличии имелись документы, выполненные лучшими немецкими специалистами и немного подправленные нами. На ремне висела кобура с пистолетом ТТ. В планшете лежал конверт с очень важным письмом, которое нужно было обязательно отправить, ради чего это все и было затеяно.

Около одиннадцати нарисовался Силантий. Как бы случайно он прошелся к лесу. Я его окликнул. Он испуганно смотрел на меня. Видимо, и в балке побывал, увидел там мои художества.

– Ну, здравствуй, Силантий, как спалось? – Дедка аж передернуло. – Мое задание выполнил?

– Все сделал, товарищ командир. Все сделал, как вы приказывали.

– Ну и ладушки, что там, пришла машина с сопровождающими?

– Да, только недавно, целый капитан приехал и с ним старшина.

– Хорошо, пойдем. Идем раздельно. Нечего тебе со мной светиться. Сиди дома и не высовывайся, пока машина не уйдет. Как пройти к сельсовету?

Он вполне толково объяснил, и мы расстались.

Идя по селу, я с интересом глядел по сторонам. Люди смотрели на меня заинтересованно, но без страха, с которым, как писали в наше время, относились к сотрудникам НКВД. Я, представитель другого времени, смотрел на этих людей, и мне было грустно, я думал о том, что многих из них скоро не станет: кто от голода погибнет, кого на работы угонят, кого живьем каратели сожгут, кто в партизанах будет сражаться.

Увидев молодую женщину, я поздоровался.

– Добрый день. Не подскажете, как к сельсовету пройти? А то я немного заблудился.

Женщина улыбнулась и стала рассказывать, а потом предложила проводить. Вот так, в приятной компании я подошел к сельсовету. Человек тридцать мужчин призывного возраста и куча родственников и знакомых толпились около машины. В машине копался водитель, солдат средних лет. Увидев меня, он встал по стойке «смирно» и отдал честь. Козырнув ему в ответ, я спросил:

– Вольно. Где сопровождающий?

– В сельсовете списки сверяет с председателем, товарищ капитан.

– Не капитан, а лейтенант госбезопасности, боец, – поправил его я и двинулся в здание сельсовета.

Там столкнулся лицом к лицу с моложавым капитаном, с орденом Красной Звезды на груди.

– Капитан Звонарев, – представился он, отдав честь.

– Лейтенант госбезопасности Зимин, – в ответ представился я – именно такая фамилия значилась в документах, которые сейчас были у меня. – Товарищ капитан, можно вас на пару слов, с глазу на глаз. – И показал председателю кивком на дверь, тот все сразу понял и, сослав-

шись на необходимость, выскочил на крыльцо. Мы зашли в помещение, там солдат средних лет, с петлицами старшины, что-то писал.

– Старшина, выйди, – приказал Звонарев и, после того как тот вышел, повернулся ко мне: – Я вас слушаю, лейтенант.

– Капитан, как вас по имени-отчеству?

– Алексей Семенович.

– Так вот, Алексей Семенович, у меня вопрос и просьба, начну с вопроса. Когда вы уезжаете и не видели ли ничего необычного, когда ехали сюда?

– Да нет, ничего такого. А что случилось?

– Вчера вечером был зафиксирован пролет самолета над этим лесным массивом, и не исключена возможность выброски разведывательно-диверсионных групп, так что просьба, когда будете ехать, у любого встречного патруля, который проявит к вам нездоровый интерес, требуйте документы и страхуйтесь. По нашим данным, немцы понабирали диверсантов из числа прибалтов и поволжских немцев, которые великолепно говорят на русском, служили в РККА и спокойно могут выдавать себя за граждан Советского Союза. Так что не закрывайте кобуру и будьте настороже. Особенно они любят сами проверять документы.

Капитан задумчиво выслушал, кивнул пару раз.

– Да, у нас слухи про такое уже ходят.

– И у меня будет просьба. Вы ведь в Могилев едете? – Дождавшись утвердительного кивка, я продолжил: – Вот вам пакет с документами. По оперативной обстановке я не могу сам его доставить, потому что должен быть здесь. Его нужно доставить дежурному по Управлению НКВД в Могилеве, для начальника управления, майора госбезопасности Пилипенко. Это очень важно. Если на вас нападут, вы обязаны сначала уничтожить документы, а потом можете умирать. Возьмите с собой канистру с бензином и, если что, жгите.

Я протянул ему большой конверт, на котором размашистым почерком было написано: «Куда: Управление НКВД, г. Могилев. Кому: майору госбезопасности Пилипенко». Видимо, капитан проникся моментом. Сначала у него, наверно, была мысль, что я шпион, но после такого, думаю, все сомнения пропали.

– Вы когда думаете выезжать?

– Через полчаса. Списки уже согласованы, народ собран.

– Хорошо. Я подожду и провожу вас, у меня время есть.

– А что сказать, от кого документы?

– Скажите лейтенант Зимин, ОСНАЗ главного управления государственной безопасности, антидиверсионное подразделение «Вымпел», – с серьезным видом выдал я.

Глава 4

Вечером 26 июня 1941 года майор госбезопасности Пилипенко засиделся у себя в кабинете. Только что распустив начальников отдела с очередного совещания, он разбирал накопившиеся за день документы, требующие его внимания. Большой странный конверт сразу привлек его внимание.

Вскрыв конверт, он вытащил оттуда еще один плотный конверт, на котором был указан адрес, который вызвал у хозяина кабинета оторопь. На конверте значилось: «Народному Комиссару внутренних дел товарищу Берии Л. П.» Вслед за конвертом с таким грозным адресом выпал листок, адресованный лично ему.

«Майору госбезопасности Пилипенко А. И.

Товарищ майор, в конверте, адресованном Народному Комиссару внутренних дел товарищу Берии Л. П., содержатся стратегические сведения государственной важности. Ценность информации такова, что они могут коренным образом повлиять на ход войны с фашистской Германией. Ситуация сложилась таким образом, что из-за боевых действий нет возможности штатно передать данные сведения.

Вам рекомендуется максимально быстро передать данный пакет в Москву любыми возможными путями и обеспечить его сохранность.

Вы можете взять на себя ответственность и ознакомиться с содержимым пакета, адресованного Народному Комиссару внутренних дел, но при этом обязаны ни при каких обстоятельствах не попасть к противнику живым».

Письмо было без подписи, отпечатанное типографским способом на белой, качественной бумаге. Конверт, адресованный товарищу Берии, жег руки. Что-то нужно было предпринять. Закурив новую папиросу, Александр Иванович Пилипенко задумался. Что бы потом в далеком будущем не говорили про работников НКВД, но дураки, алкоголики и психопаты там встречались очень редко. Специфика спецслужб такова, что жестокий отбор быстро отсеивает подобных. Они либо уходят сами, либо попадают под «случайную» машину, тонут в ванной, выкидываются из окна. Для него организация представлялась клинком – острым и весьма опасным, а они, сотрудники – лезвием этого клинка. Его задача карать, находить и карать. А еще защищать Родину. Сейчас, когда идет война, он должен быть втройне, нет, в десять раз бдительнее и беспощаднее.

Александр Иванович дослужился до майора, начальника областного управления. Чин немалый, и за годы службы у него уже выработалось звериное чутье, которое не раз помогало ему. И сейчас это чутье просто кричало, что тут не все так просто. Но при этом он видел в этом деле какой-то шанс проявить себя, продвинуться. Как умудренный жизненным опытом человек, он считал карьеризм нормальным явлением, если он умещался в разумные рамки и не толкал к необдуманным поступкам, авантюрам и хуже того – к предательству.

Подняв трубку телефона внутренней связи, он вызвал дежурного.

– Дежурный, мне пришел пакет, откуда он и кто его доставил?

– Час назад приезжал капитан Звонарев с горвоенкомата, сказал, что конверт передал лейтенант главного управления госбезопасности Зимин в селе Вильницы. История вообще странная.

– Вызови ко мне капитана Чистякова. Направь сержанта Демина, пусть привезет мне этого капитана из военкомата.

Через полчаса в кабинете висели клубы табачного дыма, и два сотрудника НКВД слушали рассказ капитана Звонарева.

– ...вот так вот он и сказал, чтобы рядом с конвертом была канистра с бензином и он никаким образом не попал в руки к противнику.

– Что вы еще заметили?

– Взгляд. Это был взгляд спокойного, усталого человека, но при этом взгляд волка, и когда он сказал, что из ОСНАЗа, я сразу поверил. Что-то в нем было такое... безжалостное. Еще интересно, что он очень бледный, как будто на солнце не выходит. Когда он сидел в стороне, ждал нашего отъезда, я увидел, как этот человек сидит и просто наслаждается солнцем. Вот что меня поразило.

– Вы не подумали, что это может быть немецкий диверсант?

– Была такая мысль, но когда он выдал пакет и сказал кому, а потом долго говорил о мерах предосторожности, я решил, что он наш.

– Хорошо, товарищ капитан, вы свободны. Спасибо, и запомните – об этом случае ни слова никому.

– Да понятно. Не дурак, сразу было ясно, что тут не все так просто.

Когда капитан вышел, Свиридов обратился к своему заму:

– Ну что, Коля, думаешь по этому поводу?

– Темная история. Скорее всего, кто-то из разведки потерял штатные средства передачи информации и ищет резервный выход на Москву, и информация действительно может быть важной. Саша, ты напиши рапорт о событиях, свои мысли о том, чтоб конверт проверили на предмет ядов, чтоб нас потом крайними не сделали, и отправь этот конверт в Москву, от греха подальше. А я завтра возьму пару человек и сгоняю в это село, покручусь на местности, может, что новое и узнаю. Не зря ж этот человек там объявился. Если это действительно так, как мы думаем, это шанс. Тем более в том районе недавно пролетал неопознанный самолет и выходила на связь радиостанция.

Тем же вечером конверт с описанием был срочно отправлен в Москву спецсвязью. Извещенные шифрограммой сотрудники Главного Управления Государственной безопасности НКВД СССР с нетерпением ждали этот груз. После второй шифрограммы, полученной через сутки и составленной на основании расследования капитана Чистякова в селе Вильницы, груз в сопровождении офицера Смоленского НКВД был отправлен военным самолетом.

Отправке второй шифрограммы предшествовали интересные события. К вечеру 27 июля 1941 года в кабинете начальника управления Могилевского НКВД проходило совещание по результатам расследования в селе Вильницы. Докладывал капитан Чистяков.

– Информация, переданная капитаном Звонаревым, полностью подтвердилась. Почти такое же описание сотрудника НКВД дали председатель сельсовета и несколько свидетелей. Предположив, что неизвестный вышел из леса, обследовали близлежащий лес. На расстоянии ста метров от крайних домов, в кустах, на краю леса было обнаружено место, с которого проводилось наблюдение за селом. Предположительно наблюдение вели два человека. Там же была обнаружена кровь. На расстоянии пяти метров обнаружили четыре гильзы, предположительно от пистолета «Парабеллум» или «Вальтер». По расположению гильз и крови можно предположить, что два наблюдателя были застрелены сзади в голову, с расстояния четырех-пяти метров. Исследуя отпечатки обуви, выявили, что наблюдатели были одеты в командирские сапоги. Стрелок же был обут в тяжелую нестандартную обувь на рифленой подошве. Также были обнаружены еще два пятна крови, но они находятся несколько левее места наблюдения, что говорит об уничтожении не менее четырех человек. Учитывая количество и расположение гильз, а также количество возможных уничтоженных противников, можно сделать вывод о высоком профессионализме стрелка.

– Безжалостный волк, – процитировал Звонарева начальник управления. – Что еще?

– Явственно были видны следы волочения тел. Проследив направление этих следов, нашли место, где одного из убитых допрашивали. Там натекло крови, и остался кровавый след на дереве. Похоже, один человек был ранен, допрошен и потом застрелен. Пулю с фрагментами мозговой ткани в дереве нашел наш эксперт. Проследив, куда все трупы были утащены,

в ста метрах, в небольшой балке нашли захоронение. Шесть трупов. Три полностью раздеты, с характерными ранениями в голову. Двое в затылок, один в лоб. Один был связан по рукам и ногам странными белыми ремешками с защелкой. Эксперт говорит, что это какой-то странный материал. Человек был ранен в руку, а потом застрелен в голову, видимо, его как раз и допрашивали. При этом он был одет в маскхалат, используемый немецкой армией, а под маскхалатом была форма старшего лейтенанта НКВД со всеми знаками различия.

– Раздеты. Хм. А не в этой ли форме этот лейтенант Зимин был? Может, поэтому и стрелял в голову, что ему нужна была форма. Что еще? – напомнил Пилипенко, пока Чистяков переводил дух.

– Еще было два трупа, также в маскхалатах, и под ними форма НКВД. Один застрелен навывлет в спину и грудь. Другой имел свежий перелом ноги и был застрелен в голову двумя выстрелами. Вероятно, это произошло там же, в балке, судя по следам крови на земле. Удалось найти гильзы от оружия, и вот это как раз поразительно. Гильза стальная, покрытая лаком. И главное – калибр около пяти с половиной миллиметров. Потом оказалось, что два последних были застрелены именно такими пулями. – Чистяков поставил на стол перед начальником две такие гильзы от самого обычного автомата АК-74. И тут же положил маленькую пулю. – Таких патронов я никогда не видел, и если посмотрите, то на доньшке гильзы есть звездочка. Такая маркировка ставится только на наших заводах.

– Какая-то она маленькая, несерьезная.

– Но при этом раны у трупа смертельные.

– Что еще?

– Мы проследили, откуда пришли эти шестеро и стрелок. Шестеро пришли со стороны Днепра, на поляне нашли парашюты, семь штук: шесть в обычном исполнении, седьмой транспортный.

– Диверсанты?

– Да. Точно подтверждено. И наш стрелок их всех уничтожил, при этом одного допросил.

– А стрелок откуда пришел?

– С восточного направления, потом его следы теряются.

– Может, их там несколько было? Все-таки один шестерых подготовленных диверсантов...

– Нет, мы все там облазили и нашли только его следы, уж слишком они необычные. И вот что еще интересно, столько выстрелов, а в деревне никто ничего не слышал. Значит, пользовался бесшумным оружием.

– И что ты думаешь?

– Может, действительно ОСНАЗ, какое-нибудь особое подразделение, бесшумное и необычное оружие, в одиночку уничтожает отряд, и вспомни, как он Звонареву представился? Специальное антидиверсионное подразделение. Может, оно так и есть? По-моему, это все нужно изложить в докладе и отправить в Москву. Пусть они там разбираются. У нас тут фронт подходит.

– Хорошо. Так и сделаем.

На этом совещание закончилось.

Глава 5

А вот в Москве все только начиналось. Естественно, странный пакет сразу не попал на стол к Берии. Его со всей тщательностью сначала проверяли и перепроверяли на наличие ядов и опасных болезней. Но так как их там не было, то эксперты ознакомились с содержимым и, мягко сказать, были удивлены. Сначала было письмо, адресованное лично Лаврентию Павловичу Берии, также напечатанное странным типографским способом. Затем была стопка технической документации и описаний, которые сразу заинтересовали экспертов. Но сначала со всем этим решил лично ознакомиться грозный нарком НКВД, после прочтения второй шифрограммы, в которой рассказывалось, как лихо и при каких обстоятельствах была уничтожена немецкая диверсионная группа.

В первую очередь его заинтересовало сопроводительное письмо, адресованное лично ему:

«Уважаемый товарищ народный комиссар внутренних дел!

Ситуация сложилась так, что мы имеем доступ к информации, имеющей стратегическое значение для Советского Союза. Нас ужаснули планы Ваших противников, направленные не просто на уничтожение Советского Союза как государственного формирования, а на геноцид советского народа. И это не только слова. Есть уже распоряжения рейхсфюрера СС, Генриха Гимmlера, о создании огромных фабрик смерти – концентрационных лагерей, где уничтожение людей самых разных национальностей будет поставлено на поток с немецкой педантичностью. В Германии идет постоянное создание новых видов вооружения, которые со временем могут привести к огромным потерям в рядах РККА и мирного населения.

Мы не имеем отношения к разведывательным и контрразведывательным структурам ни Ваших противников, ни Ваших теперешних союзников.

Воспринимайте это обращение как инициативу третьих лиц, обеспокоенных угрозой уничтожения России вне зависимости от вида государственного строя в ней.

В качестве жеста доброй воли предоставляем Вам материалы директивы № 21, известной как план „Барбаросса” – войны против Советского Союза.

Любую полученную информацию Вы можете проверять любыми путями, чтобы убедиться, что это не дезинформация.

В качестве подтверждения, что письмо дошло до Вас и Вы готовы сотрудничать, прошу в вечерней сводке Совинформбюро указать, что: „За героизм и отвагу капитан Пронин награжден орденом Красной Звезды”. На следующий день, тем же каналом, через Могилевское управление НКВД, будет передан следующий пакет с информацией. К этим документам будут приложены: кодовая таблица, списки частот и порядок работы, согласно которым возможен обмен информацией с использованием радиостанций в случае невозможности передачи данных другим путем.

Попытка физического захвата курьера будет расцениваться как разрыв отношений и потерю для Вас важного источника информации, в ценности которого Вы скоро убедитесь.

С уважением, *Странник*».

В дополнение к письму прилагались несколько страниц, отпечатанных на привычном для человека двадцать первого века лазерном принтере, на которых были размещены фотокопии того самого плана «Барбаросса» – схемы, карты, таблицы с описанием количественного и качественного состава Вермахта, задействованного на Восточном фронте.

Еще в одном приложении было изложено устройство глубинных магнитных мин, которыми была закрыта Севастопольская бухта, и способы их поиска и разминирования.

Информация была сверхважная. Если до этого советское руководство могло только догадываться об основных направлениях ударов и целях наступательных операций Германии, то теперь картина, в общем, была ясна, и опасность положения Красной Армии стала намного явственней и пугающей.

Как любой государственный деятель, Лаврентий Павлович обладал определенной долей скептицизма и недоверия, и занимаемый пост к этому просто обязывал, но полнота информации, качество изложения говорили сами за себя. И еще раз, сравнив схемы, указанные в донесении, с текущим положением на фронте, он убедился, что надо с полной серьезностью отнестись к этой информации и соответственно к источнику.

Чтобы окончательно убедиться в ценности источника, он решил посоветоваться с кем-то из военных. Подняв трубку внутреннего телефона, он вызвал своего адъютанта.

– Соедини меня с Шапошниковым.

Через пять минут раздался звонок.

– Борис Михайлович, здравствуйте, – с легким кавказским акцентом сказал нарком.

– Здравствуйте, Лаврентий Павлович.

– Борис Михайлович, наша разведка достала интересные документы, и я хочу, чтобы вы с ними ознакомились и высказали свое мнение как военный специалист. По моему мнению, важность этих документов такова, что я попросил бы вас не затягивать с приездом. Тем более, насколько я знаю, вы неплохо владеете немецким языком.

– Хорошо, я скоро буду.

Лаврентий Павлович не захотел выпускать из рук такие документы. Ведь именно его организация их достала, и в условиях постоянного соперничества НКВД и военной разведки это будет большим и очень жирным плюсом перед руководством.

Через два часа в том же кабинете Шапошников угрюмо вчитывался в страницы, делая пометки у себя в блокноте. Так продолжалось более сорока минут, но Берия терпеливо сидел и ждал вердикта.

– Ну что ж, Лаврентий Павлович, это все очень серьезно, если вы обратили внимание, то тут приводится не только информация, но и сравнительный анализ состояния частей Вермахта, оргштатной структуры с частями РККА. Очень похоже на правду. И есть еще один неприятный момент. Мы предполагали, что Германия ставит перед собой задачи по захвату нефтеносных районов Кавказа, плодородной Украины и по нарушению промышленного потенциала за счет захвата важных объектов в европейской части страны. Это все правильно, но они решили не повторять ошибок Наполеона – в первую очередь уничтожить костяк РККА и потом по частям уничтожать отоброшенные дивизии, которые по определению имеют более низкую боеготовность. А затем уже идти дальше. Все нанесенные удары полностью соответствуют концепции, указанной в этом докладе. Лаврентий Павлович, судя по уровню данной информации, ваш источник вхож в высшие круги руководства Германии, есть ли у него более подробная информация? Сами понимаете, это жизненно важно.

– Мы сейчас работаем над этим вопросом. Источник новый и до конца не проверенный. Возможно, что это и масштабная дезинформация Абвера. Но ваше мнение для нас очень важно. Пока я вас попрошу не распространяться о полученной информации. Если все указанное здесь правда, то сами понимаете, таким каналом получения информации не стоит пренебрегать и его необходимо оберегать в первую очередь. Все, спасибо, я вас больше не задерживаю.

После ухода Шапошникова Лаврентий Павлович позволил себе выпить рюмочку армянского коньяку. События последней недели заставили его испытать много противоречивых чувств. В том, что проморгали начало войны, есть и его вина, и то, что Хозяин пока не наказал его – это дело времени. Если этот Странник действительно обладает информацией и это не игра немецкой или британской разведок, то это дает неплохие перспективы на будущее и воз-

возможность доказать свою незаменимость. То, что письмо написано от группы лиц, наводит на размышление. Один человек не смог бы просто так собрать и систематизировать такие данные. В письме говорится о следующей порции информации – попробуем, получим и тогда будем делать выводы. Сказанное Шапошниковым, одним из лучших военных теоретиков, заставляет задуматься.

Надо послать в Могилев своего человека с группой силовой поддержки и контролировать весь процесс. Пока курьера трогать не будем, как просили «неизвестные друзья», но откуда поступают сведения – нужно узнать и взять реальный источник под жесткий контроль. А пока идти к товарищу Сталину с такой непроверенной информацией преждевременно. Приняв для себя решение, Берия перешел к действию. Подняв трубку одного из телефонных аппаратов, он дал команду адъютанту вызвать начальника Главного Управления государственной безопасности. Тот не смог приехать сразу, и встреча была назначена на вечер. Меркулов был изначально ставленником Берии, участвовал в чистках аппарата НКВД от людей Ежова, часто выполнял щекотливые поручения и поэтому пользовался большим доверием, насколько это возможно в такой среде. В данной ситуации Лаврентию Павловичу было необходимо провести работу по Страннику в условиях соблюдения максимальных мер секретности, поэтому комиссар госбезопасности 2-го ранга Меркулов Всеволод Николаевич подходил идеально. С подачей сообщения в сводке Совинформбюро решил повременить до завтрашнего вечера, при этом подстраховав канал передачи информации из Могилева своими людьми. Дело Странника было выделено в отдельное производство под кодовым именем «Оракул».

Поздно вечером, выслушав своего начальника и осознав всю важность задания, Меркулов принялся действовать.

Собрав ночью нескольких особенно доверенных сотрудников центрального аппарата, он провел совещание, на котором был выработан план действий по операции «Оракул». И следующим вечером, 30 июня, в вечерней сводке Совинформбюро было на всю страну объявлено о награждении капитана Пронина орденом Красной Звезды, а в Могилев отправилась группа работников ГУГБ НКВД во главе со старшим майором госбезопасности Киселевым.

Глава 6

Пока в Москве Берия с доверенными людьми ходили вокруг распечаток случайно скачанных в Интернете фотокопий плана «Барбаросса» с личной подписью Гитлера, я думал о том, что делать и как бы за это не получить по голове.

Что под нас уже копают и вскоре в Могилеве появится группа сотрудников спецслужб, наделенная особыми полномочиями, я не сомневался. И то, как капитан Чистяков из Могилевского управления НКВД основательно рыл носом и носился по лесу вокруг села Вильницы, наводило на размышления о том, что надо больше думать, прежде чем действовать. Что точка «выхода» посещалась, я сразу узнал. Мне хватило ума высоко на дереве спрятать видеокамеру и малогабаритный видеорегистратор, настроенный на запись по движению. Поэтому надо было провести какую-нибудь отвлекающую акцию, чтоб они тут поменьше крутились.

За ужином Марина поразила меня простым по сути вопросом, которым я как-то не додумался озаботиться:

– Сережа, а почему портал именно здесь выходит, а не в Сибири или в Африке, и что будет, если установку передвинуть, ну, допустим, на верхний ярус бункера?

Я надолго задумался. В принципе, установка настроена, но разбирать ее часа полтора, перенастройка на канал – это еще часа два. Время для опыта есть. Особенно, если настроенные установки сохраняются с учетом привязки к определенному месту, к его гравитационным и электромагнитным параметрам. То, что сегодня вечером передадут в сводке про капитана Пронина, я весьма сомневался, они там еще дня два будут думать, поэтому надо попробовать. Еще одна причина состоит в том, что нужно отследить, как и куда будет перемещаться портал при изменении географических координат входа.

Для этого есть ряд причин. Первая и основная – ресурсы бункера подходят к концу. Здоровье детей, безвылазно сидящих в бункере, да и взрослых, начало волновать Марину, и для этого имелись основания. По нашим прикидкам – у нас не более года, потом процессы станут необратимыми. Выход на поверхность исключен – уровень радиации таков, что не оставляет шансов на выживание. Попытка переселиться в 1941 год не менее опасна – территория Могилевской области в течение месяца будет оккупирована немцами, и даже если спустить об этом информацию советскому командованию, то, по моему глубокому убеждению, мало поможет. Вермахт на пике силы, и сейчас Красная Армия может его только потрепать, но не разбить и остановить. Слишком уж разные весовые категории.

Так что мне остается два вида действия – играть в шпионо-информационные игры с элементами догонялок с НКВД и работать по модернизации установки, пытаясь сместить либо время, либо место выхода.

Здоровый скептицизм и обычная человеческая лень позволили не заниматься глупой работой и все заново продумать.

Для начала нужно как-то отметить нынешнее место высадки. Для этого пришлось раскопать поисковый запросный маяк, который в нашей банковской практике использовался, когда мы водили по городу машину одного из сотрудников банка, подозреваемого в сливе информации мошенникам для получения кредитов. Он передавал импульсный радиосигнал по радиокоманде. Работал в пределах шести – восьми километров, но и так хорошо. Пришлось снова включить машину и шагнуть в 1941 год. Там, на дереве, я сделал тайник, куда спрятал маяк и простые электронные часы, которые отсчитывали еще и дату. Так что, в случае смещения по времени, я смогу определить, куда и как.

Была гипотеза, что это параллельный мир, и тогда я здесь ничего не должен найти. Что ж, проверим. Конечно, разбирать машину и перемещать ее наверх я не стал. Просто лень было, да и параметры такого смещения будет трудно просчитать. По совету просто подвинул машину

вправо на полметра, предварительно отметив на полу первичное местоположение установки. Снова часа два перенастраивал – настройка безбожно сбилась.

Найдя наконец-то канал и настроившись на него, решил провести опять все основные мероприятия по разведке. Маринка, которую пришлось поднимать с постели, конечно, поворчала, но стала помогать. Тут и Светлана подтянулась, как же без нее.

Пока девушки занимались проверочными мероприятиями, я, убедившись, что там нормальная атмосфера, решил провести прыжок для разведки. Но предварительно выкинул через портал видеокамеру для проверки и увидел открытое ночное поле. Выкинув антенну, просканировал радиодиапазон. Судя по передачам – тот же 1941 год. Осталось выяснить местоположение для первичной оценки смещения.

Пришлось снова облачатся и вооружаться как для разведки. Высадившись, я сразу спрятался в высокой траве. На поверку это оказалось поле, засеянное пшеницей. Осмотревшись и послушав ночь, я начал двигаться. Попробовав вызвать радиомаяк, ответа не получил – значит, либо его нет в этой реальности, либо он находится далеко. Нос сразу учуял человеческое жильё. Оставив в месте высадки еще один маяк и чуть прикопав его, я аккуратно двинулся в сторону жилья, стараясь сильно не мять пшеницу, чтобы не оставлять следов. Минут через десять я мог нормально рассмотреть поселок. Света почти не было, но прибор ночного видения давал неплохую картинку поселка. Очень похоже на Вильницы, что возле первого портала, но и различается размером. Надо получить информацию. Приближаться слишком близко к селу тоже нехорошо – собаки сразу учуют и начнут лаять на всю деревню. Пришлось обходить деревню по дуге, исследуя ее топографию. Может, чего интересного и найду. Через полчаса, невдалеке от небольшого перелеска наткнулся на добротный сарай, стоящий отдельно от деревни. Уже собирался пройти мимо, как услышал приглушенные голоса. Неужели снова диверсанты? Жена не поверит и решит, что я опять поохотиться вышел, и устроит на целый вечер лесопилку на дому, точнее в бункере.

Приблизившись к сараю, через широкую щель аккуратно заглянул туда. Немного понаблюдав, чуть не упал от хохота. Какой-то паренек соблазнял девчонку, мотивируя это тем, что сейчас война и он скоро уходит на фронт. А девушка ломалась и обещала ждать только его одного. Просидел возле сарая минут двадцать и стойко сдерживал смех, наблюдая за действиями парочки, всю сочувствуя пареньку. Но пока ему удалось добиться только пары расстегнутых пуговиц на блузке. Но время дорого и надо получить информацию. Откинув накидку маскхалата и сняв прибор ночного видения, я надел на голову фуражку офицера НКВД. И, уже не таясь, подошел к входу в сарай. Потом, резко открыв дверь, включил фонарик и направил его на парочку.

– Стоять, НКВД. Кто дернется, стреляю без предупреждения!

Девчонка, пискнув, спряталась за спину белобрысого паренька. А тот замер, боясь пошевелиться, и заворуженно уставился на ствол автомата. Но, видимо, девчонка оказалась психологически устойчивей, быстро пришла в себя и затараторила:

– Товарищ командир, не стреляйте, мы свои, советские. Меня Настя зовут, а это мой жених Николка, его завтра на войну отправляют, последний вечер.

– Ладно, верю, не похожи вы на немецких диверсантов. Да и мы тут за вами уже минут двадцать наблюдаем. Думали, немецкие парашютисты спрятались.

При этих словах девчонка засмузилась. А парень, наконец-то придя в себя, уже осмысленно вслушивался в разговор.

– Вы тут давно шушукаетесь. Ничего особого не замечали? Там людей непонятных или, может, кто из односельчан себя странно вести стал, радуется временным поражениям Красной Армии?

– Нет, все готовы Родину защищать, – снова затараторила девчонка, ткнув локотком своего ненаглядного, чтобы поучаствовал в разговоре.

– Хорошо. Напомните мне, что это за село, не Вильницы ли случаем, а то, кажется, не в ту степь забрели.

– Нет, это Запрудье, до Вильницев километров двадцать будет, – сказал уже паренек и начал странно коситься на мой маскировочный костюм «Кикимора».

Поняв, что он подумал, я решил сразу пресечь ненужные мыслишки у парня.

– Ты, парнишка, глазками не зыркай, был бы я немцем, то не разговаривал бы с тобой, а сразу уничтожил и пошел дальше. А мы, наоборот, шатаемся тут по ночам, чтоб вы в тылу смогли нормально жить, вон, по сараям невест тискать. Ладно, недосуг мне с вами тут говорить. – И, обращаясь к воображаемому отряду, прикрикнул в темноту: – Сержант, все, уходим. Это просто дети.

И повернулся уходить. Потом что-то подтолкнуло, повернулся обратно и сказал девочке, смотря прямо в глаза. Мне их действительно было жалко – сколько таких молодых погибло, не долюбив, не почувствовав...

– Девочка, будь с ним поласковее, война будет тяжелая, знаешь, сколько их таких молодых не вернется. Они ж мальчишки. Сама потом жалеть будешь.

И, повернувшись, скользнул в темноту.

Отойдя метров на триста, я снова облачился для движения в темноте, сверился с картой и компасом и пошел в сторону деревни Вильницы. Связался с базой по радиостанции, объяснил ситуацию. Мне еще всю ночь топать.

Приходилось перемещаться достаточно быстро. Двадцать километров по ночи, считай по вражеской территории, нелегкое дело. Приходилось то бежать, то останавливаться и прислушиваться. Через два часа движения я наконец-то получил ответ от оставленного возле первого портала маяка. Ну что ж, гипотеза о параллельных мирах не подтвердилась. Во всяком случае, пока я пользуюсь одним и тем же пробойным каналом. А значит, все еще разгуливаю по одному и тому же миру, только вот в каком он отношении относительного нашего мира еще предстоит выяснять. Или он параллельный, и канал их жестко связывает, так что время и тут, и там течет с одинаковой скоростью. Или это одна и та же историческая последовательность. Но вот то, что за счет перемещения установки можно менять координаты выброски – это очень хорошо. А то место выхода первого портала уже засвечено.

Рассуждая на такие темы, я приблизился к знакомому уже лесу, не забывая оглядываться по сторонам. Благодаря этому удалось вовремя увидеть движение на лесной грунтовке. Да что ж это такое, неужели опять диверсанты! Такое впечатление, что они под каждым кустом сидят. Но, посмотрев и понаблюдав, пришлось пересмотреть свое мнение. Пропустив мимо себя троих вооруженных винтовками красноармейцев, я увидел длинную полковую колонну пехоты. В конце, на конной тяге двигались восемь сорокапятков, таких, какие я видел на фотографиях и в кино.

Вот теперь понятно, пехота идет к фронту, по ночам. Правильно, а то не хватало, чтоб их на марше немецкая авиация расчихвостила. Удачи вам, ребята. Я обещаю, что постараюсь вам помочь. Мы ж с вами солдаты одной страны.

Дальше путь был таким же, как и обычно. Выйдя на заветную полянку, я нашел свой тайник с прибором и часами. Сравнил показания часов со своими, эталонными. Разницы практически никакой. На всякий случай достал блокнот, написал очень неприличное слово, вырвал страничку и спрятал в тайнике, а всю электронику забрал с собой.

Рассвет застал меня на марше, недалеко от Запрудья. Заметив там непонятное шевеление, я ускорил движение к месту портала. Уже подходя к точке выброски, я увидел интересную вещь, которая впоследствии должна пригодиться. К селу подходили телефонные провода. Это может помочь. В уме уже появился интересный план, как можно немного поиграть с НКВД, чтоб нюх не теряли. Мало вы, ребята, смотрели фильмов про телефонных террористов.

А наутро я попробую вернуть установку в первое положение и проверю, выбросит ли меня портал на то самое место, где я высадился в первый раз в этом мире.

Глава 7

До обеда я отсыпался после ночных приключений и, проснувшись, намечал план действий на ближайшее время. Чувствуя некоторое раздражение моей второй половины, пришлось выдержать некоторый напор упреков про свою глупость, желание рисковать и т. д. Основным аргументом состоял в том, что в Крыму я постоянно рисковал головой, хотя мог и отсидеться в бункере, и Витька, и ребята были бы живы, и здесь я рискую оставить ее вдовой. Никакие аргументы не принимались по определению. Женская психология. Тут ничего не поделаешь.

После обеда произошло интересное, но немного неприятное событие. Решив попытаться уйти подальше от зоны боевых действий, я передвинул установку к самой стене, по смещению это было около полутора метров, и попытался ее настроить. Хорошо, что как технически грамотный человек я додумался в цепи питания поставить предохранители. Перегрузка установки была мгновенной, дальше – выход из строя и вырубание всех предохранителей. По зрелому размышлению – установка не любит, когда рядом находятся материальные объекты. Поэтому, поработав немного перфоратором, лопатой и тачкой, углубил стену. Но все равно, результат тот же. Попробовал передвинуть установку к противоположной стене. Опять тот же результат. Намучившись, решил попробовать запуск установки на расстоянии семидесяти сантиметров от точки первичного входа. Установка заработала, но при этом силовые показатели оказались превышены на двадцать процентов. Увеличивая расстояние, удалось отметить точку нестабильной работы, что-то около девяноста восьми сантиметров. По зрелому размышлению получалось, что установка производит нечто вроде энергетического отводка от главного канала, и он имеет некие параметры, и при смещении на расстояние больше некоторой величины мы просто выходим за границы этого отрезка.

Перенастроив установку на старые параметры, сходил на ту сторону и убедился в наличии своей записки. Теперь некоторые вещи становятся более понятными. По моим прикидкам сегодня вечером в сводке должна фигурировать кодовая фраза насчет капитана Пронина. Значит, в Могилеве меня уже ждут спецы из Москвы.

Как компромиссный вариант, я передвинул установку не на полметра от первоначального положения, а сантиметров на сорок, и опять принялся за настройку. Процесс был уже отлажен и занял намного меньше времени.

Необходимо было найти точку выхода возле деревни Запрудье, но желательно в лесу, чтобы скрыть факт высадки. В первый раз не получилось, и, ворочая здоровую машину аппарата, я наконец-то додумался поставить его на небольшие рельсы или полозья, чтобы процесс поиска нужной точки был упрощен. Но это будет не сегодня. Надо подготовиться к передаче очередного конверта с информацией и маленького подарка.

На всякий случай попросил Марину, взяв использованные шприцы-тюбики от противошоковых средств из армейских аптек, изготовить несколько со снотворным максимально быстрого действия.

Учитывая, что на то время в таких районах не было телефонных станций, которые поддерживали механизм автоматического набора номера, а использовались коммутаторы с дежурными операторами, то решил не мудрствовать лукаво – просто подсоединиться к линии. Оборудование для этого, к счастью, было.

Рассматривая варианты возможного развития событий, я все больше приходил к выводу, что в одиночку не справлюсь. Минимум необходима информационно-наблюдательная поддержка, максимум – огневая. Ни на кого, кроме моей супруги и Марины, положиться было нельзя. Выбор был простой: Марина – медик, Светлана, хоть и не боевой, но все-таки офицер,

да и стреляет неплохо. Так что, с данного момента придется планировать операции с ее участием. Кстати, она об этом уже не раз намекала.

Форма и снаряжение для нее есть, у меня даже где-то был припасен маскировочный костюм «Леший» небольшого размера. Оставалось только подобрать соответствующее оружие. Желательно что-то снайперского типа, но с небольшой энергетикой, учитывая женскую комплекцию. Обычная снайперская винтовка СВД тяжеловата и громоздка для женщины. СВУ тоже выполнена под винтовочный патрон, и отдача немаленькая. Когда я пробивался к бункеру, у меня в машине оставалась ВСС – «винторез», которой пользовалась наша снайпер Катерина. Винтовка как раз под мою Светлану. Единственная проблема, что патронов к ней не больше сотни, а там идут специальные девятимиллиметровые. В затяжные конфликты вступать не будем, и с сотней патронов отстреляемся.

Разработав операцию и обговорив все детали, приступили к подготовке и экипировке. Ближе к вечеру были готовы, посидели на дорожку и двинулись. Марина по заведенной традиции приготовила перевязочные материалы и нашу мини-операционную.

Выйдя к грунтовой дороге, провели рекогносцировку будущего места контакта. Перед нами раскрылось большое поле, засеянное пшеницей, а с другой стороны дороги – кустарник, переходящий в лес. Еще одним важным моментом, который заставил меня обратить внимание на этот участок, были телеграфные столбы, по которым протянута телефонная линия до Запрудья.

С большим трудом забравшись на телеграфный столб, я подключился к линии своей телефонной трубкой, спустил вниз провод и замаскировал его. То, что придется залезать, раздражало больше всего – с детства ненавидел лазать по деревьям. При этом Светлана ушла подальше в поле и контролировала дорогу в обе стороны на сто пятьдесят метров.

Когда все было налажено, я приступил к действию. Включив трубку, вызвал коммутатор.

– Город.

– Город, дежурного по НКВД, пожалуйста.

– Соединяю.

Через некоторое время раздался щелчок, и уже бодрый мужской голос ответил:

– Дежурный по управлению, сержант Голованюк.

Я сам-то был человек военный, так что представился как положено:

– Лейтенант Зимин, главное управление госбезопасности. Мне нужен или Чистяков, или Пилипенко.

– Есть Чистяков, сейчас позову.

Недостаточно плотно прикрыв трубку, сержант заорал:

– Семен, позови Чистякова, тут его к телефону требуют.

Прошла пара минут, и усталый голос ответил:

– Капитан Чистяков, слушаю.

– Николай Максимович, здравствуйте. Это Зимин. Наверно, помните меня. Вы недавно с таким интересом рассматривали мои следы возле села Вильницы.

Небольшая пауза. Похоже, капитан думал, как повести разговор. И заговорил уже другим голосом.

– Да, я вас слушаю.

– Николай Максимович, надо бы встретиться, пообщаться. Так сказать, с глазу на глаз. Я думаю, москвичи еще в дороге и вас уже известили. Скорее всего, это будут орлы из центрального аппарата, но ситуация такова, что хотелось бы с вами пообщаться на предмет оказания помощи в будущей обороне Могилева и его окрестностей. Остальное не по телефону.

– Да, я вас понимаю. Где и как? Я сейчас не могу.

– Николай Максимович, я же прекрасно знаю, что вы сейчас хотите получить санкцию на встречу у Пилипенко и подготовиться. Но у нас мало времени. Поверьте, это в ваших инте-

ресах. Я для вас никакой угрозы не представляю, наоборот, хочу помочь. Интерес со стороны Москвы тому доказательство.

– Хорошо, что делать?

– Езжайте в сторону Запрудного. Возле телеграфного столба, на котором будет красная метка, остановитесь и зайдите в лес. Там и поговорим. И еще просьба – не делайте глупостей типа попытки силового захвата – и людей погубите, и неприятностей наживете. Все, жду вас через час.

И отключился. Фух. Трудновато было корчить из себя такого крутого.

– Стрелок, это Феникс. Разговор закончили – ждем гостей.

– Феникс, это Стрелок, вас понял.

Вот так вот, обменявшись репликами с женой по радиации, стали дожидаться гостей. Пока было время, я решил обезопасить себя по флангам и тылу, расставив сигнальные мины, и на путях возможного отхода пару МОН-50 с натяжными взрывателями. В случае погони буду рубить хвосты, заведя преследователей на мины.

После этого прошло чуть больше часа, пока не подъехала эмка, и из нее вышел сам Чистяков. В машине остались два бойца НКВД и водитель. Если жена молчит, значит, особых сюрпризов нет.

Пока Чистяков, как носорог, пробирался через кустарник, я старался осторожно следовать за ним. Это не представляло особого труда. Пройдя вглубь метров пятьдесят, он остановился и стал оглядываться по сторонам.

– Николай Максимович, добрый вечер, – проговорил я вполголоса.

Он резко повернулся на голос и чуть не упал. Перед ним стоял леший, натуральный леший. Так выглядит человек в костюме «Кикимора», дополнительно украшенном ветками и травой.

– Николай Максимович, не пугайтесь, это всего лишь маскировочный костюм.

Он взял себя в руки и уже спокойно ответил:

– Добрый вечер, товарищ лейтенант.

– Вы меня очень обяжете, если не будете дергаться за пистолетом в кобуре и особенно за тем, что у вас спрятан за голенищем сапога. Ну, ни к чему это.

Тут Светлана вышла на связь. Через гарнитуру я услышал:

– Феникс, это Стрелок, из машины вышли двое, собираются идти в вашу сторону.

– Понял, Стрелок.

Чистяков удивился, но я ему пояснил:

– Николай Максимович, скажите вашим людям, чтоб они сели в машину. Иначе они пострадают.

Тот посмотрел на меня несколько удивленно и в то же время зло, но взял себя в руки и крикнул:

– Демин, Сорокин, вернитесь в машину.

Дождавшись подтверждения от наблюдателя, я продолжил:

– Николай Максимович, так получилось, что наше подразделение обладает определенными сведениями относительно будущего наступления немцев на смоленском направлении и какими силами и где будут атаковать Могилев. Уж поверьте, это очень тяжелая ноша знать такие вещи, и в особенности, что ожидает город. Вот в этом конверте изложена диспозиция, численный состав и оперативно-тактические планы немецкого командования. И еще. Завтра утром город ожидает массивный авианалет, в основном на вокзал, где стоят несколько санитарных поездов, и на центр города. Жертвы будут большие. Потрудитесь подготовиться.

Я протянул ему конверт с распечатками аналитической сборки по началу Могилевского сражения. И от себя добавил:

– Немцами командует талантливый генерал Гейнц Гудериан. Противник очень опасный, любитель танковых прорывов и окружений. А теперь позвольте распрощаться. По идее, сегодня должны приехать орлы Меркулова. Передайте, что я позвоню и так же договорюсь о встрече. До свидания.

Чистяков взял конверт, кивнув, пошел к своей машине. Мы же дождались, когда она скроется из виду, для приличия еще полчаса посмотрели за дорогой, под моим прикрытием Светлана перебежала в лес, и уже вдвоем мы отправились к порталу.

Глава 8

Тем же вечером, по настоянию Чистякова и при поддержке приехавшего из Москвы старшего майора ГБ Киселева, срочно была расчищена железнодорожная станция и к городу были стянуты дополнительные средства ПВО.

Этому предшествовал долгий разговор с майором Пилипенко и капитаном Чистяковым.

Поначалу Киселев думал сразу отстранить руководство Могилевского НКВД от работы по делу Странника, соблюдая все меры режима секретности, но Странник сделал свой шаг. Еще удивило то, что Странник уже знает ведомственную принадлежность контактной группы. Это говорит об очень высокой информированности о внутренних делах в сфере госбезопасности, что наводило на неприятные мысли. Информированность по немецким вопросам тоже наводила на размышления. В комплексе это все давало странную картину того, что есть третья или даже четвертая сила, которая информирована по нынешним событиям намного лучше, чем даже сами участники событий. И личность курьера тоже вызывала ряд вопросов. В общем, все было туманно. Но реальная польза от этих странных людей уже была. Изначально возникла мысль, что это одиночка, хорошо подготовленный и информированный, но, как оказалось, он минимум работает в паре. Анализ обстоятельств контакта курьера с капитаном Чистяковым весьма заинтересовал Киселева. Уровень профессионализма курьера вызывал уважение.

Пока только Киселев получил команду разобраться в источнике информации, что за группа лиц скрывается под псевдонимом «Странник», и обеспечить канал бесперебойной передачи сведений, имеющих стратегическое значение, в случае доказательства их достоверности.

То, что Странник передал через Чистякова, является серьезным шагом, и сейчас армейская, агентурная и радиоразведка занимаются проверкой полученных сведений. Но уже по первичным прикидкам данные достоверны.

Поздно ночью шифрограмма с докладом пошла в Москву.

Той же ночью старший майор госбезопасности в сопровождении охраны срочно выехал в штаб 61-го стрелкового корпуса, который, согласно полученным документам, должен попасть под удар немецкой группировки.

Массированный удар немецких бомбардировщиков, нацеленный на транспортный узел Могилева, оказался не настолько результативным, как в реальной истории, и было сбито три бомбардировщика.

И тут Странник не обманул.

Кто же все-таки этот Странник? Чистяков стоял возле окна, смотрел на клубы дыма в районе вокзала и думал, что было бы, если бы там оказались эшелоны с техникой, войсками и ранеными. Уже за одно это можно было Зимину многое простить.

Встреча в лесу его поразила. Сам, будучи далеко не новичком, Николай Максимович увидел перед собой профессионала. И то, что одним человеком уничтожена группа диверсантов, теперь его не удивляло. Похоже, Киселев не все говорит, но так и должно быть. Еще один вопрос, который его волновал, – почему эта группа работает только в окрестностях Могилева, а не переместится к той же Москве. Но это, видимо, уже не его уровень.

Часа через два, когда Киселев вернулся из штаба 61-го стрелкового корпуса и успел побывать у командира 172-й стрелковой дивизии, которая непосредственно должна оборонять Могилев, генерал-майора Романова, он поделился с ним своими мыслями, ожидая насмешек. Но старший майор не стал смеяться, а только кивнул головой и сказал:

– Я тоже об этом думал. Есть мысли по этому поводу, но пока все на уровне предположений.

Судя по полученным документам, их ожидает тяжелая битва. Чистяков верил в Странника как в нечто сверхъестественное, и это его пугало. Что еще он плохого приготовил? Он видел, как вокруг города тысячи жителей города и близлежащих сел рыли укрепления, противотанковые рвы. С каким энтузиазмом это все делалось. Люди верят и надеются на победу.

От тягостных мыслей его оторвал телефонный звонок.

– Чистяков, слушаю.

– Товарищ капитан, вас спрашивает лейтенант Зимин.

Он вздохнул, кивнув, сказал:

– Соединяй.

Раздался щелчок, и он услышал уже знакомый усталый голос:

– Николай Максимович, добрый день.

– Для кого добрый, а для кого и нет, – пошутил Чистяков.

В трубке раздался вздох.

– Да, тут я согласен, дела не ахти, а точнее еще хуже. Вернемся к делу. Ситуация очень серьезная. Мне нужен выход на представителя Москвы.

– Где встреча?

– По той же дороге, теперь место отмечено двумя красными метками. Я не знаю, насколько москвичи адекватны, но попросите их не делать глупостей, не тот момент, и ситуация изменилась. Через час. Время пошло.

– Хорошо. Я передам.

Через час на том самом месте снова стояла эмка начальника управления Могилевского НКВД. Старший майор ГБ Киселев углубился в лес. Но, в отличие от Чистякова, он не был простым розыскником, а имел большой опыт полевой работы – и в Испании отметился, и в Финляндии. Потому-то его и послал Меркулов. Он почувствовал сзади движение, и почти сразу оружие уперлось ему в затылок.

– Стойте на месте, товарищ старший майор. Это просто мера предосторожности. Руки за голову. Встаньте на колени. Носки вовнутрь.

Он послушно выполнил требования. Я его быстро обыскал. Вроде все нормально.

– Можете сесть.

Он повернулся, посмотрел на меня, оглядев с головы до ног, и весело сказал:

– Москва передает вам большое спасибо.

Я его понимаю. Маскхалат вещь смешная.

– Да не за что. Это только начало. Если не начнете глупить и делать попытки захватить источник информации, вы получите очень много интересного. Да, еще вот, видите этот пружинный выключатель?

Я ему показал на выключатель-кнопку у меня в руке.

– Он идет к электровзрывателю нескольких толовых шашек у меня на груди. При попытке захвата, я подорвусь. Но после этого отсюда никто живой не уйдет.

– Это лишнее.

– Не уверен. Когда на карте стоят вопросы глобальной безопасности, действуют другие, безжалостные правила, и это вы не хуже меня знаете.

– Хорошо, вы меня убедили. Как мне вас называть? Не лейтенант же Зимин.

– Почему бы и нет. Называйте Сергей Иванович Зимин. Пока для идентификации этого достаточно.

– Это имя, наверно, было в тех документах, которые вы изъяли у убитых диверсантов. Может, будем пользоваться реальными именами?

– Как вас по имени-отчеству?

– Георгий Дмитриевич.

– Так вот, Георгий Дмитриевич, давайте опустим эти попытки подловить на слове. Говорить, используя еврейскую манеру отвечать вопросом на вопрос, я могу часами. Но время дорого. Вам еще придется изучить ту информацию, которую я вам передам, составить донесение в Москву, а это время. Через два дня начнутся тяжелые бои за Могилев, и если не получится отбить немцев, в чем я очень сомневаюсь, и для этого есть основания, нам придется менять операционную базу. И уходить в другой район. Я догадываюсь о вашем вопросе, почему именно Могилев. Рассказываю. По нашим данным в районе Могилева пройдут тяжелые бои, которые принесут огромные потери обеим сторонам. Но, учитывая качество командования, подготовку и оснащение личного состава частей, обороняющих город, мы считаем, что город будет взят, даже возможно окружение в городе крупной группы советских войск, которые впоследствии будут уничтожены. Но ценой этих потерь немцы будут задержаны на две недели. После чего Гудериан двинется на Смоленск, где опять нанесет нам поражение. Мы хотим избежать такого сценария развития событий и помочь. Пока только информационно, но при развитии ситуации по указанному сценарию вмешаться в события путем точечных ударов. Мы ждем от вас содействия, а не противодействия.

Киселев сидел, опустив голову, и внимательно слушал. Потом резко поднял голову и спросил:

– Кто вы такие, чтобы рассуждать о таких вещах или что-то требовать?

– Извините, этот вопрос не в вашей компетенции. Георгий Дмитриевич, давайте не углубляться в высокие материи. Примем как данность наши с вами отношения и приступим к конструктивному диалогу. Мы для вас подготовили весьма важную информацию, и она должна быть максимально быстро доставлена в Москву. О том, кто мы такие и откуда, оставим вопрос открытым. Вы можете верить или не верить, это ваши проблемы. В данный момент главное, что наше сотрудничество приносит пользу государству и народу, а все остальное вторично. Под столбом, возле которого стоит машина, закопан пакет с посылкой. Дальше пусть разбираются специалисты. – Выдержав небольшую паузу, я продолжил: – В течение суток вам будет передан новый конверт с информацией, но у нас есть еще пара дней, пока бои под Могилевом не перейдут в активную фазу, тогда уже будет трудно встретиться. Вот здесь, на всякий случай, есть резервный канал связи. – Я протянул ему конверт. – Будем использовать для контакта радиозузел связи 61-го стрелкового корпуса или 13-й армии. При необходимости я туда отправлю зашифрованную дополнительную информацию. Все, до свидания. – И протянул ему руку.

Киселев, посмотрев сквозь прорези маскхалата мне в глаза, пожал ее чисто по-мужски, жестко. Сильный человек, не зря его Меркулов выбрал. Потом он повернулся и пошел к дороге. Я решил на всякий случай его проконтролировать.

– Стрелок, это Феникс. Что там гости?

– Копаются у столба, достают твою посылку.

– Движения на периферии не наблюдается?

– Нет, пока все тихо.

– Ждем их отъезда и уходим. Что радиосканер? Рядом никто по радио не задействовал?

– Нет, стандартный фон.

– Хорошо, ждем и отходим.

Уже подходя к portalу, я сказал, что прекращаем такие вот хождения, фронт рядом, и все дороги будут забиты беженцами и соответственно постоянно подвергаться бомбежке. Если честно, то я удивлен, что пока не видел немецкой фронтовой авиации, наверно, они больше по отступающим частям работают и по оборонительным линиям возле Могилева.

Уже на месте, в бункере, Светлана спросила:

– Сережа, а что ты им там такое тяжелое подсунул?

– Да у меня на складе завалился ППС-43, помнишь, я тебе рассказывал, как мы недалеко от Мангупа, это под Бахчисараем, с татарами лоб в лоб столкнулись. Они на джипах были, а мы

на броне. Вот с одного мертвяка я эту экзотику и взял. А аппарат хороший, как раз для войны, он получше ППШ будет, легче, технологичней. Пусть лучше его штампуют. Тем более его с сорок третьего официально на вооружение приняли. А так передал ту информацию, которую вы с Маринкой накопили, плюс еще некоторые рекомендации по реорганизации армии и оперативную обстановку на фронтах с раскладкой сил и ударов.

Глава 9

После встречи с курьером и получения груза Киселев срочно отправился в Могилев для написания отчета о встрече и отправки посылки в Москву. Специально для этого в окрестностях города, на военном аэродроме в Луполово ожидал самолет. Отправлять его днем было опасно, потому что в воздухе уже господствовала немецкая авиация.

Имея особые полномочия от руководства, Киселев вскрыл пакет и посылку. В посылке оказалось оружие, полностью металлический, простой и грубовато сделанный пистолет-пулемет. Прочитав сопроводительное письмо к оружию, он несколько раз усмехнулся. Что ж, очень интересно. Получается, что такое оружие можно собирать чуть ли не в домашних условиях.

Ознакомившись с остальными документами, он надолго задумался. Приводились данные по реорганизации артиллерии, танковых частей, исходя из анализа действия моторизованных и танковых частей Вермахта и неудач РККА.

Так же детально описывались недостатки танка Т-34, КВ-1, КВ-2 и давались рекомендации по модернизации. Особенно указывалось на унификацию запасных частей для танков, произведенных разными заводами.

Отдельно лежали материалы по противотанковым системам. Рекомендации по созданию ИПТАП (истребительно-противотанковый артиллерийский полк), противотанковым ружьям и новым кумулятивным боеприпасам, которые были способны прожигать броню, что активно использовал Вермахт. Очень заинтересовало описание новой немецкой разработки – фаустпатрона. Ручного устройства для поражения танков.

Ценность информации была огромной, и ее необходимо срочно доставить в Москву.

Написав полный доклад об обстоятельствах встречи с курьером и своих выводах, Киселев в сопровождении охраны выехал на аэродром.

В это время ситуация на фронте становилась угрожающей. Даже имея информацию от Странника о действиях немецких войск, сил отбить удары не хватало. В направлении Смоленска наступала 2-я танковая группа генерал-полковника Гейнца Гудериана.

Пятого июля произошли первые столкновения частей 13-й стрелковой армии с передовыми подразделениями 46-го моторизованного корпуса, входящего в состав 2-й танковой группы, наступающего в направлении Могилева. Также в состав 2-й танковой группы входили 47-й и 24-й механизированные корпуса. 47-й наступал севернее Могилева, а 24-й южнее. В течение недели, в упорных боях немцы оттесняли наши войска за Днепр. Десятого – одиннадцатого июля началось форсирование Днепра. Попытки уничтожить немецкие плацдармы не увенчались успехом. Положение 13-го армейского корпуса и остатков 20-го механизированного корпуса, отступивших к Могилеву, становилось опасным. Создавалась угроза окружения крупной группировки советских войск. На фоне этого происходили яростные воздушные бои, но превосходство немецкой авиации в количественном и качественном отношении помогло ей захватить господство в воздухе, что позволило наносить огромные потери нашим войскам еще до соприкосновения с пехотными и моторизованными дивизиями Вермахта. Постоянные и массированные бомбардировки особенно ощущались на транспортных коммуникациях в ближних тылах действующей армии, что существенно усложняло положение с продуктами, горючим и боеприпасами. Дороги, забитые беженцами, мешавшими передвижению войск, становились любимыми целями немецких пилотов.

С большим трудом удалось устроить еще одну встречу с Киселевым, на которой ему были переданы материалы по технологии производства кирзы – как окажется, после разгрома 1941 года и захвата основных складов, в РККА остро стала ощущаться потребность в обуви.

Также переданы рекомендации по организации партизанского движения, данные по немецким ягдкомандам и способам противодействия и информация о вступлении японцев в

войну и их планах нападения на Перл-Харбор в декабре 1941-го. Мы долго делали выборку по материалам, чтобы хоть как-то помочь, но при этом соблюсти историческую последовательность. Ведь уж слишком революционные данные могут привести к недоразумениям.

После того как немецкие войска форсировали Днепр, наши походы стали небезопасными. Попытка 14 июля связаться с Киселевым не увенчалась успехом, видимо, коммутатор в Могилеве был разбит во время бомбардировки. Связавшись с помощью радиостанции со штабом 61-го стрелкового корпуса, передал запрос Киселеву на встречу. На тот момент я уже предполагал, что это последняя встреча в таком режиме.

Вопрос был очень серьезным. Несмотря на наше информационное вмешательство, исторические события развивались в той же последовательности, как мы знали в нашем мире. Ну, разве что потери от авианалета 2 июля на Могилев были на несколько порядков меньше, чем в реальной истории.

Сейчас я нес пакет с более серьезными сведениями, при основательном анализе которых вполне можно заподозрить в Страннике людей из другого времени. Но нам нужно было срочно добиться изменения истории и установить плотные отношения с руководством страны, чтобы покинуть умирающий мир в нашем времени. Из-за того, что порталы были почти постоянно включены, энергетические запасы бункера сократились в разы. И продержаться в нем в долгосрочной перспективе уже не было возможности.

Пришлось долго готовиться к этому выходу. Я понимал, что это уже серьезная боевая операция и столкновение с немцами неизбежно. Фактически финальный выход. С женщинами договорились о порядке связи и включения портала, на случай если я не вернусь к крайнему контрольному сроку. И что делать, если я совсем не вернусь. Такой исход, конечно, всех не устраивал. Но у меня была идея в свое время пощипать немцев на предмет горячего, в котором бункер ощущал не сильный, но уже дефицит. Была, правда, пара резервных вариантов, которые я не стал раскрывать заранее, чтобы не выслушивать упреков и не видеть слез.

Вот таким образом я, обвешанный оружием, кинулся помогать нашим бойцам, напорывшимся на немецкую мобильную разведку.

Глава 10

В Москве Берия, получив и проанализировав последнюю посылку, наконец-то решился пойти с докладом к Сталину. Информация была слишком серьезная. Последнее сообщение из Могилева гласило, что Странник вышел на связь через узел связи 61-го стрелкового корпуса с сообщением об очень важной информации. Это было очень хорошо. Одно описание шифровальной машины «Энигма» и рекомендации по дешифровке сообщений вызвали радостное ликование грозного наркома.

Но в этих сообщениях что ни лист, то государственная тайна или открытие. Кто же они, эти Странники? Киселев, человек Меркулова, посланный для работы с курьером, утверждал, что Странник – это один человек, скрывающийся под псевдонимом лейтенанта ГУГБ НКВД Зимина. Но Лаврентий Павлович не верил в это: не может один человек собирать, анализировать и выдавать такую точную и важную информацию. Значит, это организация, которая пока на их стороне. Вроде как свои цели и задачи они определили, но такая уж работа у наркома внутренних дел – не верить.

Аналитики утверждают, что анализы, приводимые в сводках Странника, говорят о великопепной осведомленности о состоянии, численности и практике применения не только Вермахта, но и РККА, что свидетельствует о разветвленной сети в структуре военной разведки, ГУГБ, Народного комиссариата обороны и других министерств и ведомств. Это получается, что на его подконтрольной территории долгое время функционирует глубоко законспирированная разведывательная сеть неизвестной принадлежности. Причем сеть эта раскинулась не только на Советский Союз, но и на Германию, а по отдельным оговоркам и на территории Британии, США, Японии. Но в наше время такое нереально. Где-нибудь, когда-нибудь, кто-нибудь ошибется и выдаст себя. Накрутив аналитиков произвести поиск информации по косвенным признакам существования такой вот разветвленной сети, он занялся текущими вопросами.

Но мысли о Странниках не давали ему успокоиться и время от времени отвлекали. Практически вся информация, советы, рекомендации давались на злобу дня, применительно к нынешнему тяжелому положению. Один только дешевый и простой в использовании и производстве автомат вызвал восхищение у специалистов. Причем для его производства не нужно проводить переориентацию производств. Зато сразу решится проблема превосходства Вермахта в автоматическом оружии.

А рекомендации по созданию партизанского движения и противодействию специальным антипартизанским отрядам? Мы еще не столкнулись с такой проблемой, а нам уже дают подсказку. Значит, кто-то уже просчитывал развитие войны и возникновение партизанского движения на оккупированных землях.

Один из аналитиков предположил даже, что это путешественники во времени, как в романе английского писателя-фантаста Уэллса. Лаврентий Павлович, конечно, отмахнулся и посмеялся, но иногда мысль о живучести такой вот гипотезы его посещала. И ему становилось страшно. Страшно от того, что кто-то знает о его ошибках, о его поступках, о которых он хотел бы сам забыть и хуже того – об ошибках Хозяина. А это опасно. Но, судя по всему, Странники не хотят вредить ни ему, ни товарищу Сталину, иначе бы они выдавали информацию их противникам.

Он сам пока не определился, Странники или Странник – один человек или организация.

Сегодня вечером Лаврентий Павлович попросил Сталина принять его по очень важному вопросу и немного нервничал по этому поводу. Слишком уж вопрос был необычным. Тем более обстановка в районе Могилева резко ухудшилась и связь с Киселевым пропала.

В назначенное время он был в приемной Сталина. Минут через двадцать он был вызван.
– Здравствуй, Лаврентий.

– Здравствуйте, Иосиф Виссарионович.

– Только что у меня были товарищ Тимошенко и товарищ Голиков. Обстановка на фронте крайне тяжелая. Мы терпим поражения, несмотря на героизм советского народа.

– Иосиф Виссарионович. Дело, по которому я пришел, как раз дает ответы на некоторые вопросы.

– Это очень интересно, вы мне опять будете рассказывать про виновных во всем генералах?

– Нет. Все серьезнее.

И в течение сорока минут Берия излагал своему Хозяину всю историю по делу «Оракул». Сталин несколько раз прерывал его и задавал уточняющие вопросы.

– И что ты думаешь по этому поводу, насколько можно доверять твоему Страннику?

– Иосиф Виссарионович, я не решался к вам прийти с этим делом, пока не перепроверил большинство информации, чтобы быть абсолютно уверенным в достоверности. Как говорят специалисты, практически все советы и рекомендации имеют смысл, основанный на глубоко анализе обстановки. Мое мнение, что на доске появился игрок, который, находясь в тени, играет на нашей стороне. Есть, конечно, более невероятные гипотезы.

– Интересно, и что за гипотезы?

– Что нам помогают пришельцы из будущего. Наши соотечественники. В одной из фраз, при разговоре с майором Киселевым, курьер сказал, что войну мы выиграем, но в течение трех-четырёх лет. Учитывая нынешнее положение на фронтах, нам эта победа достанется дорогой ценой и, возможно, наши потомки решили помочь и уменьшить эти потери.

– Я тебя понял, Лаврентий. Сведения, которые принесли наши новые друзья, заставляют задуматься. Я думаю, надо план «Барбаросса» дать на рассмотрение нашим военным товарищам для выработки и корректирования наших планов отражения нападения фашистской Германии.

– Я сразу же передам информацию в Генеральный штаб, проведя предварительно определенные меро-приятя, чтобы скрыть источник столь важной информации.

– А что там со Странником?

– На сегодня назначена встреча с Киселевым. Но на данный момент в связи с тяжелой обстановкой вокруг Могилева контакт с нашей группой потерян. Сегодня вечером туда выслана еще одна группа для подстраховки.

– Хорошо, Лаврентий, держи меня в курсе. Это очень серьезно.

– Конечно, Иосиф Виссарионович.

С этими словами Берия покинул кабинет. После этого Сталин долго рассматривал и читал документы. С выводами он пока не спешил, но идея с неизвестной сетью на территории его страны ему очень не понравилась. Лучше уж путешественники во времени. Так спокойнее.

На этом тема Странника в кабинете Хозяина на сегодня была закончена.

Глава 11

Обойдя место столкновения нашего передового отряда и немецкой разведки, я смог зайти к ним в тыл. Судя по звукам боя, немцам удалось практически полностью задавить огнем красноармейцев. На огонь пулемета и нескольких автоматов в лучшем случае в ответ бухало три-четыре винтовки.

Выглянув из зарослей, я сразу определился со своим местоположением и окинул взглядом место боя. Задом ко мне стоял известный по фильмам немецкий бронетранспортер «Ганомаг». Задние двери были открыты, и виден солдат, который активно лупил из пулемета MG-34. Возле бронетранспортера, попрятавшись в кустах, несколько немцев из автоматов и винтовок расстреливали остатки русских. Наверно, ожидали, пока группа, идущая в обход, поддержит их огнем с фланга. Ага, ждите. Эта группа уже остывает.

Сам бронетранспортер был поврежден гранатой. Перед ним на дороге горел один мотоцикл, а второй, перевернутый, лежал в кустах.

За бронетранспортером с моей стороны лежало трое раненых, и один фашист оказывал им первую помощь. Всех раненых они стащили под защиту брони.

Видимо у меня времени осталось мало, надо вмешаться. Приблизившись поближе к немцам, через кусты, чуть привстав, я приступил к простому отстрелу противника. Первая очередь прошла по санитару. Тот просто завалился на раненого. Выскочив из кустов, я подбежал ближе к бронетранспортеру, выстрелил через открытые задние двери в пулеметчика, который сразу осел и завалился на спину. Выхватив из разгрузки две гранаты, одну кинул по правому борту, другую по левому. Сам упал на землю. После взрыва побежал к БТРу, по дороге всадив три короткие очереди в лежащих раненых. Стрельба практически сразу утихла. Спрятавшись за броней, в ускоренном порядке поменял магазин и, выглянув из-за БТРа, выпустил пару очередей в немцев, которые вроде как дергались. Кажется все. Опять повезло.

Стрельба со стороны наших тоже прекратилась. Выглянув из-за бронетранспортера, крикнул:

– Не стрелять, свои.

Оттуда сразу ответили:

– Это кто там свой?

– Разведка. Я выхожу. Вы, главное, не шмальните по ошибке.

– Хорошо, выходи.

Подняв автомат над головой на вытянутой руке, осторожно вышел из-за бронетранспортера. Мне навстречу поднялся боец в каске с петлицами старшины.

– Стоять на месте, не двигаться.

– Стою, не двигаюсь. Только вы быстрее двигайтесь, сейчас основные силы немцев подойдут, а это пока разведка была.

Он подошел ко мне, с удивлением рассматривая мой маскировочный костюм «Кикимора», дополненный ветками и травой. В стороне молоденький солдат удивленно воскликнул.

– Ух ты, вот это наряд, прямо леший какой-то.

Я решил уже взять ситуацию под контроль, похоже, командиров не осталось в живых, а со временем у меня проблема.

– Старшина, представьтесь.

Тот остро глянул на меня, но представился:

– Старшина Вяткин. Второй батальон, семьсот сорок седьмого стрелкового полка, сто семьдесят второй стрелковой дивизии.

– лейтенант госбезопасности Зимин. Глубинная разведка.

Опа, проняло. Он сразу подтянулся. Понял, что перед ним не салага.

– Значит так, старшина, это разведка семьдесят восьмой моторизованной дивизии немцев, они как раз наступают в сторону Могилева по данному направлению. Мне нужно связаться с вашим командиром, а еще лучше с начальником особого отдела.

В подтверждение моих слов донесся шум танковых двигателей. Уже времени мало.

– Быстро раненых в лес. Поднять мотоцикл, если целый и кто-то умеет водить, погрузить в него раненых – и срочно с докладом к комбату. Снять с мотоциклов и бронетранспортера пулеметы, забрать запасные стволы и ленты к ним. А я пока немцам сюрпризы подготовлю. Там в бронетранспортере видел ящик с взрывчаткой, они его всегда с собой возят, для расчистки завалов.

Старшина кивнул, согласившись, начал быстро раздавать команды. Тут послышался топот. Со стороны наших бежал отряд, человек сорок под командованием старшего лейтенанта.

Тот, увидев такую картину, сразу распорядился помочь раненым. И остановился, заметив меня, с пыхтением выволакивающего из БТРа ящик взрывчатки.

– Это что такое?

Старшина Вяткин подскочил и сразу стал докладывать вполголоса:

– Это, товарищ старший лейтенант, лейтенант госбезопасности из разведки. Пока немцы нас тут раскатывали, он с тыла подошел и закидал их гранатами.

Тот сразу целенаправленно направился ко мне в сопровождении двух бойцов, которые по команде взяли винтовки наизготовку. Козырнув, он представился:

– Старший лейтенант Михайлов.

Я в это время потрошил ящик с толовыми шашками. Чуть приподнявшись, кивнул ему, выпрямился:

– Лейтенант госбезопасности Зимин. Глубинная разведка. – Посмотрев на его озабоченный и подозрительный вид, добавил: – Старлей, времени мало, тут сейчас немецкие танки пойдут и раскатают твоих бойцов. Давай я сейчас тут пару управляемых фугасов заложу, мы немцам навтыкаем по самые помидоры, а потом вместе с тобой пойдём к начальнику особого отдела.

Тот, мягко говоря, обалдел от такого монолога. Особенно ему понравилась фраза «навтыкаем по самые помидоры». Сопровождающие его бойцы заулыбались.

– Пошли еще пару человек в лес. – И показал ему направление. – Там шесть немцев остались, они вам в тыл зайти хотели, да пришлось их положить. Пусть пулемет заберут. Вещь в хозяйстве нужная, а мы с тобой тут немцам сюрприз подготовим.

Тот, видимо, не дурак был, смекнул, что для немецкого агента я слишком резвый, и успокоился, но возле меня держалась пара человек с винтовками. Ну и ладно. Я их сразу припахал, чтоб помогли мне. Сделали три управляемых фугаса. На расстоянии двадцати метров друг от друга. Причем один из них поставили на обочине, справедливо полагая, что немецкие танкисты в случае подрыва головных танков попробуют их объехать, чтоб иметь возможность открыть огонь. Прокинули провода. И обсудив со старлеем, как будем отступать, поставили МОН-50 с электровзрывателем, чтобы в случае чего отсечь преследователей. Договорились о порядке отхода. Один из пулеметчиков смещался назад для прикрытия, а его второй номер должен был подорвать МОНку, когда отступающие пройдут сектор поражения мины. Трупы немцев, освобожденные от оружия и в особенности от гранат, были благоразумно убраны. Из природной вредности я подложил под сиденье БТР гранату, сделав простейшую растяжку. Пусть попробуют отогнать.

Мы разместили трофейные пулеметы, расчистили сектора обстрела и подготовились к бою. Пока было время, по моему совету бойцы окапывались, маскируя свои позиции. Тут вернулись пара, посланная в лес за пулеметом. Им тоже выделили место в засаде, и все затаились, ожидая немцев. Один из бойцов переделался в немецкую форму. Припомнив воспоминания ветеранов, я посоветовал отрядить четырех бойцов, лучших стрелков, снабдив их

бронебойно-зажигательными патронами. Основные немецкие танки, которые стояли на вооружении Вермахта, Т-II и Т-III, имели малый запас хода, не более ста километров, что было большой проблемой при прорывах и маршах на большие расстояния. Поэтому очень часто горючее немецкие танкисты возили в канистрах на броне. А учитывая, что в качестве горючего они использовали бензин, а не дизтопливо, двигатели были карбюраторными, и можно было этим воспользоваться, поджечь танки на марше.

Гул танковых моторов нарастал.

Через пять минут на дороге появился первый немецкий танк. Это был Т-III, раскрашенный в летний камуфляж, дополненный ветками.

Увидев подбитый бронетранспортер, танк остановился. По договоренности из кустов вышел наш боец, переодетый в немецкую форму, и замахал руками, показывая, что нужно двигаться вперед. Так помахав секунд тридцать, он снова спрятался в кустах.

Танк постоял секунд двадцать и двинулся вперед, за ним вторым следовал тоже Т-III, следом шли два Т-II и бронетранспортер с солдатами. Дальше колонна не просматривалась.

Когда первый танк наехал на фугас, Михайлов крутанул подрывную машинку. Раздался сильный взрыв. Танк чуть подпрыгнул, сместившись влево и загородив собой дорогу, и загорелся. Второй танк не успел затормозить, попытался свернуть вправо и наехал на второй фугас, чем мы не преминули воспользоваться. Второй взрыв раздался прямо под гусеницей. Порвало гусеницу и оторвало несколько катков. Танк замер.

Бойцы, в нарушение всех инструкций, радостно закричали «Ура». Две следующие «двочки» синхронно развернулись в нашу сторону и открыли огонь по лесу из автоматических пушек. С бронетранспортеров и уже видимых грузовиков «Опель-Блиц» посыпалась пехота. Пулеметчики открыли огонь. Забухали винтовки.

Я скромно разместился на противоположной стороне дороге, замаскировавшись и приготовив для стрельбы свою СВУ, зарядив ее бронебойно-зажигательными патронами. Со мной редкой цепью залегли выбранные стрелки. Через тридцать секунд все четыре танка, на которых были размещены канистры, уже горели как факелы. Одна из «двоек» попыталась сманеврировать и наехала на третий фугас. Раздался взрыв. Танк опрокинуло. Последний танк, зажатый между поврежденными машинами, пытался дергаться, но разгоревшийся пожар на броне заставил его остановиться, и из танка полезли танкисты, которые тут же были застрелены. Немецкая пехота сделала попытку атаковать, но, нарвавшись на плотный ружейно-пулеметный огонь, залегла и начала отступать. В это время я, чуть переместившись в сторону, из снайперской винтовки вполне спокойно сумел завалить через открытый люк водителя «Ганомага» и пулеметчика, который имел дурость дать мне для этого шанс. Второй номер, попытавшийся продолжить стрельбу, получил пулю в голову.

Бой начал принимать затяжной характер, а нам это было невыгодно в условиях леса и подавляющей численности немцев. Сейчас они начнут обходить и зажимать в клещи.

Сделав еще несколько выстрелов из СВУ, завалив особенно резвых, я начал отступать. Пока немцы были отвлечены перестрелкой, мы с бойцами подбежали к танкам и покидали в открытые люки гранаты с привязанными к ним четырехсотграммовыми толовыми шашками. Переждав четыре взрыва, выбросивших из люков столбы пламени, мы побежали на соединение с основным отрядом.

Перебежав дорогу, я схватил Михайлова за рукав и потянул его назад, он сначала начал выпендриваться, но когда я ему доступно объяснил, что будет дальше, он подтвердил мой приказ на отступление.

Быстро оттащивая раненых и убитых с позиций, мы начали отступать. Немцы, видя отступление, бросились в атаку, но, добежав до оставленных нами позиций, нарвались на огонь прикрывающего пулемета и весьма впечатляющий взрыв МОНки. На этом их атака и заглохла.

Я еще немного задержался и сделал несколько выстрелов, чтоб немцы не расслаблялись. Они залегли и открыли бешеный огонь в ответ. Кажется, что-то кричали про снайпера.

По моим подсчетам, их потери составили от пятидесяти до семидесяти человек. Для засады, устроенной неподготовленными бойцами, это впечатляющий результат. Наши потери, учитывая бой с немецкой разведкой, составили восемь человек убитыми и двенадцать ранеными.

Через десять минут бега стало понятно, что нас никто преследовать не собирается. Слишком уж хорошо они по носу получили. За спиной раздалась серия взрывов. Немцы развернули минометную батарею и начали со страху гасить лес. Правильно, нам меньше останется.

Глава 12

Когда мы отошли от места боя на полкилометра, ко мне подошел старший лейтенант Михайлов и спросил недовольно:

– А зачем вы в подбитые танки еще гранаты с толком кидали? У меня люк от башни чуть бойца не убил. Да и сами рисковали. Бойца Бурнагаева ранило.

Честно сказать, не хотелось вступать в полемику с старлеем, но придется, к тому же рядом идут солдаты и слушают. Пусть постигают фронттовую мудрость.

– Скажи, кто сейчас наступает?

– Ну немцы, пока.

– Вот. Значит, подбитые танки остались у них в руках. А то, что у немцев очень хорошо развита ремонтная служба и через три-четыре, ну пять дней эти танки, восстановленные, снова бы стреляли в наших бойцов. Плюс танкисты, которые раненные остались там. К твоему сведению, чтобы подготовить хорошего танкиста, а более того, командира экипажа, нужно сжечь много топлива, настрелять кучу снарядов и патронов. А это средства, отвлеченные от фронта. Сейчас война моторов, но техникой должны управлять специалисты. И чем больше мы выьем сейчас этих специалистов, тем хуже будут новые. Потому что в условиях войны придется готовить по ускоренным программам, а это сильно скажется на качестве, что нам на руку. Понятно?

Тот озадаченно пробормотал:

– Да я как-то об этом и не задумывался...

– А надо об этом думать. Вот я, допустим, подсуетился и в бронетранспортере под сиденье гранату засунул, и когда они его попытаются отогнать, подорвутся, вот еще минус один водитель. Думайте, как больше гитлеровцев уничтожить. Чем больше их положите сейчас, тем меньше их останется, чтоб защищать Берлин. Или вы думаете, что им это все так просто с рук сойдет? Я обещаю, что мы еще на Рейхстаге свои имена напишем.

Бойцы, идущие рядом молча, слушали, и многие из них, как ни странно, заражались моей уверенностью. И то, что недавно мы надавали немцам по голове, было лучшим доказательством моей правоты.

За таким вот разговором мы вышли из леса к линии обороны, которую в срочном порядке занимал и укреплял 747-й стрелковый полк 172-й стрелковой дивизии.

Подойдя к окопам, увидели идущего к нам быстрым шагом капитана в сопровождении политрука. Михайлов, построив бойцов, отдал честь и стал докладывать.

– Товарищ капитан, задание выполнено. Продвижение противника остановлено. В результате столкновения с передовым немецким отрядом 78-й моторизованной дивизии, уничтожено четыре танка, два бронетранспортера, два мотоцикла и более семидесяти солдат противника. Наши потери – восемь убитых и двенадцать раненых, из них четверо тяжело. Захвачено три пулемета, два автомата и боеприпасы. Докладывал старший лейтенант Михайлов.

Н-да, хорош старлей, сразу себе приписал и танки, и немцев, а не было бы меня, их бы там героически разогнали по лесу, и возвращались бы поодиночке с мокрыми штанами. Даже обидно стало.

– Молодец, какой молодец.

И тут его взгляд упал на меня, скромно стоящего в сторонке и с интересом наблюдающего за этой сценой. Накидку я откинул, но лицо у меня было покрыто тактической краской, так что видок был еще тот.

– А это что за чучело?

Я не спешил кланяться. Все-таки лейтенант госбезопасности приравнивается к армейскому капитану. Я спокойно подошел к нему, смотря в глаза.

– Лейтенант Зимин, главное управление государственной безопасности. Мне бы с вашим особистом потолковать.

Командир батальона немного опешил, но тут реабилитировался Михайлов, а то я его совсем за чмошника уже стал считать.

– Товарищ капитан, лейтенант Зимин очень помог. Это он заложил фугасы, на которых подорвались немецкие танки, и помог нашей разведке, которую немцы зажали.

Тот смотрел на меня подозрительно. Оглядел бойцов. Чему-то своему кивнул. Видимо, выбрав самое лучшее решение, сказал:

– Ну, конечно, документов у вас нет?

Я тут же устало высказался.

– Капитан, давай без этих вот шпионских игр. Мы разведка и в рейды документы не берем. Если не хотите головной боли, так сопроводите в особый отдел дивизии или корпуса. А если получится – в Могилевское управление НКВД. Не можете, так давайте пройдемся к вашему особисту. Дайте мне двух сопровождающих, чтоб я не заблудился, – сказал я с иронией, – и если так уж нужно, то я устал таскать оружие и готов дать его вашим бойцам поносить.

Капитан начал смотреть по сторонам, но из строя вышел старшина Вяткин:

– Товарищ капитан, разрешите мне с Воропаевым. Товарищ лейтенант госбезопасности нам жизнь спас. Разрешите нам его в штаб полка сопроводить.

Тот скептически посмотрел по сторонам, но кивнул:

– Хорошо, идите.

Я решил и тут отметить.

– Товарищ капитан, хотите пару советов?

Тот насмешливо глянул на меня:

– И что вы такого можете насоветовать?

– Вы не иронизируйте. Михайлов вон послушал советы умного человека и людей сберег, и немцам урон нанес. За такой результат и орден не жалко. Без противотанковых средств четыре танка в хлам сжечь.

Но, видно, комбат был просто измотан, поэтому не стал носом крутить.

– Хорошо, слушаю.

– Соберите покрышки от побитых автомобилей, бензин и что-нибудь такое дымящееся. Немцам вы в первый раз дадите, позиция тут неплохая, но они вызовут артиллерию и авиацию и начнут вас раскатывать. Раскидайте покрышки и подожгите, чтоб наводчикам и летчикам было трудно целиться.

– Хорошая идея, попробуем.

– Ладно, капитан, у каждого свои задачи. До свидания.

Я повернулся к старшине:

– Ну и где у вас тут штаб полка? Пойдем.

Пожав на прощанье руку Михайлову, я пошел за старшиной, а сзади пристроился тот боец, который меня лешим назвал.

Похоже, комбат подстраховался и позвонил в штаб полка, потому что на полдороге нас перехватил сам особист с четырьмя бойцами.

Меня бесцеремонно разоружили, забрали и СВУ, и ПП-2000, и «Глок-17».

На все попытки поговорить особист отвечал односложно и старался меня утянуть к себе в землянку. Шальная «мысль» про тайного гомика заставила рассмеяться. Конвой настороженно на меня уставился и покрепче ухватился за оружие.

В землянке мы остались втроем: я, особист 747-го полка – лейтенант госбезопасности и его помощник, как я понял, для силовой поддержки. Он попытался «наехать», но пришлось его на место ставить.

– Значит так, лейтенант, еще раз повторяю, я лейтенант Зимин, Главное управление госбезопасности. Будешь трамбовать меня или держать долго, тут в Могилеве сидит порученец Меркулова, который ждет от меня информацию, он тебе яйца поотрывает за задержку. То, что я несусь, в Могилеве ждет специальный самолет. Хочешь расстаться друзьями, свяжись или с Могилевским управлением НКВД, с капитаном Чистяковым, или с особым отделом шестидесят первого корпуса. Скажешь, для старшего майора ГУГБ Киселева пришла информация от Странника. И не затягивай. Тут на вас семьдесят восьмая моторизованная дивизия идет, и скоро станет очень жарко.

Я видел, как этого человека обуревают противоречивые чувства. Даже не хотелось узнать его фамилию. Типичный молчи-молчи. Я их еще на службе в Украинской армии насмотрелся, но там они были поприятнее, более цивилизованные. Здесь же они обладают большей властью, особенно в военное время. Не привыкли, чтоб с ними так говорили. Ничего, гад, подержайся.

Меня оставили в землянке под охраной двоих бойцов. Не знаю, что там происходило и до кого он дозвонился, но поведение изменилось. Значит, меня ждут. А точнее – едут. Да и груз у меня знатный.

Состав этой посылки мы обсуждали долго и много. Мы, жертвы ядерного оружия, не могли остановить его появления и развития, но, может быть, удастся его притормозить у американцев и у немцев. И может, нашего варианта развития в этом мире не будет. Надеюсь. Вероятно, будет какой-нибудь локальный конфликт, но с другим исходом. И мы пока решили не спешить с раскрытием секрета ядерного оружия. Была вероятность того, что его успеют сделать и применить в Европе. Чего бы нам очень не хотелось. Так или иначе, мы собирались переселяться в это время и быть причастными к созданию радиоактивной помойки в этом мире не хотели.

Поэтому в эту посылку мы включили все материалы, собранные по немецкому плану «Ост». Сам план мы не смогли найти, а только основные положения и рекомендации. Но и этого хватило для особенно яркого понимания, что ждет людей на оккупированных территориях. Надеюсь, руководство страны проймет от такой перспективы.

Также была представлена информация по ракетному оружию. Основы, перспективы и кто в мире этим занимается.

Груз действительно был серьезным. После такого пакета да плана «Барбаросса» наша ценность должна взлететь до небес.

Очень много информации было про украинских националистов, которые уже усиленно служат немцам. Тут тоже смогли очень много накопать.

В общем, это был не доклад, а бомба.

Тут снова нарисовался особист.

– Ну что? Подтвердили, что я хороший и меня не надо сразу стрелять?

Он только виновато улыбнулся.

– Ну, понимаете, служба такая.

– Ладно. Что вам сказали? Везти меня к ним или они сами приедут?

– Сказали срочно с охраной вас направить в Могилев. В штаб дивизии. Там вас будут ждать. Вот только на чем отправить, у нас транспорта нет.

– Да, дожили. А тот немецкий мотоцикл, что разведка приволокла?

– Я уточню, что с ним.

– Вот что, лейтенант. Мне нужна форма. Простая пехотная форма, в таком виде я не могу ездить. Сам понимаешь – секретность. Лучше форма с лейтенантскими знаками различия. Вот тут ты мне поможешь, очень поможешь.

Он замялся. Жесткие указания из штаба корпуса были однозначными – максимально быстро и обязательно целым. Но и в словах лейтенанта был свой резон – не привлекать вни-

мания. Он решился. При бомбежке был убит в голову старший лейтенант из комендантского взвода. Как раз тот случай.

Уже через полчаса я был одет в форму старшего лейтенанта РККА, и новый знакомый на всякий случай сделал справочку, что предъявитель старший лейтенант Комаров Степан Сергеевич, командир комендантского взвода 747-го стрелкового полка 172-й стрелковой дивизии. Справка выдана взамен поврежденной командирской книжки.

И вдогонку предписание на посещение особого отдела корпуса.

На это он решился, когда я из потайного кармана разгрузки достал свою гэбэшную ксиву. В общем, залегендировал он меня неплохо. Но при этом, конечно, позвонил в особый отдел корпуса и доложил об этом. По тому, как он стал спокойнее себя чувствовать, я понял, что его похвалили за инициативу.

Сопровождать, по моей просьбе, он послал тех двух бойцов, которые меня сопровождали до особого отдела.

Скрутив в скатку все мои вещи и замотав в брезент винтовку, я стал ждать своих сопровождающих на мотоцикле. Под форму я надел бронежилет скрытого ношения, который должен выдержать выстрел ТТ или парабеллума.

Ближе к двум часам дня мы наконец-то выехали в Могилев. До него было всего километров двадцать. Но дороги были забиты беженцами, постоянно бомбились немецкой фронтовой авиацией, и была вероятность появления диверсантов. В общем, не путешествие, а натуральный квест.

Глава 13

По своей природной хитрости я не стал садиться в коляску, а посадил туда старшину. А сам сел за водителем, молодым пареньком, который умел управлять такой техникой. На всякий случай я скрутил с ПП-2000 глушитель и разместил так, чтобы его можно было сразу достать и использовать по назначению. Меня очень волновала проблема моего выживания в условиях фронта, и лезть под пули особого желания не было. При зрелом размышлении, мое участие в прошедшем бое было просто мальчишеством, но некоторая польза в этом все-таки была. Наших сразу не грохнули – и то хорошо, вон с ветерком и в сопровождении еду в Могилев. По моим данным сражение тут еще минимум неделю продлится, пока части 13-й армии не будут окружены, рассечены по частям и уничтожены. Поэтому в пакете, который я везу, есть и информация для командования 13-й армии. Рекомендовать ничего не хочу. Не тот уровень. По образованию я всего лишь капитан морской пехоты и то не настоящий, а, как говорится, военного призыва, академию не заканчивал. Поэтому дам информацию по предполагаемому развитию ситуации с ориентировочными данными по времени, а там пусть сами решают.

Правда, очень плохо, что обе точки выхода возле деревни Вильницы и Запрудье уже оказываются в зоне расположения немецких частей. И возвратиться будет не так уж и легко. Хотя там в основном лес, и возможность в ночных условиях просочиться к порталу есть. Но все равно, пришлось очень рисковать для передачи этого пакета. Поэтому как резервный вариант – дожидаться окончания Могилевского сражения и вернуться к одной из точек. Поэтому я сделал закладку с продуктами, оружием, боеприпасами и медикаментами.

Тут мысли переключились на нынешнее положение. Сейчас приедем в Могилев, в штаб дивизии, оттуда меня отвезут в штаб 61-го стрелкового корпуса. Этот корпус недавно передчинили 13-й армии, в которой сейчас новый командующий, генерал-лейтенант Ремезов, вместо тяжело раненного генерал-лейтенанта Филатова. Но 12 июля, по нашей истории, штабная колонна с Ремезовым была обстреляна прорвавшимися немцами, и он тяжело ранен. Его заменил генерал-лейтенант Герасименко. Вот сейчас и посмотрим, какова у нас действительность. Человек новый, но по характеристикам неплохой командир, которому досталась задача противостоять трем немецким моторизованным корпусам при полном господстве в воздухе немецкой авиации.

Через полчаса без приключений добрались до села Гребеневка. Там расположились зенитчики и гаубичный дивизион. Попробовали на нас наехать, пришлось светить предписанием про особый отдел корпуса. Отцепились.

В город мы въезжали через Луполово, где располагались станция и аэродром. Зрелище, конечно, удручающее. Я воевал, но мне как-то не случалось быть свидетелем таких массированных бомбардировок.

На въезде нас снова остановил армейский патруль. Опять пришлось показывать документы. Правильно, фронтовая зона. Но командир патруля, молоденький лейтенантик, начал что-то подозревать, то есть играть в бдительность. Пришлось наехать на него и затребовать провожающего в особый отдел дивизии. Как ни странно, он выделил сопровождающего, при этом трофейный мотоцикл пришлось оставить на посту вместе с моей охраной и выехать на проходящей полуторке с двумя бойцами. На мою скатку с оружием и необычный автомат они неодобрительно смотрели, но помалкивали.

Добравшись до штаба дивизии, один из бойцов сразу пошел искать начальника особого отдела, а второй остался меня сторожить. Через пять минут ожидания появился боец в сопровождении капитана госбезопасности и пехотного майора. Вот только взгляд у майора был своеобразный, такой только у гэбэшников бывает да у женщин, которые ищут следы помады на

рубашке мужа, после корпоратива. За майором вышла пара офицеров рангом пониже, но то, что это боевики, я не сомневался. Насмотрелся я в свое время на спецуру.

Сразу видно, что по мою душу, вот только это не Киселев, поэтому я насторожился. Вдруг подстава. Дядя серьезный, с таким очень бы не хотелось связываться, как бы по мою душу ОСНАЗ не послали. Он подошел, отдал честь и доброжелательно сказал:

– Добрый день, лейтенант, мы вас ждали.

Мне эта история перестает нравиться. Это не Киселев. Попробуем пробить тему. Несколько враждебно я ответил:

– Вы уверены, что меня ждете? У меня тут встреча с другим человеком, и вы явно на него не похожи.

Боевики подобрались, оттеснив дивизионного особиста и бойца. Всем стало понятно, что тут происходит что-то необычное.

– Он не смог прийти по определенным причинам, прислали меня.

– Это не ответ. Если вы тот, за кого себя выдаете, то должны знать, кого наградили орденом Красной Звезды.

Майор настороженно смотрел на меня в упор.

– Майор, не напрягайтесь. Если вы не в теме, то ничего не получится. Я не мальчик, знал, на что иду, и подстраховался. Ни меня, ни груз вы не получите. И ОСНАЗ вам не поможет.

Взгляд майора стал жестким. Вдруг со стороны раздался спокойный голос.

– Все нормально, лейтенант. Ваш друг капитан Пронин получил орден.

Все как по команде повернули головы. В стороне стоял подтянутый мужчина средних лет, в форме подполковника РККА, но я его узнал сразу. Наверно, Меркулов решил подстраховаться и прислал одного из лучших мастеров по спецоперациям.

Это был Павел Анатольевич Судоплатов, легендарная личность в наше время, и я, как любитель военной истории, знал про него многое.

Что ж, вот как меня ценят, раз зама начальника разведки ГУГБ прислали. Вот теперь я точно попал. Это фигура знаковая, и с ним в старики-разбойники играть не получится. Это очень опасно, и за меня взялись всерьез. Но с другой стороны, как я помню, именно Судоплатов занимался сбором информации по американскому ядерному проекту. Но это будет практически сразу после войны, точнее в конце ее. Значит, придется идти ва-банк, махая шашкой по-гусарски.

– Добрый день, Павел Анатольевич. Для меня большая честь встретиться со столь легендарной личностью.

Он, видимо, был несколько удивлен такой осведомленностью. Но сразу взял ситуацию под свой контроль.

– Вы не против пройти в другое место, где мы сможем с вами пообщаться? У нас накопилось много вопросов, и вы, надеюсь, сможете многое прояснить.

– Что ж, я не против, тем более поговорить давно пора.

Один из охранников взял мою скатку с вещами и автомат, и мы небольшой плотной группой пошли внутрь здания, где был приготовлен отдельный кабинет.

Положив на стол мои вещи, майор с двумя бойцами молча остались стоять. Судоплатов посмотрел на меня испытующе, помолчав, сказал:

– Ковалев, выйди, я позову.

Тот, кивнув, вышел с бойцами.

– Мы с большим интересом изучили ваши послания и удивлены. Информация, предоставленная вами, имеет огромное значение. Анализ, проведенный вашими специалистами, на проверку оказывается точным и полным. Ни одна разведка мира не способна предоставить такую информацию. Понятно, что сейчас – слово «сейчас» он выделил – вы на нашей стороне, но хотелось бы знать, кто нам помогает и какова будет цена и ваши побудительные мотивы.

Поэтому я уполномочен провести переговоры о сотрудничестве. Наши аналитики думают, что за вами стоит некая организация, но Киселев думал иначе.

- Почему думал? Вы его отстранили?
- Нет, он вчера погиб при авианалете.
- Надеюсь, послания не попали в чужие руки?
- Нет, тут все нормально, я вам ручаюсь.
- Это хорошо, а то сами понимаете...
- Да, конечно. Вернемся к первому вопросу. Кто вы?

Я предполагал, что такой разговор рано или поздно состоится, поэтому сделал небольшую домашнюю заготовку.

– Я представляю определенную группу людей, которая заинтересована в существовании России как государства, вне зависимости от ее государственного строя и минимизации потерь от войны с Германией. Хотя, по моему мнению, мы вмешались поздно, но некоторую помощь информационного плана мы вам оказываем.

– Это понятно из вашего первого сообщения, но никак не раскрывает ваши реальные планы и задачи.

– Разве я их не раскрыл?

– Не думаю, это просто слова. Это не объясняет ни вашу осведомленность, ни ваши практические знания. Ваши аналитические справки по применению бронетанковой техники ставят в тупик наших специалистов. Они недоумевают, на базе какой информации вы сделали такие выводы, если только сейчас начался сбор таких данных? А по партизанскому движению? Рекомендации составляли люди, которые имеют большой опыт партизанской деятельности, причем применительно к территории Советского Союза. Но по моим данным, а я человек достаточно осведомленный, никто в последнее время таких партизанских действий не вел. И опыт Испании никак не применим. Так что, товарищ лейтенант, остаются одни вопросы, и для доверительных отношений нужна правда.

Он откинулся на спинку стула и специально затянул паузу, давая мне заговорить. Вот волчище. Ладно, будем танцевать дальше.

– Павел Анатольевич, правда достаточно невероятна. Я даже могу предположить, что вы подумали. А госбезопасность думает в первую очередь о разведывательной сети противника либо «заклятого» союзника. Но полнота информации о РККА, которой даже сама РККА не имеет, заставила вас усомниться в такой гипотезе, да и по Вермахту тоже. Иначе бы мне сейчас выкручивали руки и выбивали адреса явок и агентов.

Судоплатов скромно улыбнулся, подтвердив мои предположения.

– Значит, вы выработали несколько версий, которые вам надо подтвердить. Вот интересно, что за версии? Потешьте самолюбие.

Но тот не повелся, не взял шутивого тона, значит, установки ему дали жесткие.

– Я не думаю, что вам будет это интересно, товарищ лейтенант, кстати, как вас по имени отчеству, а то как-то...

– Пока Сергей Иванович, как указано в той липовой немецкой «ксиве», с которой я уже беспрепятственно у вас в тылах гуляю. Вы бы какие-нибудь знаки или метки сделали. А то стыдно как-то.

– Хорошо, Сергей Иванович, но мы несколько отклонились от темы, а вы все юлите.

– Павел Анатольевич, вы профессиональный разведчик, товарищ «Андрей», работали нелегально за границей. Опыт большой, неужели вы думаете, что я вот так вот просто начну колотиться и выкладывать весь расклад. Вы меня совсем за дилетанта держите? Давайте я сейчас передам вам еще пакет с информацией, а вы ознакомитесь, а потом мы поговорим о дружбе между народами и мире во всем мире. Вы не против, если я сниму форму?

Он кивнул, поняв, что я подразумеваю. Расстегнув портупею, я снял гимнастерку, оставшись в галифе и бронежилете. Красивая картина со стороны, наверно. Судоплатов заинтересованно посмотрел на меня.

– А что это такое?

– Бронежилет скрытого ношения, предохраняет от выстрелов короткоствольного оружия: пистолетов, автоматов, осколков. Но это декларируется. А поможет – не знаю, но лучше, чтоб был шанс.

– У нас такие тоже разрабатывались, но это громоздкие и тяжелые кирасы.

– Да знаю, видел. Так себе. Но надеюсь, жизнь бойца спасет.

Но он еще больше удивился, когда увидел, как я отдираю «липучки». Вот это действительно был цирк.

Из-под бронежилета я достал пакет, завернутый в целлофан, чтобы тот не промок от пота. Освободив от обертки, почти торжественно передал его Судоплатову.

Он, держа большой конверт в руках, пристально глянул мне в глаза. Я в ответ так же смотрел и после продолжительной паузы сказал:

– То, что вы держите в руках, является плодом долгой работы наших аналитиков. Здесь собраны все материалы, что касаются реальных планов немецкого правительства относительно народов, населяющих территорию Советского Союза. Вы почитайте, а я пока с вашим Ковалевым пойду чайку попить, да про жизнь пообщаемся, мы же с ним вроде как коллеги – занимаемся силовым обеспечением.

Судоплатов иронично кивнул и вполголоса позвал:

– Ковалев!

Не успел он произнести фамилию охранника, как на последнем слоге дверь открылась и майор сразу нарисовался на входе, готовый ко всему. Но, увидев меня, надевающего гимнастерку, и Судоплатова с пакетом в руках успокоился.

– Ты покорми лейтенанта, он с утра не ел. Он тут с тобой пообщаться хочет, говорит, коллега. А я пока немного поработаю, и мне чайку организуй.

Тот посторонился, пропуская меня, и закрыл дверь.

– Ну что, пойдем перекусим, а то что-то я замotalся. День был тяжелым.

– Пойдем.

В конце коридора нарисовался особист 172-й дивизии. Проникнувшись ситуацией, он ходил на цыпочках. Ковалев подошел к нему и сказал пару слов. Того как ветром сдуло. Зайдя в другую комнату, мы расположились за столом, на котором вскоре оказалась еда, чай и какое-то печенье.

– Сергей, – представился я и протянул руку.

– Игорь. – Он пожал протянутую руку.

– Давай на «ты»? – Дождавшись согласия, я продолжил: – Ты не против, если перекушу немного, а то пришлось в «зеленке» побегать, с немцами в «догонялки» играли.

– «Зеленке»?

– Ага, это мы так называем лесные массивы, куча зелени, поэтому и «зеленка».

– А ты молодец, пока ехал, мы по телефону расспросили начальника особого отдела 747-го полка про твои подвиги в лесу. Он расспросил солдат и командира. А про то, как ты немецких диверсантов в одиночку обезвредил, я еще в Москве узнал.

– Хочешь что-то спросить? А то, зная вашу контору, вряд ли нам позволили бы просто так посидеть, языки почесать, так спрашивай, что могу, отвечу. Сам понимаешь.

– Конечно. Скажи, что у тебя за автомат такой интересный?

Я решил не врать, такой подготовленный народ должен ложь чувствовать, так что будем играть как американцы, говорить правду, много правды, но не всю.

– ПП-2000, экспериментальная модель, специальная разработка для спецподразделений, разработан под немецкий патрон «парабеллум». В комплекте идет тактический глушитель и коллиматорный прицел. Малогабаритный, легкий и удобный.

– Можно посмотреть?

– Да бери все вещи, я похвастанюсь, а ты еще много информации соберешь. Все какая помощь будет. А то пока пакеты изучат, проверят, куча времени пройдет, а помощь сейчас нужна.

Ковалев, извинившись, ходил в кабинет к Судоплатову и принес мои вещи. За ним увязался один из бойцов, наверно, не просто так посмотреть. Тоже специалист.

Пока я показывал автомат, мы мило общались. Игорь был профессионалом и сразу понял красоту, элегантность и смертоносность этого оружия. Очень заинтересовали его пластиковые накладки, но при этом я заметил, как он внимательно смотрел на серийные номера и надписи на русском языке. Коллиматорный прицел вообще привел его в восторг. СВУ он долго держал в руках, щелкал затвором, прикладывал и целился. «Глок-17» ему понравился, но не так. Про РПГ-26 он долго расспрашивал и интересовался тактикой применения. Через полчаса разговор мягко перешел на тактику малых подразделений, методы установки взрывчатки, мины и т. д. Как бы между прочим он спросил, почему автомат и пистолет под немецкий патрон, я ответил, что моя миссия предполагает, что работать буду на захваченной территории, и патроны брать лучше у противника, чем я после боя в лесу и воспользовался.

Под конец, когда уже было время нарисоваться Судоплатову, я Игорю сказал:

– Игорь, я, конечно, понимаю, что вы меня как салагу пытаетесь развести и получить максимум информации, но дело в том, что последний месяц я только этим и занимаюсь, что вам помогаю. И рассказываю для того, чтоб вы знали, какое у спецуры должно быть оружие, и то, что вам не раз придется резать часовых и рвать мосты. И если мои рассказы помогут вам выжить и завалить побольше немцев... Для меня это очень важно, что многие из тех, – кивком показав на улицу, – выживут и вернуться домой к своим детям, женам, матерям. И это моя главная задача.

О, как его проняло. Понял, что я не шучу, а говорю то, что думаю. Нормальный мужик, свой, настоящий. В нашем времени я таких мало видел.

Тут в комнату ввалился Судоплатов, был он взлохмачен, похоже, зацепило основательно.

– Сергей Иванович, надо поговорить.

– Конечно, Павел Анатольевич.

Глава 14

Мы снова расположились в том кабинете, где оставался Судоплатов и знакомился с информацией по немецким планам уничтожения славянского народа. Выглядел он, мягко говоря, пораженным, если не хуже того. Человек, который спланировал множество диверсий и ликвидаций, был напуган. Ну, естественно, там мои женщины составляли аналитическую справку по немецким планам. Выдержки, справки, докладные, предложения. Можно свихнуться от того, как немцы со своей педантичностью подошли к решению проблемы уничтожения советских граждан. Так что понять Судоплатова можно было.

Хотя, по моему мнению, коммунисты сами были далеко не ангелами. Так что, думаю, что напугаются, но не сильно.

– Сергей Иванович, скажите кто вы?

– Я вижу, теперь вы готовы к нормальному конструктивному разговору?

– После такого? Хм. Тут задумаешься и станешь принимать, пахнет ли вокруг серой.

– Ну, это уж слишком сильное сравнение. Хвоста и рогов у меня не наблюдается.

– Это страшно, и писал тот, кто реально болеет душой за то, что может произойти.

– Знаю.

– Так кто же вы все-таки такой? Откуда вы?

– Павел Анатольевич, во-первых, я не уполномочен вести разговоры на таком уровне. Я всего лишь курьер. Во-вторых, ситуация такова, что данную информацию вам нужно отправить в Москву в срочном порядке. Скоро здесь будет очень жарко, и я думаю, возможно, наша связь в таком формате прервется. Так что времени очень мало.

Он откинулся на спинку стула и пристально смотрел на меня.

– Это вызывает серьезное недоверие. Мы не можем вам доверять. Такая бескорыстная помощь вызывает только сомнения в вашей искренности.

– Хорошо. Мое руководство предвидело такой вариант. Согласитесь что люди мы информированные и в отношении некоторых технических новинок более подготовленные. – Дождавшись его кивка, я продолжил: – Думаете, я не понимаю, что вам выгодно меня сейчас повязать, засунуть пальцы в дверь и задавать кучу вопросов. Но много ли знает простой курьер? При условии, что руководство предполагало вариант силового развития и в первом сообщении оговаривало такое развитие ситуации. Тем более у нас бойцам спецподразделений зашивается специальное устройство для самоликвидации на случай попадания в плен. Обнаружить его даже с помощью рентгена невозможно. У меня такое тоже есть. Так что в случае силового захвата вы получите просто труп. Поэтому нам проще остаться друзьями и продолжать нынешнее сотрудничество в прежнем русле. Вы и так получили слишком много данных, обработайте их сначала.

– Хорошо, в ваших словах есть резон. Вы, вижу, не новичок и все продумали.

– Я всего лишь один из немногих, кого выбрали для этого задания. Как видите, у меня получается. А то, что касается безопасности миссии, так это продумали специалисты.

Вот. И ведь практически и слова неправды не сказал. Разве что про самоликвидатор. Но партию вроде как отыграл неплохо, как говорится, мяч еще на моей части поля.

– Что думаете делать дальше?

– Дальше я начну торговаться.

– Это как?

– Просто у нас появились некоторые трудности с энергетикой и нам нужно горючее для работы резервных дизель-генераторов. Еще нужна питьевая вода. Это пока из минимально необходимого. Так что если поможете, хорошо, думаю, на такую мелкую помощь мы нарабо-

тали, если нет, так пойду у немцев по тылам шарить. Они, правда, на бензине работают, так у нас и бензиновый генератор есть. Может, что и найду.

То, что на поддержку портала всего израсходовали полторы тонны, я промолчал, а вот то, что двадцатитонная емкость бункера почти пустая, это точно.

– Сколько горючего и воды нужно?

– Горючего, ну тонн пятнадцать, на первое время хватит, и воды тонн десять.

А про себя подумал, что этого хватит месяцев на шесть автономной работы. А там что-нибудь у немцев позаимствую.

Судоплатов задумался. Я видел, что ему приходится принимать непростое решение, но я ему не оставил шанса. Ему бы в нашем банке поработать, вот где учат народ нагибать и поворачивать в нужную сторону.

– Хорошо, я думаю это решаемо. Когда и где это все нужно?

– Чем быстрее, тем лучше. Сегодня ночью возле деревни Запрудье.

– Это где вы детишек напугали?

– Ага, было дело.

– Побудьте здесь, а я пойду, распорядюсь.

– Спасибо, очень поможете.

– Но разговор еще не закончен.

– Я это прекрасно понимаю, но пока ничего определенного. Как говорят ваши заклятые друзья – без комментариев.

Когда мы только смогли пробить канал в прошлое, встал вопрос, как это может быть полезным для нас. Вариант переселения – хорошо, но, учитывая специфику спецслужб того времени, а они во все времена были беспринципными и руководствовались только целесообразностью, был опасным. В качестве альтернативного варианта было получение горючего, чистой воды, продуктов.

Заниматься поиском всего этого на поверхности в свое время как-то не хотелось. Радиация все-таки, да у меня было особое желание, чтоб у моего сына появился братик. Правда, жена хочет дочку, но это как получится. Так что, пока сверху не спадет радиация, а по моим подсчетам это года два-три, на поверхность лучше не вылезать. Да и с горючим наверху начались проблемы еще во время войны, сразу после начала боевых действий подвоз нефтепродуктов в Крым прекратился.

Остановились на плане «минимум» – получение горючего и воды. С продуктами было получше, разработали и проложили систему по закачке через портал. Это были резиновые рукава, которые нужно прокинуть через портал. А уже по бункеру прокинуты пластиковые трубы, знаю, что нельзя, но другого ничего не было. Для этого пришлось лезть наверх и в соседнем доме демонтировать систему отопления.

Вообще тот год, который мы провели под землей, был очень знаменательным. Я для поддержания формы занимался доработкой системы подземных ходов. Учитывая наличие соответствующих инструментов и некоторого опыта по работе в бункере, за год, как натуральный крот, накопил кучу ходов. Естественно, они были заизолированы и по возможности укреплены. Труд по большому счету не очень нужный, но в таких условиях постоянная занятость помогает избежать внутренних конфликтов.

Видимо, Судоплатов решил взять на себя ответственность по принятию решения. Шаг серьезный. Тем более я ему обрисовал ближайшие перспективы в обороне Могилева. Времени совсем мало. Но у меня были свои планы, и под настроение я попытался вырвать свой кусок сала.

– Павел Анатольевич, у меня есть просьба.

Он вопросительно посмотрел на меня.

– Мы собираемся ж с вами еще контактировать, и мне под это нужно оперативное прикрытие. И нормальные документы. Думаю, неплохо было бы реальные документы на Зимина, но званием повыше, и что-то общевойсковое. А то при следующем контакте хлопнет меня какой-нибудь ретивый особист.

Пока я ездил ему по ушам, он кивал головой, потом криво ухмыльнулся, на что я, подняв руки вверх, ответил:

– Обещаю, по вашим документам мосты взрывать не буду. А если и буду, то только анонимно и только под немцами.

Судоплатов глубоко и озабоченно вздохнул.

– Я после вас уже ничему удивляться не могу.

– Я к этому отношусь спокойно. Как говорил отец: «Не задавай, сын, нескромные вопросы, чтоб не получать глупые ответы». Как мы с вами будем общаться дальше?

– К сожалению, не получится, оставляю Ковалева вам в помощь. Я разговаривал с Верховным, информация, предоставленная вами, слишком важна и должна быть немедленно в Москве, вечером улетаю.

– Ну, до вечера время есть, давайте я вам расскажу про план блокады Ленинграда и про то, как наших юношей и девушек угонят в Германию на рабские работы. Вот это вы должны ни в коем случае не допустить. Только надо через узел связи корпуса отправить шифровку моему руководству, чтоб вечером приготовились принимать гуманитарную помощь.

– Какую помощь? Гуманитарную? Интересное выражение.

– Бывает и не такое.

Вот за таким непринужденным, но очень информативным общением, в котором заместитель начальника разведки ГУГБ Судоплатов выпытывал у меня максимум информации, прошло несколько часов. Как профессионального разведчика и диверсанта, с хорошей памятью и пытливым умом, его интересовала тактика спецназа, методики подготовки и многое другое. Прервались первый раз на ужин, а потом, когда Ковалев привел фотографа и меня «щелкнули» на документы.

Я много чего ему рассказал. Определенные подозрения у него были на мой счет. Но он помалкивал.

Вечером я и Ковалев провожали его на аэродроме в Луполово. Возле самолета он повернулся и спросил:

– Может, давай со мной в Москву? Сам понимаешь, это очень важно.

– Пока не могу. Да и не можем мы за вас принимать решения. Это ваша война, это ваши ошибки и вам исправлять. Мы только немного помогаем.

– Кто же вы все-таки? Вы пару раз оговаривались, что вы русский.

– Я знаю, специально обратил на это внимание. Среди нас много русских и украинцев. Как ни странно, мы один из развитых в интеллектуальном плане народов. Я вам скажу одну вещь, а вы подумайте. История человечества намного дольше, нежели думают современные историки. И часть этой истории просто людям не известна. У немцев даже есть специальная организация под патронатом СС, называется «Аненербе», занимаются оккультизмом и всякой ерундой. Только не там копают. Пищу для размышления я вам дал, а дальше, извините. Только совет – не нужно думать о силовых действиях. Больше потеряете. Гитлер вон рискнул.

Недосказанность была понятна. Всегда интересно дружить против кого-то вместе.

– Я вас понял, ну тогда до скорой встречи, капитан.

Мы пожали друг другу руки и разошлись.

Маленький Р-5 быстро разбежался и исчез в черном небе.

Глава 15

Я давно заметил, что проблемы любят приходить толпой и сразу наваливаются, пинаются, лезут холодными щупальцами за шиворот. Вот так и у меня. Вроде как все уладилось, и я с чувством выполненного долга с Ковалевым добрался до села Запрудье и ожидал прибытия транспорта с продуктами, горючим и питьевой водой. Для надежности и охраны с нами были двое его боевиков и в качестве массовки взвод бойцов из сводного полка Могилевского НКВД. В принципе все было хорошо. Ночь, сверчки стрекочут, энкавэдэшники шушукуются и покуривают. Точнее покуривали, пока я не надавал им по голове и в прямом и в переносном смысле слова. До линии окопов второго батальона 747-го стрелкового полка всего сто пятьдесят метров и для хорошего снайпера дистанция, конечно, не маленькая, но при отсутствии сильного ветра работать можно.

Они сначала очень обиделись, получив в торец от простого пехотного капитана. Это Ковалев подсуетился и сделал мне документы капитана РККА на имя Зимина Сергея Ивановича. Про энкавэдэшную «ксиву», он выразился так, что, мол, бланков в городе нет, а моя, нынешняя, выполненная специалистами Абвера, вполне подходит. Вот юмористы. Такая серьезная организация – и здесь наш славянский менталитет проявился, везде схалтурить хотят. Вот пришлось объяснять народу про правило трех затяжек. Это пошло еще с англо-бурской войны: «Первая затяжка – обнаружение, вторая затяжка – прицеливание, третья – выстрел». И, еще напомнив, что у немцев наблюдатели не спят и очень резво наводят минометы, а хуже того – гаубицы, заставил их, ну не то что бы бросить курить, но задуматься об этом в условиях фронта.

Часа в два ночи наконец-то подошли ЗИСы, за-груженные бочками с соляжкой. Подав радиосигнал и получив ответ, я целенаправленно двинулся к точке портала. Оттуда торчал кусочек антенны. И сейчас, по получению сигнала, из портала вывалились два резиновых рукава, подключенных к насосам. Ковалев предусмотрительно разогнав энкавэдэшников в дальнее оцепление, не кичась чином, стал помогать ворочать бочки. Или он действительно нормальный мужик, или хотел поближе к порталу пошарить. Не знаю, но то, что он конкретно помог, это точно. Вставляя поочередно в каждую бочку шланг и высасывая из них содержимое, в течение часа освободили все бочки только на одной машине. Подъехала следующая машина. И так пока не начало светать. Летняя ночь короткая очень. Поэтому пришлось заправку отложить на следующую ночь. По моей команде портал отключили, а мы с Ковалевым поехали в город. А то в чистом поле уж очень хорошие мишени.

Днем расположились в штабе дивизии. Видимо, майор был не до конца информирован о моем статусе, но кое-что все-таки знал. Вид резиновых рукавов, выпавших из воздуха, убедит кого угодно. Поэтому за чашечкой чая, а потом я еще расстарался, и достал несколько пакетиков с кофе, обсуждали оборону Могилева. Мое мнение, что сил не хватит, слишком уж высоко численное и качественное превосходство Вермахта, его обидело, но не сильно, сам все понимал. Особое внимание уделили взаимодействию немецких подвижных частей, артиллерии и авиации.

Тут я, как бывший радиолобитель, выдал:

– Так заглушите армейские диапазоны. По принципу, не мне, так никому. Пусть не думают, что в сказку попали.

Ковалев вопросительно на меня уставился.

– А что тут сложного, немцы используют коротковолновые маломощные передатчики, заглушить их не так уж и сложно. Мы можем попробовать заняться подавлением частот, на которых работают немцы, тогда и авиация не будет бомбить там, где нужно, и артиллерия будет долбить не туда. А что, это идея, мне самому захотелось поучаствовать.

Ковалев сразу просек мою идею, и поинтересовался, что для этого надо.

– Думаю, мне надо будет запросить у руководства кое-какое оборудование. А от вас понадобится мощная радиостанция, точнее ее выходные каскады. Если не получится, я попрошу своих, чтоб они временно выдали нашу радиостанцию.

После обеда связавшись с бункером, я выехал к порталу. На фронте пока было затишье. Немцы перегруппировывались для нового удара.

Раскидав перед точкой выхода дымовые шашки и натянув кусок брезента, ловили вылетающее из портала оборудование.

Пока я возился, состыковывая радиосканер с ноутбуком и нашим радиопередатчиком, Ковалев устроил разборательство с начальником связи корпуса на предмет радиооборудования. Часам к четырем подогнали ЗИС-5 с допотопной ламповой радиостанцией. Единственное ее достоинство было в том, что она имела выходную мощность пару сотен ватт. Надеюсь, получится. Мне дали в помощь пару спецов, и рядом крутился начальник связи дивизии.

Специалисты просто офонарели от дешевого цифрового тестера, который я когда-то купил на радиорынке. Немного пришлось помучиться с согласованием выхода моего полупроводникового радиопередатчика, с управляемым ноутбуком синтезатором частоты, с выходными каскадами армейского радиопередатчика с узла связи дивизии. Когда все было налажено, Ковалев чуть ли не пинками вытолкнул за дверь связистов. Действо начиналось.

Радиосканер выдавал информацию о состоянии работающих радиопередатчиков, с их частотами и способами модуляции. Я набросал дополнительную программку для умного подавления всех радиостанций, в которой происходило распознавание голоса и морзянки. Голос заглушается звуковыми потерями, морзянка – включается генератор случайных чисел в виде морзянки, в общем, разбирайте, кто хотите. Учитывая достаточно узкий частотный диапазон, скорость сканирования существенно выше и соответственно реакция на подавление ускоряется.

В общем, собрав подобный гибрид из хитрости двадцать первого века и мощи середины двадцатого, мы решили похулиганить, к тому же немцы начали вечернее наступление, и бой разгорелся нешуточный.

Выбравшись поближе к линии фронта, развернули радиостанцию, запустили бензогенератор и приступили к подавлению средств связи немцев.

Давно не испытывал такого удовольствия. В полосе фронта работали десятки передатчиков, и сканер их вылавливал, опознавал и забивал в память ноутбука, а тот давал команду нашему радиопередатчику на той же частоте пускать свист. Потом от крайней степени оборзения надиктовали в микрофон кучу немецких ругательств, записав это все в файл, который постоянно проигрывался и своим нецензурным шумом забивал основные частоты немецких корректировщиков, наводчиков, танкистов и других очень уж заинтересованных лиц.

К концу дня к нам присоединился начальник связи дивизии и с ним приехал сам комдив, генерал-майор Романов.

И причина такого «звездного» визита была весьма веской. Слух про новую секретную установку разнесся уже по дивизии. И он был подтвержден тем, что на нашем участке, где я имел честь играть в радиокomentатора на всех немецких волнах, немцы огребли основательно. Количество подбитых танков было до неприличия велико. И попытка вызвать авиационную поддержку вылилась в карусель с намного меньшей эффективностью, нежели обычно. Народ у нас никогда глупым не был, и бойцы сразу смекнули, из-за чего немцы стали воевать не так правильно. И артналет по замаскированным позициям противотанковой артиллерии прошел немного позднее, чем нужно, и результатом этого стали восемь сгоревших танков, попавших в огневую засаду. И brave немецкие артиллеристы качественно смешали с землей пустые позиции.

Поэтому Романов решил воспользоваться экспериментальной установкой и организовать контрнаступление. В свое время я читал, что он был неплохим командиром, дрался до последнего, раненым попал в плен и был повешен немцами.

Я подумал, что идея в принципе трезвая. В таком случае Вермахт теряет одно из главных своих преимуществ – согласованность сложного армейского механизма. Именно то, чем грешила Советская Армия в первом периоде войны.

Интересный и занимательный разговор про технические возможности продлился минут сорок. Договорились поддержать наступление рано утром на соседнем участке обороны. Там есть реальная перспектива уничтожить немецкий плацдарм, тем самым улучшить положение осажденного города. Честно говоря, я очень хотел помочь. Поэтому связался с бункером и затребовал второй, резервный передатчик. Тогда эффективность подавления будет намного выше, если давить в два потока с распределением по мощностям.

До утра было время, и занялись обычным делом – закачивали горючку и воду и параллельно грузили ящики с консервами, мешки с крупами и другими продуктами долгого хранения. Мне приходилось несколько раз возвращаться в бункер, помогать женщинам, таскать ящики и мешки. Точнее я таскал, а они помогали и контролировали вход. Я по-тихому разместил недалеко от портала видеокамеру, и из бункера контролировали, чтобы не было сюрпризов в виде любопытных бойцов НКВД.

Когда начало светать, у меня уже руки отваливались. Дизтоплива закачали четырнадцать тонн и воды десять. Этих запасов хватит месяцев на пять, не меньше.

Да, натаскался за ночь. А надо еще систему настроить на два потока и запрограммировать выборку по уровням сигнала.

Наступление было назначено на пять.

Мы скрытно выдвинулись к позициям, замаскировали машину, а вот оборудование со сканером и ноутбуком разместили в окопе и антенны замаскировали под деревьями. А то у меня была стойкая мысль, что нас в ближайшем будущем будет ожидать охота артиллерии и авиации. Авиация будет точно, немцы не дураки, и быстро триангулируют место излучения помех и наведут авиацию.

По моему совету вокруг расположения излучателей поставили батарею 37-миллиметровых зенитных автоматов.

То, в чем я участвовал, мало походило на описанные во времена демократов наступательные операции РККА. Никто не собирался идти толпой на пулеметы. Народ готовился наступать, но не бездумно, а как положено. Была бы возможность, набил бы морду тому, кто про наших предков гадости рассказывает. Попробовали бы эти писаки в атаку под минометным обстрелом походить.

В пять тридцать две батареи гаубиц, полковые и батальонные минометы начали массированный обстрел немецких позиций.

За пять минут до этого я включил свою аппаратуру. Теперь что творится на линии соприкосновения, немецкое командование сможет узнать только по телефону.

Переднюю линию обороны противника заволочло дымом и пылью. Через двадцать минут в бой пошла пехота. За пехотой, которая уже захватила переднюю линию окопов немцев, на конной тяге неслись сорокапятки и сразу же занимали позиции для отражения танковой контратаки. Бой разгорался все сильнее. Мимо нас двинулись резервы для дальнейшего прорыва.

Вдалеке слышалась стрельба, взрывы, а мы сидели в окопе и играли на ноутбуке в игру «погаси частоту». С передовой повезли раненых.

К семи утра в прорыв пошли наши танки, шесть Т-26. Для меня, выходца из двадцать первого века, где эталоном танкового дизайна были Т-72 или американский «Абрамс», эти машины выглядели несерьезной экзотикой.

Где-то около восьми утра немцы наконец-то вспомнили о нашем существовании и решили задавить станцию подавления. Но ведь и мы тоже не лохи. Из города притащили пару поврежденных полуторок, на них понаставили ящиков и металлических штырей, изображая антенные излучатели.

Вот и по нашу душу прилетела девятка Ю-87 и начала все вокруг мешать с землей. И зенитчики тоже приняли участие в этом развлечении. Самое интересное – страха я не испытывал, только азарт. Из своей СВУ навскидку стал лупить по пикирующим штурмовикам. Попал, не попал, не знаю, но вот то, что три «лаптежника» завалили, это точно. И установка продолжала работать.

Ближе к обеду части 514-го стрелкового полка стали возвращаться на свои позиции. С ними вернулись всего три Т-26. Немцы тоже не простаки – подсуетились и отбили наступление, потеснив пехоту с занятых позиций. Но в результате утренней атаки серьезно потрепали немецкую 7-ю пехотную дивизию, так что к вечеру ее сняли с фронта и отправили на переформирование и заменили 15-й пехотной дивизией из оперативного резерва.

Результат использования моего изобретения произвел впечатление. Но я не унимался и придумал новую пакость для немцев. Основывалась она на простом предположении, что немцы люди умные и рациональные. Появление такого оборудования на фронте существенно бьет по их планам применения моторизованных соединений и обязательно должно вызвать соответствующую реакцию. Немцы и побеждали за счет качественной организации и скоординированности действий мобильных соединений, средств усиления и авиации. И все это базировалось на использовании радиосвязи. Учитывая то, что на тот момент времени не было цифровых систем, использующих помехозащищенные протоколы связи, немецкая военная машина в этом отношении была сильно уязвима.

Логично предположить, что немцы попытаются уничтожить и при возможности захватить оборудование. Значит, любое включение такой системы сразу привлечет внимание. И первая реакция низового командного звена – это уничтожение. Я бы предпочел комбинированный удар танков с мощной авиаподдержкой для уничтожения станции постановки помех.

Изложив мое мнение комдиву, я предложил свой план по нанесению ущерба немцам. Главное это обеспечить хорошую защиту ПВО. Романов расщедрился и выделил обе батареи 37-миллиметровых автоматических зенитных пушек и взвод счетверенных зенитных пулеметов. Все это было тщательно замаскировано. На случай танкового прорыва устроили качественную артиллерийскую ловушку. Ночью саперы просто сошли с ума, минировав все подступы к приманке. На флангах упрятали две батареи противотанковых пушек. В общем, ловушка была что надо. В качестве приманки опять поставили два ЗИСа с имитацией антенн.

Утром, около шести часов, батальон, занимавший оборону на этом участке фронта, начал создавать видимость подготовки к наступлению. Оставшиеся в распоряжении комдива несколько танков изображали передислокацию к участку прорыва. Гаубичная батарея начала пристрелку. И тут я включил установку.

События стали развиваться очень быстро. Немцы, похоже, ждали чего-то подобного, и сразу включились в контрбатарейную дуэль. Звукометристы у них были всегда на высоте, наши сразу начали огребать. Пехота пару раз имитировала атаку. Как мы и ожидали, вскоре появились немецкие самолеты и усиленно начали бомбить инвалидные ЗИСы. Обе зенитные батареи и пулеметчики трудились на износ. Такого яростного боя я еще не видел. В штабе корпуса знали про наши планы и, видимо, согласовав со штабом армии, выпросили истребительное прикрытие. Пятерка советских истребителей налетела на немецкие штурмовики, когда те выходили из очередного захода на цель. В воздухе закрутилась карусель.

На земле творились дела не менее интересные. Немцы контратаковали, и сразу ввели в бой около двух десятков танков с сопровождением пехоты. Как было договорено, наш стрелковый батальон в панике побежал. Гаубичная батарея, которая вроде как была разгромлена нем-

цами, опять оживала. К ней присоединилась еще одна, которая до того молчала. При таком звуковом фоне немецкие звукометристы уже не могли качественно определить местоположение нашей артиллерии. Поле, по которому наступали немецкие танки, покрылось лесом разрывов тяжелых гаубичных снарядов. Несколько загорелось, но основная масса, пройдя линию окопов, прорвалась к нашей ловушке. Первые четыре танка подорвались на противотанковых минах. По остальным открыли огонь молчавшие до этого противотанковые батареи. Отсутствие связи между танками резко увеличило их время реагирования на угрозу. Пока они что-то поняли, еще шесть танков осталось гореть.

В это время бой в воздухе распался. Немецкие легчики, потеряв шесть машин, разбросав куда попало свой бомбовый груз, удирали обратно. Истребители потеряли всего одну машину, но легчик успел спрыгнуть с парашютом. Никто его в воздухе трогать не стал. Поэтому зенитчики успели повернуть свои орудия в сторону наступающих танков и открыть огонь. Через полчаса боя все танки, атаковавшие позиции советских войск и попавшие в огневую ловушку, были уничтожены. Немецкая пехота выбита из окопов контратакой с флангов и фронта. Еще часа три продолжалась артиллерийская дуэль. Немецкие истребители нарисовались над полем, но, потеряв один самолет, не решились дальше продолжать заходы.

Денек был веселым. Мне тоже удалось отметить. Немецкая «троечка» практически прорвалась к нашим позициям, и пришлось по ней отработать из РПГ-26. Я выстрелил в стык корпуса и башни, получив милую детонацию боекомплекта.

Вероятно, немецкое командование очень обиделось, и по нам стала работать артиллерия всей дивизии. Так что пришлось сваливать в быстром темпе. У нас тоже потери были немаленькие. Особенно у зенитчиков. Два орудия были разбиты полностью. Но по радостным лицам бойцов и командиров было видно, что народ доволен. Немцы получили хороший укорот.

После таких приключений у меня сложились вполне приятельские отношения с Ковалевым и его бойцами. Их оказалось несколько больше, чем я предполагал. Все правильно. Так и нужно работать. Остальные бойцы держались в тени, как я понял, ожидая команды «Фас». Но команды не последовало и на третий день после отлета Судоплатова.

То, что Ковалев регулярно шлет «телеги» на меня, я не сомневался, вопрос слишком серьезный, чтобы его оставлять без контроля. Значит, руководство СССР пришло к выводу, что с нами лучше дружить и торговать, во всяком случае, пока. Но Сталин умудрился удивить меня своей кавказской хитростью и извращенным чувством юмора. Я-то думал, что у нас отношения перешли в коммерческую область по принципу «ты мне, я тебе». И особого желания встречаться с ним не имел. Не то что робел, а просто не было желания. Они ж коммунисты, хотят много и сразу, и кто не с ними – тот враг. А я не готов к таким отношениям. Так что единственное желание у меня было – стать нужным, но при этом сохранить независимость. А для этого нужно заполнить бункер топливом, водой и продуктами и попробовать поработать над изменением точки выхода в этом времени.

Но усатый хозяин страны поразил. Прибывший Судоплатов торжественно вручил мне новую настоящую «ксиву» капитана ГУГБ НКВД на имя Зимина Сергей Ивановича и орден Красной Звезды за участие в боях по обороне Могилева. И пояснил, что приказом от 25 июня я зачислен в штат НКВД. То есть, гады, меня задним числом зачислили в «гебню». На мои возмущенные наезды Судоплатов с барской неторопливостью пояснил, что раз я принимаю участие в уничтожении немцев, то будь добр славой и авторитетом делиться с органами.

После торжественной части мы уединились с Судоплатовым и начали уже другой и серьезный разговор. Я к этому готовился. Ждал наездов и изощренной византийской хитрости. Посмотрим. Еще раз повторюсь, вам бы в нашем банке поработать.

– У меня состоялся разговор с руководством на самом высшем уровне. Информация, переданная вами, возбудила большой интерес, а то, что вы рассказали о планах блокады Ленинграда, вызвало недоверие, но, учитывая, что все ваши послания на проверку оказываются

достоверными, пришлось поверить и в это. А немецкий план «Ост» ужаснул своей зверской прагматичностью. Но вот источник этой информации до сих пор вызывает недоверие.

– Да, я понимаю вас. Но ничего больше сказать не могу. Под контроль нас вы поставить не сможете, поэтому лучше взаимовыгодно дружить. У нас есть определенные проблемы с продуктами и энергоресурсами, у вас с немцами. Поможем друг другу. Тем более в практической эффективности наших возможностей вы уже убедились.

– Да уж, доклад про вашу установку постановки помех вызвал большой интерес у Верховного. Но мы все же рассчитываем на нечто большее.

– Более смертоносное?

– Да.

– Пока нет. И я сейчас поясню почему. Простой пример. Я могу вам передать установку – и пользуйтесь. Но в условиях отступления вероятность того, что данная установка попадет в руки противника велика, и со временем немцы с их более развитой наукой и промышленностью быстрее освоят выпуск и применение этого вида оружия. Да, это оружие, так называемые средства радиоэлектронной борьбы. Пока вы сами не будете в состоянии наладить выпуск такого оборудования, мы ничего такого давать не будем. Если вы думаете о более серьезном оружии, то не надейтесь. Оно есть, и очень эффективное, но это будет равносильно тому, что дать пистолет двум малышам, подравшимся в песочнице. Кроме трагедии, ничего путного не получится. А вот, допустим, модернизированный вариант танка Т-34 был бы очень интересен. Танк великолепный, только недоработанный. Завтра вы получите анализ и первичную документацию. Это будет лучшим вариантом. Поверьте, мы это уже проходили.

– Что ж, такого ответа мы и ожидали. Но я все равно еще раз вас приглашаю в Москву.

– Нет. Я не уполномочен общаться с вашим руководством, я только курьер. Да и смысла пока нет. Вы еще не готовы к полному и реальному контакту. Не спешите, все в свое время. – И, выдержав паузу, добавил: – История знает примеры, когда при контакте разных по развитию цивилизаций происходили трагедии. Пример – уничтожение цивилизации ацтеков в Южной Америке. Пример, конечно, очень грубый, но показательный. Ответы на ваши вопросы вы еще получите, даю слово офицера.

Тогда я и понял что ситуация начинает выходить из-под контроля и нужно в срочном порядке прерывать контакт или резко ограничить активность контактов. Налицо все признаки первичной взаимной интеграции. И эта интеграция мне не нравится, получается, что не они, а мы попадаем в зависимость – это именно то, чего очень хотелось избежать. Тогда мы окажемся у них во власти и прав у нас будет не больше, чем у остальных винтиков огромной государственной машины.

Поэтому я для себя решил, что эта ночь будет последней и надо будет взять небольшой тайм-аут для обустройства бункера. С такими мыслями я слонялся по Могилеву в окружении охраны.

Глава 16

После разговора с Судоплатовым очень хотелось развеяться, а еще лучше – похулиганить. Идея пришла не сразу, но со временем я увидел, как пионеры собирают пустые бутылки для заливки знаменитого «Коктейля Молотова». Вспомнилось, как в Симферополе мы делали нечто подобное, но более эффективное, чтобы закидывать окна и подвалы, из которых периодически постреливали татарские и турецкие стрелки.

Я объяснил Ковалеву свою идею, и мы расположились во внутреннем дворе Могилевского управления НКВД. Достав канистру бензина и столько же солярки, найдя в развалинах несколько листов битума, мы приступили к действию. Я попросил ограничить доступ, зная, что город рано или поздно будет оккупирован, и секрет новой зажигательной смеси не должен быть раскрыт раньше времени. Налив в большую кастрюлю воды и положив пару железок, я поставил на них ведро. В него накрошил битума и начал доливать смесь бензина и солярки, осторожно помешивая. Доливая и добавляя битума, добился состояния густого киселя. Вытащив ведро и дав ему немного настояться, залил в бутылку. В качестве запала вставил пробку, пропустив сквозь нее кусок огнепроводного шнура. Ну что ж, попробуем. Отойдя подальше в развалины, поджег шнур и кинул булку в стену. Вспышка была неслабая. И горело очень даже мило. На Ковалева это произвело хорошее впечатление. Обговаривая весь процесс создания и применения, мы вышли из развалин и наткнулись на бегущий патруль. Но вручил энкавдэшные документы расставили все по местам. Они увидели вспышку и мощный дым и соответственно отреагировали.

Зайдя в управление, мы наткнулись сразу на Чистякова, который что-то выговаривал двум бойцам в форме НКВД. Наши армейские наряды сначала не произвели впечатления, но вот документы расположили к более доверительному общению. Услышав знакомую фамилию в сочетании со званием не лейтенанта, а капитана ГУГБ НКВД Зимина, Чистяков очень уж внимательно стал на меня поглядывать. На последней встрече с ним я был в маскхалате, и узнать меня он мог только по голосу. Поэтому он сидел и с большим интересом рассматривал меня.

Обсуждались рабочие вопросы, и я как-то заскучал. Было уже неинтересно. Сегодня последний вечер, загружаем остатки продуктов, закачиваем воду и остатки солярки – и я на время отключаю установку.

Это обсуждалось с остальными взрослыми обитателями бункера – и все были согласны, особенно после сегодняшнего утреннего боя, когда пришлось спастись от немецкого артобстрела. Нас осталось слишком мало, и просто так рисковать было глупо.

Вечером выдвинулись к portalу в сопровождении охраны и нескольких загруженных машин. Бой на этом участке давно затих и ситуация позволяла быстро закончить погрузо-разгрузочные работы.

Пришлось снова работать до утра, пока в бункере не заполнили все емкости для горючки и для воды. Затем началось самое трудное – погрузка ящиков с консервами, мешков с крупами и другими продуктами длительного хранения. Но и тут природная смекалка помогла. Мы сняли с джипа лебедку и переправили через портал. И когда через портал выдвигался поддон, на него складывали ящики, которые с помощью лебедки затягивались обратно. И так пока не стало светать. В общем, бункер опять был жизнеспособным.

Но червячок недовольства начал мучить и не давать покоя, слишком уж все шло хорошо. Из портала передали свежераспечатанные данные по Т-34, как я и обещал. Ковалев сразу озабочился степенью секретности и укатил к штабу дивизии для организации передачи пакета в Москву. Со мной осталась пара бойцов для охраны, и я на всякий случай таскал с собой ППД. Проводив машину с Ковалевым, я направился к portalу.

И вот тут, в то самое время, когда я, натягавшись грузов, от чувства выполненного долга испытывал приятное удовлетворение, мое пророчество сбылось. Только в несколько расширенном виде. По линии обороны батальона ударили артиллерия и минометы, и пока мы думали, куда бежать, перенесли огонь по нам, разглядев в поле несколько машин и людей. Где-то читал, что обстрел минометами вещь очень смертоносная, хуже только попасть под накрытие системами залпового огня. Подтверждаю. Так оно и есть.

До портала оставалось метров сто, но преодолеть их было невозможно из-за сильного минометного обстрела. Близким взрывом убило одного из моих охранников. В стороне переднего края разгоралась перестрелка. Глухо бухали пушки, трещали пулеметы и хлопали винтовки. Гул танковых моторов нарастал. Прорвав оборону стрелкового батальона на узком фронте, немцы пошли по полю в нашу сторону. Использование такого количества танков на таком фронте говорит о сильной озабоченности немецкого командования. В полосе обороны батальона наступали около четырех полков. Естественно, шансов остановить их ни у кого не было.

Пока долбали пехоту, я успел накричать в радиостанцию, чтоб срочно отключались. Женщины пытались препираться, но у нас были пультики для экстренного закрытия портала, чем я и воспользовался. Портал беззвучно закрылся, оставив снаружи антенну, которая обрезком упала на землю. Немецкие танки были уже возле точки выхода и разнесли стоявшие там ЗИСы с пустыми бочками. Мы с последним охранником залегли в воронке и стали отстреливаться из автоматов. Способа прорваться к portalу просто не было. Отступающая пехота мешала точно стрелять. До нас добежали считанные единицы. Страшное зрелище, когда в течение нескольких минут уничтожили целый батальон. Такая ситуация была на соседних участках. К счастью, это поле считалось танкоопасным направлением и за несколько дней до немецкого наступления было качественно заминировано со стороны фронта. Первые несколько танков, выскочившие на поле, окутались дымом и загорелись. Остальные остановились и с дальних дистанций стали обстреливать наши позиции.

По моему мнению, немцы решили покончить с гарнизоном Могилева и сконцентрировали на маленьком участке обороны одного 747-го полка три дивизии, и 24-й механизированный корпус Вермахта, вместо привычного для меня удара южнее, в обход Могилева, перенес направление наступления на сам город, стараясь рассечь подразделения 13-й стрелковой армии на несколько частей. В нашем варианте истории, чтобы не терять время и темп, два немецких корпуса из 2-й танковой группы Гудериана обошли город, окружив 13-ю армию. В этом же варианте, оценив боеспособность наших частей, решили сначала уничтожить группировку, а затем вести наступление на Смоленск. На этом они теряли не менее пяти-шести дней, давая время лучше укрепить Смоленск и его подступы. Но я был уверен, что, выигрывая дни сейчас и сковывая немецкие части, мы давали тем, кто за нами, возможность лучше подготовиться.

Бой продолжался уже несколько часов, нас теснили к окраинам Могилева. Линия обороны отодвинулась на двадцать километров и пролегла недалеко от деревни Гребеневка, где расположились зенитчики. Вот как раз они и помогли остановить танковое наступление, поставив свои 76-миллиметровые зенитки на прямую наводку и уничтожив около десятка танков. Пока немцы увязли в дуэли с зенитной батареей, которая к концу боя была практически уничтожена, мы сумели запустить установку постановки помех. Немецкий напор был все еще силен, но не так эффективен. Неслаженность действий стала сказываться. К переднему краю на нескольких машинах подвезли ящики с новым зажигательным составом. После чего несколько танков весело и чадно задымили. Остальные танки начали, откатываясь назад, постреливать по позициям советской пехоты. Слева ожили два зенитных орудия. Мощные 76-миллиметровые пушки эффективно боролись с немецкими танками. Появление авиации противника положило конец такой вот противотанковой идиллии. Зенитные орудия не успели развернуть, и они исчезли в дыме разрывов авиабомб. Пехота пыталась отстреливаться, но огонь был мало-

эффективен. Минут двадцать «лаптежники» ходили у нас по головам. В это время танки снова контратаковали. Забитая и оглохшая пехота не смогла противостоять. Снова прорыв – и танки утюжат окопы. Я в это время находился недалеко от КП полка и видел всю эту картину. Чувство бессилия, когда видишь избиваемую пехоту, охватило не одного меня. Перевес сил был такой, что установка поправки помех уже не помогала. Немецкая пехота добралась до окопов – и началась зачистка. Комполка собрал всех, кого можно было – ездových, штабных писарей, поваров и бросил их в безрассудную контратаку. Расхватав бутылки с моим эрзац-напалмом, бойцы с криком и матом бросились на танки. Поддавшись общему энтузиазму, я тоже схватил пару бутылок, свой ППД и бросился со всеми на немцев. Никогда я не испытывал такого настроения, такой ярости и презрения к смерти. Было только одно желание: добежать и убить, вцепиться зубами.

Быстро редущая толпа добежала до окопов, и немецкие танки начали вспыхивать один за другим. Многие начали бросать бутылки в немецкую пехоту, и на наших старых позициях раздался душераздирающий вой. Все заволокло черным дымом. В траншеях началась рукопашная схватка. Я бежал на левом фланге, и получилось так, что немецкий танк с фланга расстреливал атаку из курсового пулемета. Я был вне сектора его обстрела, и, не добежая метров десяти, зажег шнур и метнул бутылку. За моей бутылкой в танк полетело еще две. Повернув голову, я увидел возле себя Виктора, своего охранника из ОСНАЗа НКВД. Танк вспыхнул, как бочка с бензином. Из-за танка по нам заработал МГ-34, и несколько бойцов сразу упало, но тут же за танк полетели три бутылки. Раздался хлопок, и вспышка, и дикие крики. Подбежав к окопу, мы без жалости расстреляли горящих немцев. А чуть отдышавшись и заняв свои окопы, принялись уже спокойно, как в тире, расстреливать убегающего противника. Редкая стрельба стала нарастать, осмотревшись по сторонам, я увидел около сорока бойцов в форме НКВД. Видимо, командир увидел опасность в сложившейся ситуации и перебросил к нам резерв, роту бойцов из сводного полка Могилевского НКВД.

Немцы, понесшие серьезные потери в атаке, ограничились редким артобстрелом.

Опустившись на дно окопа, я наконец-то дал волю чувствам. Руки тряслись от переизбытка адреналина. Но незабываемое чувство победившего, выжившего в страшном бою воина, наполняло душу покоем и умиротворением. Провоевав в грязной войне, когда все воюют со всеми, я понял, что такое народная война, что такое защищать свою землю. В нашем времени все было по необходимости: взялся за оружие, чтобы защитить свою семью. Там не было государства, ради которого стоило воевать. Погрязшая в воровстве и государственном бандитизме страна с непомерными амбициями и повадками дешевой проститутки не за-служивала доброго слова. А тут я чувствовал себя частью чего-то великого, древнего. Я понимал наших стариков, прошедших через такое и видевших падение той страны, ради которой они проливали кровь.

Несмотря на фанатичное сопротивление, линия фронта неизбежно сжималась к Могилеву. 24-й механизированный корпус с частями 46-го прорвали оборону южнее Могилева, а части 47-го механизированного корпуса – севернее, и практически завершили окружение группировки 13-й стрелковой армии. Но это случилось 27 июля. Хотя в нашей истории к 25 июля уже были подавлены основные очаги сопротивления в Могилеве. Значит, все-таки не зря я тут провел столько времени. Плотность немецких войск была такова, что любая попытка преодолеть их порядки и просочиться к одной из точек выхода порталов была самоубийством.

Тридцатого июля немцы вышли к окраинам Могилева. Попытка запустить станцию подавления закончилась неудачей. Через двадцать минут работы немцы сосредоточенным огнем артиллерии разгромили целый квартал города, где мы замаскировали полуторку с радиостанцией. Хорошо, что я с ноутбуком, сканером и генератором предусмотрительно спрятался в подвал.

Женщины несколько раз включали установку и истерически просили вернуться. Но пришлось дать жесткую команду отключиться, перенести выход установки в самое первое положение

ние и раз в день ее включать. А то любой близкий взрыв – и осколок запросто залетит вовнутрь и покалечит. Я пообещал рано или поздно вернуться на то место. Возможности прорваться пока не было. Бои шли по всему городу. Поселок Луполово был занят, и эвакуироваться воздухом уже возможности не было.

Глава 17

Бои в городе не умолкали. О Ковалеве ничего не было известно, поэтому, потеряв возможность влиять на происходящие события, пришлось стать простым бойцом. В составе группы из шести снайперов, вооруженных СВТ-40 с оптическим прицелом и моей СВУ, устраивали снайперские засады, как правило, в составе пехотного подразделения, чтобы скрыть эффективность огня снайперов на общем фоне потерь, но и это давало свои плоды. Попытки атаковать без танкового прикрытия практически прекратились. Мне, как человеку двадцать первого века, развалины Могилева напоминали Сталинград. Те же разгромленные дома и улицы с островами сгоревшей техники, заваленные трупами защитников и атакующих. Мой эрзац-напалм стал пользоваться большой популярностью. Специальный отряд НКВД занимался тем, что готовил адскую смесь и разливал по бутылкам. Чистяков, еще до начала наступления получив мои рекомендации, согласился с соблюдением режима секретности. Поэтому линию соприкосновения с противником можно было точно идентифицировать по тяжелому черному дыму.

Немцы, еще не имевшие отработанной тактики ожесточенных уличных боев, несли потери. Это уже после Сталинграда появилась тактика штурмовых групп в составе двух единиц бронетехники, огнеметчика и восьми – двенадцати бойцов. Сейчас эту тактику использовали мы. Так получилось, что я остался единственным командиром в звании капитана, и мне пришлось взять на себя командование сводным отрядом, состоявшим из бойцов 747-го и 514-го стрелковых полков, отступивших в черту города.

Разбив людей на штурмовые группы, проинструктировав по тактике ведения боя командиров и распределив зоны ответственности, мы приступили к организации обороны очередного квартала. Из тыла мальчишки-пионеры с трудом принесли несколько ящичков с бутылками, заполненными нашим напалмом. Получив из штаба несколько ящичков с толловыми шашками, мы приступили к изготовлению в полевых условиях самодельных взрывных устройств. Простые портянки пропитывали солидолом и на них аккуратными рядами накладывали стреляные гильзы. Получившимися осколочными рубашками обматывали толловые шашки, изготавливая заменители оборонительных гранат. На пути возможного продвижения немецких танков установили управляемые фугасы из снарядов 152-миллиметровых гаубиц. К двум-трем бутылкам с зажигательной смесью приматывали толловую шашку, и все это заматывали самодельной осколочной рубашкой. Такой гибрид при взрыве среди живой силы противника производил неизгладимый эффект.

Каждый дом давался немцам с большими потерями. По моим подсчетам, только на моем участке мы положили около двухсот человек и четыре танка. Единственное, что немцы могли противопоставить, так это расстреливать дома из танковых пушек и гаубиц с закрытых позиций. Попытки выкатить несколько полевых орудий закончились большими потерями расчетов от огня снайперов.

Но даже самоотверженная борьба не может противостоять безжалостному, выверенному механизму. Я всегда считал, что там, где говорят о героях, молчат про ошибки. Война – это работа. Если все настроено и подготовлено, то нет места героизму. Это работа, грязная и кропотливая, но работа. И немцы умеют ее делать. А мы оплачиваем ошибки начальства своими героическими смертями.

Как и в прошлой истории, штаб 13-й армии принял решение идти на прорыв. Части, расположенные в городе и отсеченные вклинившимися частями 23-й немецкой пехотной дивизии, не были извещены. После попытки прорыва мы еще четыре дня отбивались в городе. Все свои приборы – ноутбук, радиосканер и радиопередатчик – я спрятал в подвале полуразрушенного дома, на всякий случай заминировав. С собой оставил переносную радиостанцию. Патронов

практически не было, все уже давно сражались трофейным оружием. Из отряда численностью около ста пятидесяти человек остались в строю двадцать шесть. Среди них были моих два старых знакомых еще по бою в лесу, старшина Вяткин и молодой боец Воропаев. Они давно меня узнали и всегда старались держаться рядом. Как-то вечером, после боя, молодой Воропаев в лицах рассказывал, как тогда в лесу немцам надавали. Поднимал, так сказать, авторитет.

Как-то, это было сразу по окончанию училища, и я молодым зеленым лейтенантом попал в часть, один старый-старый прапорщик сказал интересную вещь, которую я никогда не забываю и стараюсь следовать ей: «Никогда не говори солдатам, что все знаешь и умеешь, показывай делами, тогда только будут уважать и при необходимости пойдут с тобой на смерть». Сейчас, будучи в двух шагах от смерти, я понимал, насколько он оказался прав.

Я видел, как бойцы собирались вокруг подготовленного и уверенного командира, который не пошлет их на убой, а будет с ними воевать по-умному. Так сейчас и получилось. Под моим командованием оказался небольшой отряд, в котором остались только самые опытные, выжившие в многодневных боях бойцы. Это был самый лучший экзамен, и те, кто его сдал, ценились на вес золота.

Прошло четыре дня с того момента, как части 13-й армии пошли на прорыв, оставив в окруженном городе несколько тысяч человек. Без боеприпасов и медикаментов они не могли обороняться, и немцы методично подавляли очаги сопротивления.

Оставаться в городе уже не имело смысла, и я принял решение прорываться в леса. Немецкие части в Могилеве уже сменились – те, что принимали непосредственное участие в штурме, были отведены на пополнение, а мобильные моторизованные дивизии ушли на Смоленск и Кричев.

Сейчас в городе орудовали части второго эшелона. Это давало шанс. Естественно, прорываться на соединение с советскими частями я и не думал. Там как раз немцы нас и ждали, прежде всего, нарваться на засаду проще простого. Поэтому мы решили пробираться в сторону Днепра. Замаячила возможность выйти поближе к порталу, а там уже можно было что-то придумать. Тем более команда подобралась очень даже неплохая. Во всяком случае, не хуже, чем наша рейдовая группа морской пехоты, с которой я колесил по просторам Крыма. Может, подготовка и хромала, но зато дух и настрой были на высоте. Слабовольные давно сами попадались в плен и уже пахали на разминировании полей и участвовали в разборе завалов.

Тут очень помог прибор ночного видения, я его берег именно для такого случая. Аккумуляторы почти разрядились, но на пару часов работы должно было хватить. Четвертого августа группа в составе двадцати восьми человек стала пробираться на запад, к Днепру. Несколько раз приходилось пережидать патрули.

Почти перед самой окраиной мы наткнулись на стационарный пост, оборудованный с немецкой педантичностью. Два пулемета полностью перекрыли все подходы. И один пулемет был расположен в развалинах дома. Близлежащее пространство освещалось электрическими фонарями, запитанными от полевого электрогенератора. Вероятно даже, это была ремонтная часть, но в темноте принадлежность было трудно определить.

– При попытке прорыва все тут ляжем.

Эту мысль озвучил Виктор, который так и оставался возле меня во время всей обороны Могилева. Гранат почти не осталось. Патронов, в лучшем случае, по два десятка на брата. У меня в СВУ было два магазина и в ПП-2000 один полный магазин. Нашуметь хорошо – получится, а вот прорваться – вряд ли. Бойцы ждали моего решения.

– Значит так. Работаем их по-тихому. Тут не более двадцати человек. Подкрепления могут подойти по двум улицам. Поэтому, Вяткин!

– Я.

– Берешь Воропаева, делаешь две растяжки по правой улице, с дистанцией пять метров. Занимаете оборону, прикрываете отход.

– Есть.

– Супонин.

– Я.

– То же самое по левому проходу. Если начнется стрельба, скорее всего, оттуда ползут.

Так что сделай качественно.

– Понял, сделаем, товарищ капитан.

Что такое растяжки, я их уже давно научил. И такими простыми премудростями бойцы пользовались с удовольствием.

– Витя, – обратился я к своему охраннику из ОСНАЗа, – берешь восьмерых, мажете сажей лица и клинки штыков, подбираетесь максимально близко. Постарайтесь по-тихому их сработать. – Дождавшись кивка, я переключился на командира нештатного отряда снайперов, сержанта Малого: – Семен, берешь своих, и держите на прицеле все три пулеметные точки. Если начинают работать, убираете пулеметчиков. При прохождении блокпоста прикрываете отход групп Воропаева и Супонина. А я попробую по развалинам добраться до верхнего пулемета и в случае чего из пулемета работаю по проходам, прикрывая ваш отход. Если получится, мигну три раза фонариком, чтоб меня ненароком не грохнули. Если пойдем врассыпную, встречаемся возле Днепра, недалеко от деревни Вильницы. Все понятно? Работаем, готовность десять минут.

Через десять минут отряд распался. В развалинах остались четыре человека, которые должны были нести раненых.

У меня была самая трудная задача. Одевшись в «лохматку», как называли бойцы мой камуфляж «Кикимора», и нацепив прибор ночного видения, я стал пробираться к верхнему пулемету, который контролировал дальние подступы к посту.

Осторожно ступая по развалинам, я медленно и осторожно подбирался к развалинам двухэтажного дома. Немец сорок первого года, конечно, непуганый, но своими обязанностями никогда не пренебрегал. Поэтому надеяться, что застану в развалинах парочку спящих фрицев, глупо.

Так и есть. Свив себе гнездышко, пара немцев там дежурила. Правда, один из них отсыпался, зато второй бдительно посматривал по сторонам.

Зайдя немного правее, я получил две мишени, которые прекрасно просматривались через пролом в стене. Отсчитав положенное время, достаточное бойцам, чтобы выйти на дистанцию броска, сделал два одиночных выстрела. Бодравший немец, получив пулю в основание черепа, булькнул, уткнулся головой в самодельный бруствер и завалился на бок. Второй просто дернулся во сне и затих.

Выскочив через пролом к пулемету, я три раза моргнул фонариком и стал оглядываться по сторонам. Мои бойцы практически подобрались к блокпосту. Оценив положение и взяв на прицел дальнего пулеметчика, я стал ждать. Но как всегда действительность преподнесла сюрприз. Сзади раздались тяжелые шаги, и кто-то стукнулся и стал ругаться на немецком. Обернувшись в сторону пролома, я увидел немца, удивленно смотревшего на меня. Тот даже не успел сдернуть с плеча винтовку, как я всадил ему в грудь короткую очередь. Но он успел крикнуть.

Но это уже не могло изменить ситуацию. Перегнувшись через окно, я двумя очередями положил ближнего пулеметчика и часового, оказавшегося рядом. Но звук стрельбы, даже с использованием тактического глушителя, все равно показался громом и всполошил неспящих немцев. Оставшийся в живых пулеметчик закричал – и тут же захрипел, получив в горло импровизированным копьём из привязанного к жердине штыка. Пока фрицы просыпались и хватались за оружие, в полуразрушенный дом, выбранный для ночлега, врывались бойцы, уничтожая противника штыками и саперными лопатками. Раздалось несколько выстрелов, долгий вопль – и все затихло. Но тревога была поднята, и несколько патрулей приняли звук выстре-

лов как сигнал к действию. Со стороны правого прохода раздалось два взрыва – сработали растяжки. Послышались несколько одиноких выстрелов – наш заслон вступил в бой.

Время катастрофически уходило. Со стороны левого прохода тоже раздалось выстрелы и загрохотал пулемет. Ситуация начала выходить из-под контроля. Из караулки вытащили двух раненых бойцов. С таким грузом трудно будет уходить. Наплевав на маскировку, я закричал из окна:

– Витя, берите раненых и уходите. Малый!

– Я, товарищ капитан.

– Забирайте пулеметы и запасные ленты. Отойдите метров на сто вперед и займите оборону, отсеците преследователей. Отходите вместе с группами Вяткина и Супонина.

– А вы?

– А я тут немного из пулемета постреляю, уж слишком позиция хорошая. Все бегом, пока они тут, как тля, не налетели. Не бойся, если что, свалить отсюда не проблема.

Бойцы опытные, поэтому пререкаться не стали. Впереди бежали несколько человек и тащили на себе раненых. Стрельба разгоралась, но больше напоминала истерическую. Так обычно постреливают, когда боятся и забились по норам – лишь бы пальнуть: не попаду, так напугаю. Мимо протопал Супонин с напарником, а чуть позже им вдогонку похромали Вяткин и поддерживающий его Воропаев.

А вот это пошли не технари, а нормально подготовленные немцы. Те перемещались короткими перебежками и постреливали в нашу сторону. Бабахнула еще пара растяжек. Веселье только начиналось. Примерившись к пулемету, я начал выцеливать братьев по разуму в немецких мундирах. Пулемет задержался в руках.

Лупя короткими очередями по фигуркам, мелькавшим в развалинах домов, плохо различимым в предрассветном полумраке, я испытывал удовлетворение, видя, как некоторые, не успев добежать до укрытия, падают и больше не поднимаются.

Но и мне становилось «весело». Пулеметный расчет без пехотного прикрытия тоже недолговечен, поэтому, получив в лицо порцию крошки, высеченной из камня пулей, я решил, что заигрался в героя-пулеметчика. Немцы – толковые ученики, пристрелялись. Сейчас подойдут поближе и закидают гранатами. Стащив пулемет и закинув на плечо запасную ленту, я махнул рукой на запасной ствол для пулемета и побежал вниз. Но, добежав до пролома, услышал характерный деревянный стук, который издает немецкая граната-колотушка на длинной деревянной ручке.

– О-ё! – И сиганул в пролом, хорошо так растянувшись на камнях.

Хлопнувший сзади взрыв, чуть ударил по ушам, но ничего серьезного.

В грохот выстрелов на улице вклинилось несколько новых звуков. Заработали два пулемета. И частота выстрелов сразу изменилась. Немцы как-то сразу притихли, два пулемета – неплохой аргумент побросать оружие, залезть подальше и притвориться деревцем.

Это дало мне время вылезти из здания и побежать к спасительному лесу.

Сзади раздалось несколько хлопков, визг, и впереди вспыхнули разрывы. Минометы. Быстро они развернулись. До леса оставалось метров сто, когда меня ударило в спину и кинуло на землю. Рядом упал пулемет, и острая боль пронзила тело.

Я лежал и от боли не мог вздохнуть. «Главное, чтоб позвоночник был цел, главное, чтоб позвоночник был цел», – повторял я про себя и, прежде чем потерял сознание, услышал рядом немецкую речь и длинную пулеметную очередь «на расплав ствола». Меня схватили за руку, дернули – и наступила темнота.

Глава 18

Было больно, очень больно. Болело все тело, и я чувствовал, как болят ноги и руки и как трудно дышать. Пришло понимание, что позвоночник цел – и это меня успокоило. С трудом я открыл глаза, было светло. Попробовал поднять голову, но сразу стало так хреново, что лучше б в себя не приходил. Контузия, что же еще. Да уж. Припечатало основательно. Попробовал повернуться на бок, и меня вырвало. Открыл глаза. Рядом сидели и лежали мои бойцы – не больше десятка. Рядом крутился Воропаев.

– Воропаев, – через силу выдавил я. Вместо голоса раздался хрип, и стало так больно в ребрах... Да, похоже, сломаны ребра. Ой, как больно.

Но тот услышал.

– Товарищ капитан очнулся.

И наклонился ко мне.

– Что вы говорите?

– Сколько... сколько вырвалось?

– Восемь нас. Трое ранено.

– А где остальные?

– Как немцы стали из минометов бить, отступили в лес. А вас ранило. Товарищ лейтенант побежал вас выручать, и мы с ним. Вот восемь человек и ушло. Где остальные, пока не знаю.

На дальнейшее общение сил не хватило. Опять накатила темнота, притупив боль и муки совести.

Когда я снова пришел в себя, было темно. Рядом сидел Виктор с перевязанной грязным бинтом грудью. Он был очень бледным. Увидев, что я открыл глаза, он слабо улыбнулся.

– Привет, капитан. Вот видишь, мы прорвались. Я не верил. Но тебе везет.

Он замолчал, видимо, собираясь с силами. Потом тихо прошептал:

– Скажи, Сергей, кто ты? Мне недолго осталось, до наших живым не дойду.

– Витя, что ты хочешь услышать?

– Ты слишком много знаешь. Скажи, мы победим?

– Да. Если бы я не вмешался, то в сорок пятом году. Теперь, надеюсь, пораньше.

Он хрипло закашлялся, и через кашель я услышал смех.

– Ты из будущего. Киселев так и думал.

– Тебе легче стало?

– Немного. Жаль, не доживу до победы, но все равно хорошо, что с потомком встретился.

Кем ты там был? Чем занимался?

– Разведка морской пехоты. Тем же самым и занимался. Воевал, уничтожал, взрывал.

Виктор вновь замолчал и потом выдал фразу, за которую мне стало очень стыдно:

– Если вы такие, значит, мы не зря умираем, значит, есть смысл и есть ради чего жить.

Парень умирал у меня на глазах, и мне было стыдно за нас, за наш мир, за то, что мы загадили память о таких вот ребятах, которые шли на смерть, как на работу. За то, что мы пропили, прогуляли, промотали все, что они добывали кровавым потом.

Сейчас, находясь в этом лесу, я испытывал бессилие от своей слабости. Рядом умирал человек, который мне прикрывал спину и вытаскивал из-под огня, с которым мы сроднились. Я, мнивший себя вершителем судеб, был бессилен помочь этому хорошему человеку и не мог помочь тому же Вяткину или Воропаеву, которые возились невдалеке, возле небольшого бездымного костерка. Я не мог помочь Супонину, Малому и остальным бойцам. Они все были практически обречены. Сколько их было таких безвестных, выполнивших свой долг до последнего. Мне открылась истина – что они как раз и есть совесть нашего народа, костяк, на котором все держится.

Ведь они и у нас были, такие люди. Я ведь знал и видел, я с ними воевал рядом. Сколько таких вот Вяткиных, Супониных спивались, бросали все и, переступив через себя, выходили на рынок торговать, потому что дома были дети и их нужно было кормить. Что же с нами стало? Мы доигрались в мнимую, навязанную нам вседозволенность и потеряли свой мир.

Витя – так и не узнал его фамилию, все равно не скажет – закрыл глаза и заснул или потерял сознание.

На меня наскочил неугомонный и взбудораженный Воропаев.

– Товарищ капитан! Тут прибор ваш дергается и дребезжит. Аж страшно поначалу.

И протягивает мне мою радиостанцию, которая только вчера вечером, когда мы приблизились к лесу, была включена. На ней был активирован канал цифрового зашифрованного вызова. И вот станция получила код активации и стала вызывать.

Включив декодер, я ответил на вызов.

– База вызывает Феникса. База вызывает Феникса.

Нажав кнопку, ответил:

– База, Феникс на связи.

Радостный визг в эфире известил о том, что мне рады и что нас ждут.

– Сереженька, как ты там?

– Так, зацепило немного. База, у нас много раненых, есть и тяжелые, нужна немедленная помощь.

Тон из радостного сразу стал деловым и озабоченным.

– Где вы находитесь?

– Пока не знаю, попробуйте нас запеленговать.

– Сережа, включи маяк, попытаюсь вас засечь.

Прошло десять томительных минут.

– База вызывает Феникса. Вы на расстоянии восьми километров от портала.

– Хорошо, дорогая, сейчас организую марш-бросок. Готовь Марину и операционную, у нас несколько тяжелых. Еще нужны еда и боеприпасы для нашего оружия.

Закончив сеанс связи, я подозвал Вяткина.

– Фрол Степанович. Нужно поднять всех и пройти восемь километров на юг. Там будет медицинская помощь, продукты и боеприпасы. Подготовь носилки для тяжелораненых.

Это звучало невероятно, но люди привыкли мне верить и по многим недоговоркам считали меня очень необычным человеком, подтверждением тому были мои «озарения» и необычные словечки.

Минут через сорок мы двинулись, медленно и с трудом, но целенаправленно. У людей появилась цель.

Нам понадобилось три часа, чтобы пройти эти восемь километров. Меня тоже несли, идти я пока не мог.

По ходу дела стал узнавать места. Прошел месяц, а сколько всего произошло.

Вскоре в радиопередатчике раздался вызов:

– Феникс, это База. Вижу группу вооруженных людей в советской форме.

– База, это Феникс. Это мы. Можете выходить.

Вызвав Вяткина, я объяснил ему, что скоро мы встретим своих людей и не стоит нервничать.

Это было зрелище, ради этого можно было и побегать по полям войны. Из-за кустов выскочили две женщины, облаченные в бронежилеты, с автоматами наперевес.

– Сереженька.

Светка стала бегать от солдата к солдату, вглядываясь в лица, стараясь узнать меня. Вскоре она наткнулась на меня и стала обнимать и плакать.

– Оу-у-у-у, – завыл я. – Осторожно, ребра.

Подбежала Маринка, но я погнал ее к Витьке.

Усталые бойцы аккуратно положили носилки и обалдело стали рассматривать носящихся вокруг них женщин в бронежилетах и касках.

– Надо ему сначала помочь. Давай по тяжелым, а потом и до меня дело дойдет.

Марина кивнула в знак согласия и занялась тяжелыми. Знает, что больше всего народа умирает не от ран, а от потери крови и несвоевременно оказанной помощи.

Склонившись над Виктором, она недолго с ним занималась. Лицо у нее закаменело, и она пересела к другому бойцу. Последним оказался я. Светлана все это время бдительно смотрела по сторонам. Двух бойцов с трофейными пулеметами она отрядила на фланги. Тут сказывалось ее военное образование и опыт командования личным составом.

Когда Марина стала заниматься мной, я ее осторожно спросил про Виктора и по глазам понял, что все плохо.

– Марина, сделай что-нибудь. Он мне жизнь спас. Пожалуйста.

– Сережа, ты воевал, знаешь, что это такое. Нужна операция. А я всего лишь педиатр, и опыта таких операций нет.

– Но ты же ребят в Севастополе лечила. Попробуй. Это очень важно.

– Я попробую, Сережа. Попробую. Как мне надоела эта война. Его надо к нам в бункер, в процедурную.

– Хорошо, сейчас организуем. А что с другим?

– Тяжело, но излечимо. Запущенное ранение, начало гангрены, но я помню, как антибиотики поначалу на людей действовали. Так что я не волнуюсь. А вот у лейтенанта проникающее ранение грудной клетки. Как он до сих пор жив, не понимаю.

– Ты иди в бункер и готовься, сейчас объясню людям все – и все будем в бункере.

– Сережа, ты уверен?

– Марина, я не могу бросить их тут. Тут остались лучшие, кто не испугался. Тем более нашему затворничеству все равно должен прийти конец, и лучше это делать с верными людьми, нежели надеяться на честность руководства СССР.

– Воропаев.

Тот только и ждал команды.

– Я, товарищ капитан.

– Вызови Вяткина и готовь народ к движению. Времени мало.

– Есть, сейчас сделаю.

– Фрол Степанович, – обратился я к Вяткину, – тут рядом есть укрытие, где нас никто не достанет. Ничему не удивляйтесь, потом все объясню. Виктору срочно нужно делать операцию. Так что собирай всех, и движемся к входу в бункер.

– Понятно. Сейчас сделаем.

Чуть помедлив, он спросил:

– Это ваша жена, товарищ капитан? – И кивнул в сторону Светланы, которая инструктировала Супонина по порядку передвижения. Дождавшись ответного кивка, он продолжил: – Серьезная женщина. Умеет командовать.

– Так она звание капитана имеет, военное училище закончила и бойцами командовала. Так что трудновато иногда в семейной жизни приходится.

– Вы-то как, товарищ капитан?

– Да отлежаться пару деньков – и все. Пришли ко мне Малого с Мироновым.

Через три минуты подошли оба наших снайпера.

– Семен, женщины принесли боеприпасы и еду. Вы из нас сейчас самые подвижные, поэтому от вас потребуется стонять к Днепру и попробовать поискать остатки нашего отряда. Нельзя своих бросать. Послать больше некого, а ты охотник, лес лучше всех здесь чувствуешь.

И главное, ни в коем случае не попади в плен живым. Ни ты, ни Миронов. Если узнают про нас и, хуже того, захватят, то стране будет нанесен очень большой вред, почему, я потом объясню.

Малой ухмыльнулся.

– Да понятно, товарищ капитан, давно было видно, что вы не из простых. Ни вы, ни товарищ лейтенант. Да ваше устройство, что немцам по радио общаться мешает, мы видели.

– Хорошо, что понимаешь. Если здесь никого не найдете, забазируетесь и ждите меня или кого-то из нашего отряда. Да, и возьми мой камуфляж, он тебе нужнее будет.

С кряхтением удалось стянуть с себя масккостюм «Кикимору». Получив боеприпасы и продукты, снайперы растворились в лесу.

Минут через двадцать мы подошли к порталу. После некоторых пояснений бойцы аккуратно поднялись по спущенной стремянке и попали в бункер. Я не исключал возможности, что кто-то из моих бойцов специально приставлен ко мне. Кто-то, кроме Виктора. Но если честно, то я устал, набегался. Надо было немного отдохнуть, но при этом оставались еще бойцы, которые должны ждать возле Днепра в районе сбора.

По моим планам, гостям пребывать в бункере не более двух-трех суток. За исключением тяжело раненных.

Я принял горизонтальное положение и позволил наконец-то супруге заняться своим здоровьем. Дети, испугавшись новых людей в бункере, осторожно подглядывали из жилых боксов.

При помощи Вяткина и Супонина Марина отнесла Виктора в процедурную и стала готовиться к трудной операции. Ее волнение понятно, хирург считается специалистом высшей квалификации среди врачей. И такого достигают годами, а тут сложнейшая операция. Но это все, что я могу сделать для Виктора.

Накормив всех и заставив большинство, кроме тех, кто помогал Марине в операции, отсыпаться, я решил провести серьезный разговор после отдыха.

На этот день больше всего проблем выпало Марине, операция была действительно трудной, и о результате говорить еще было очень рано.

Когда все наконец-то отоспались и привели себя в порядок, собрались на ужин в кают-компанию. Я, взяв с собой Воропаева, пошел к установке. Тот ненадолго сбежал на ту сторону, узнать появились ли наши разведчики. Но их, к сожалению, пока не было.

Подавленные новыми впечатлениями люди ждали объяснения. Но никто не торопил. Уважают, значит, командира.

И вот три человека сидят возле меня. Практически всех я знал не один день, вместе воевали. Это те, кто остался. Остальные рассеяны по лесу.

– У вас, наверно, накопились вопросы, сейчас я готов ответить и пояснить. Но запомните, то, что я сейчас скажу, навсегда изменит вашу жизнь. Даже за то, что вы были рядом со мной, вам может угрожать опасность. Вас будут преследовать всю жизнь, может быть, и свои, и чужие. Не надо так на меня смотреть, Супонин, я не предатель, наоборот, судьба нашей Родины для меня важна не меньше, чем и для вас. Сейчас есть возможность уйти. Потом вы поймете, что уйти уже не сможете, не потому, что вас будут удерживать насильно. Совесть, вот кто вас будет держать. Совесть и долг.

Пауза затягивалась. Люди обдумывали мои слова, и у каждого было написано разное на лице. Воропаев восторженно и как-то одухотворенно ждал продолжения. Мне его жаль, парня ждет большое разочарование, может, только принадлежность к такой тайне компенсирует ему все неудобства. Вяткин, потирая раненую ногу, спокойно ждал продолжения. По-моему, он уже давно что-то подозревал, но как настоящий военный не лез не в свои дела. Супонин. Вот где был крепкий орешек. Я не удивлюсь, если он был из кулаков, есть в нем что-то такое, мужицкое, хозяйственное. Но при этом как боец он был страшным и безжалостным. Когда я ему что-то поручал, то был уверен, что все будет, как положено.

Вяткин, как старший по званию после меня, наконец-то подал голос.

– Говорите, товарищ командир. Куда деться, мы и так уже с вами. Я тут подумал, что вы так давно могли уйти, но оставались и воевали как все. Так что я с вами.

– Хорошо. Все вы видели необычные устройства, оружие, – выждав необходимую паузу, продолжил я и обратился к Супонину: – Скажи, Илья Федорович, тебе понравилась моя винтовка?

– Да, неплохая, в лесу не совсем пойдет, но против немцев в самый раз.

– Так вот, эта винтовка разработана в тысяча девятьсот девяносто третьем году для спецназа, то есть войск специального назначения. Автомат ПП-2000 разработан в две тысячи четвертом году тоже для войск специального назначения, то же касается и радиостанции, которую даже в том времени никто подслушать не мог, и радиосканера, и кучи всего остального. Все это вещи из будущего.

Супонин, криво усмехнувшись, подал голос:

– Вы хотите сказать, что научились таскать вещи из будущего?

– Нет, я сам из будущего, ваш потомок.

Народ как-то спокойно к этому отнесся. Видимо, недавние события обороны Могилева вызвали некоторый ступор. Тут Воропаев задал вопрос, который всех интересовал:

– Мы победим?

Глубоко вздохнув, я с некоторой усталостью ответил:

– Конечно, победим. В нашей истории мы взяли Берлин в мае сорок пятого года. Даже праздник такой появился девятого мая, День Победы. Только вот цена...

Супонин опять криво усмехнулся и продолжил:

– Кровашки, наверно, русской пролили. Не можем по-другому.

– Да, так оно и есть. Как ни прискорбно, Супонин прав. Потери в этой войне огромные. Вы сами видели. Немцы будут, как бараны, ломиться до Москвы, где им окончательно дадут по рогам и погонят обратно. Только вот пока наши научатся воевать, столько ошибок понаделают, а за все будет уплачено солдатскими жизнями, да и не только солдатскими. Что немцы будут творить на оккупированных землях... Сколько народа замучают...

Самое интересное, что не последовало никаких диких криков в стиле «Вы провокатор, так не может быть. Пролетарии всех стран соединяйтесь!». Тут подобались люди, взглянувшие в глаза смерти и уже воспринимающие мир по-другому. Когда-то и я такое прошел, только на другой войне.

Наконец-то подал голос Вяткин. Он после меня пользовался авторитетом, и его слово немало стоило.

– Товарищ командир, скажите, кто вы? Если из будущего, то хотите нам немцев помочь бить?

– Я офицер. Капитан разведки морской пехоты. Воевал. А здесь... Да скорее себе помочь, своей семье, семье погибшего друга. А потом понял, что где бы ни была Россия, здесь или в нашем времени, я должен ее защищать и для того я ношу свои погоны.

Увидев странную реакцию, я пояснил:

– Погоны введут в армии в сорок третьем году и звание офицера тоже.

– А там с кем воевали?

– Да разве ж они переводились – те, кто до нашей земли охоту имел. Что немцы, что турки, что французы. Беда в том, что довоевались. Вы же изучали химическое оружие, понимаете, какая гадость. А вот представьте, что придумали оружие в сотни тысяч раз страшнее и смертоноснее и наделали его столько, что можно наш мир уничтожить несколько раз. Вот и уничтожили, гады. Вы сейчас находитесь в бункере. В две тысячи двенадцатом году. Снаружи мертвый мир, хотите – покажу. Страшное зрелище. Я не знаю, остался ли кто-то, кроме нас. А то устройство, через которое вы прошли, что-то вроде машины времени. Поэтому и говорил, что это место, где никто не достанет.

– Да, дела. Что дальше будет? Ни мы, ни вы здесь сидеть долго не будем. Надо возвращаться. И чего вы хотите добиться?

– А пытаюсь как-то все изменить, исправить. Может быть, если предупредить, так, чтоб поверили, удастся избежать такого вот конца. Что восприняли всерьез, это да. Вон Виктора из самой Москвы прислали. То, что должна начаться война, не успел сообщить, да и не поверили бы, сами помните, как перед войной кричали, что ничего не будет. В нашем времени Могилев пал уже двадцать пятого июля, а как долго сражались? Вот уже, значит, помог. И еще буду.

– А как же то, что народ по лагерям гноят и в Сибирь выселяют? – подал голос Супонин. – Этому ты тоже помогать хочешь?

– Нет, как раз наоборот. Я этого не одобряю. Просто с позиции нашего времени все выглядит намного страшнее, и нас так напугали товарищем Сталиным в свое время, что американцы, немцы и разные гады стали лучшими друзьями. И что по их советам со страной сделали, вам лучше не знать. Это страшно. И результат, что огромная страна стала самой нищей. Вот скажи, Илья Федорович, тебе бы понравилось, что старики умирали на свои нищенские пенсии, что дети спивались в возрасте четырнадцати лет и становились наркоманами, что мужеложцы и клоуны были героями, а страной руководили бандиты и предатели. Я этого насмотрелся. Не хочу больше рассказывать, а то вас потом сталинские соколы упекут подальше, чтоб языком зря не трепали. Давайте думать, что дальше делать. Здесь мы долго не усидим – и воздуха мало, и продуктов. Поэтому возвращаться придется по любому и долг перед народом придется выполнить. Под пулеметы толпами я не предложу вам идти. По-умному надо будет воевать. Чтобы немцы умылись кровью. Я вам расскажу, что они с нашими людьми делать будут. Думаю, после этого вы пленных вообще брать прекратите.

И в течение получаса рассказывал про концлагеря, про то, как людей будут угонять на работы в Германию. Про отряды карателей и Хатынь. Народ проняло очень основательно. Распределив обязанности, я поплелся отдыхать, а то что-то разговор забрал много сил.

Глава 19

Виктор не приходил в сознание, и его состояние было крайне тяжелым. Второй тяжело раненный боец уже пришел в себя и показывал великолепную динамику выздоровления. Сказывалось применение антибиотиков. В свое время интересно было читать, как антибиотики при первом использовании творили чудеса.

Бойцы потихоньку осваивали бункер. Я им ради интереса показал картинку с камер видеонаблюдения. Картина, мягко сказать, удручающая. Но самое интересное, просматривая систему мониторинга радиодиапазона, я зафиксировал несколько источников радиоизлучения. Значит, кто-то, кроме нас, еще остался жив в этом мире. Пара передатчиков работала в цифровом шифре, несколько портативок, но на пределе слышимости, так что послушать не удалось. Это начало настораживать. Со стороны других выживших мы могли бы стать интересным объектом. И горючка есть, и продукты. Поэтому следовало бы предпринять дополнительные меры предосторожности.

Перемещаться по бункеру было тяжело, сильно болели ребра, и жесткая фиксирующая повязка очень сковывала движения. Но большое спасибо бронежилету, который принял на себя удар и задержал несколько мелких осколков.

Я проверил состояние дизель-генераторов, аккумуляторов, оранжереи, где под лампами произрастали наши поглотители углекислого газа и источники витаминов и живой растительной пищи. Меня здесь почти месяц не было, и свои обязанности я выполнял через боль, но с большим удовольствием. Воропаев увязался мне помогать, а потом Супонин присоединился, оглядывая взглядом хозяина, как тут у нас все устроено. Его заинтересовала система отопления, как у нас хранятся продукты. Особенно ему понравились экономичные морозильники.

Удалось заинтересовать Вяткина лежащим на складе автоматическим гранатометом АГС-17 «Пламя». Решил, что при столкновении с немцами такой вот неоспоримый аргумент пригодится.

Ближе к вечеру опять включили установку и отправили Воропаева и Супонина провести наших снайперов, снабдив их радиостанцией и двумя автоматами ППД, захваченными в свое время у немецких диверсантов. Минут через двадцать бойцы вышли на связь и доложили, что нашли разведчиков и что те не одни. Рядом сидел Вяткин и внимательно слушал. Теперь за мной принятие решения. В мои планы не входило посвящение всего отряда в тайну перемещений во времени. Поэтому, дав команду оставаться там, я стал выяснять состояние и количество собранных бойцов. Когда оказалось, что, помимо остатков нашего отряда, они по дороге нахватили бойцов других разгромленных частей и соединений, подтвердил свое распоряжение про соблюдение режима секретности относительно наличия бункера.

Среди присоединившихся было несколько особо упорных, идущих из-под самого Белостока, которые практически на руках тащили сорокопятку с двумя снарядами.

Наличие агентов Абвера в такой среде не исключается, поэтому светить наличие бункера в таких условиях было бы огромной ошибкой.

Я переоделся в форму сотрудника НКВД, которая давно, ушитая, со знаками различия капитана, ждала меня. С трудом перешел портал, захватив с собой автомат и нацепив на портупею кобуру с ТТ. Теперь мне придется выступить в роли сотрудника органов госбезопасности, злобного и подозрительного. Самое интересное, что у меня были реальные полномочия и самые настоящие документы, а на груди самый настоящий орден Красной Звезды. Для усиления мы взяли с собой пару трофейных пулеметов, которые бойцы самоотверженно вытянули с собой.

Супонин и Воропаев, предупрежденные по радио о моем приближении, встретили меня недалеко от импровизированного лагеря. Отведя их в сторону, я дал команду, что про бункер

ни слова и, если уж очень будет нужно, отвечайте, что здесь был временный склад НКВД. Тут же были оба снайпера. Увидев меня в новой форме, немного другого ведомства, нежели они привыкли, бойцы вытаращили глаза и встали по стойке «смирно».

Я спешил провести первичный инструктаж.

– Значит так, я даю гарантию, что среди них есть немецкие агенты. Они сейчас шатаются по таким вот группам окруженцев, внедряются и вместе с ними попадают в расположение наших частей или находят временные штабы и выдают основным немецким силам, наводят на засады. Легенды, как правило, не очень тщательные и при серьезной проверке разваливаются. Поэтому они внедряются на один-два дня. Так что делаем так: Воропаев, Супонин, размещаетесь так, чтоб держать под прицелом всю группу. Малой и Миронов на дальних подступах, маскируетесь. Если кто-то будет дергаться и схватится за оружие, валить без разговора, лучше ошибиться, нежели притащить за собой немца. Вяткин, изобразишь из себя фельдшера. На тебе осмотр на вши, болезни, но обращай внимание на чистоту тела. Реальные бойцы грязнущие, идут долго и много, немец должен быть более чистым и пахнуть по-другому. Мысль понятна? Смотри на нижнее белье, может, вместо нашего исподнего, напялят на себя свои кальсоны. В первую очередь проверяй наших. Как проверим, сразу их вооружай и размещай так, чтоб остальных контролировали. Если кто-то вызывает сомнения, я скажу, что он, несомненно, честный человек, его нужно будет отделить от остальных, дать по макушке и связать. Потом будем допрашивать. – Дождавшись кивка, я продолжил: – Малой, потом остороженько вернешься по пути следования и поищешь всякие метки и записки. Вдруг кто-то после себя оставлял закладки. Понятно? – Очередной кивок. – Все, теперь действуем.

Остальные солдаты стали подниматься при виде командира. Мои, которым удалось вырваться, были несколько обескуражены новой формой, но я им дружелюбно кивнул, дав понять, что все остается как прежде. Подошедший за мной Вяткин стал поднимать и строить народ. Раненых не трогал. После чего дал команду рассчитаться. Я стоял и молча наблюдал за этим. Простая ситуация, психологически выверенная – толпа сразу превращается в организованную группу.

Закончив расчет, Вяткин повернулся ко мне и отрапортовал:

– Товарищ капитан, сводный отряд бойцов Красной Армии в количестве пятидесяти восьми человек построен.

– Вольно.

– Вольно, – продублировал команду Вяткин и встал слева и чуть сзади от меня – все по уставу.

Все было выполнено подчеркнуто качественно и согласно уставу, чтобы показать серьезность момента. Старшина работал на мой авторитет.

Я смотрел на уставших, замотанных людей. У моих бойцов на лицах были написаны надежда и уверенность в будущем. У остальных только обреченность. Наверно, думали, что их сейчас начнут унижать и гнать на убой. Люди от НКВД не ожидали ничего хорошего. Их тоже можно понять – пройти через ад поражения, вырваться живым и нарваться на органы в тылу у немцев. Веселая ситуация. А вот что мне с ними делать? Максимум, на что я рассчитывал, так это на заботу о своей семье и семье Витьки Кузьмина. А тут практически рота, с ранеными и, возможно, с немецкими агентами. Почему-то я в этом не сомневался. Тут уже включилась интуиция бывшего сотрудника службы безопасности банка. По моему мнению, в некоторых банках СБ была не хуже, а даже лучше государственных органов госбезопасности нашего времени. При правильном финансировании достигались порой поразительные результаты. Опыт оперативной работы был, особенно когда приходилось проверять спорные кредиты или принимать на работу чьих-то племянниц.

Да, что-то задумался. Надо сказать приличествующее моменту высокопарное слово.

– Здорово, бойцы!

Строй невпопад что-то рывкнул в ответ. В общем, почти послали, вот только куда – не понятно.

– Я вижу, что вам пришлось много пережить. Сейчас вами владеют страх, безразличие и апатия. Я не виню вас. Может даже это наша недоработка, что недостаточно научили вас, подготовили. Но это не отменяет вашей обязанности уничтожать врага, который нагло и безнаказанно разгуливает по нашей земле. Я знаю, что вы думаете, смотря на сотрудника НКВД, и не ожидаете ничего хорошего. Поясню для всех. Среди вас есть люди, которые со мной плечом к плечу месяц воевали в Могилеве, и никто из них не скажет, что я делал карьеру на солдатской крови, что я прятался за их спины и посылал на убой, как скот. Я не обещаю вам спокойной жизни и уверен, что немногие из вас доживут до победы. Но я уверен, как уверены мои бойцы, что победа будет за нами. Кто считает иначе, кто не готов к трудностям и идет по пути наименьшего сопротивления, пусть шагает дальше. Со мной должны остаться только те, кто верит и готов воевать. Но воевать по-умному. Запомните простую истину: «Вы не должны умереть за свою Родину, вы должны воевать так, чтоб урод, который пришел оттуда, умер за свою родину». Сейчас по очереди подходите ко мне и рассказываете, кто, где, откуда. А наш санинструктор проведет осмотр на предмет болезней, ран и всякой другой окопной гадости. Все, разойдись.

Народ понял серьезность ситуации, сразу увидев, как пара бойцов заняла позиции так, чтобы всех держать под прицелом. В общем, недоверие НКВД в действии.

Сначала пошли наши бойцы. Два сержанта, с которыми мы побегали по Могилеву. Пообщавшись с ними для приличия, но внимательно выслушав, я отослал их к Супонину для понимания момента.

Но интересную информацию они сообщили. Были два человека, вроде как не связанных друг с другом, один, по его словам, отступает от самого Бобруйска, второй из двадцатого мехкорпуса, причем оба интересовались капитаном Зиминим. По моему приказу они указали на двух особо интересующихся окруженцев, и я взял их на заметку.

Теперь нас стало больше, и можно позволить себе выставить полное боевое охранение. Разобрав трофейные пулеметы, оба сержанта, взяв с собой вторые номера, разошлись на указанные позиции.

Окруженцы заволновались от такой прыти. То, что происходит что-то непонятное, поняли все. А вот я внимательно смотрел за реакцией. Как показывает практика, люди, которых ищут, стараются всегда казаться спокойными, показывая этим, что их совесть чиста. И вот одна парочка меня заинтересовала, именно те, на кого указали мои сержанты. Они находились в разных местах, но иногда переглядывались. Закончив с одним из моих последних бойцов, я полупшепотом, не меняя выражения лица, велел ему обратить внимание на этих двух типчиков.

Что-то мне всегда везет на таких вот личностей. Вяткин тоже просек ситуацию и поинтересовался, что будем делать.

– Берем по одному, допрашиваем в жесткой форме, чего они тут делают. Но это так, простак, может, есть кто посерьезней, хотя я сомневаюсь. Не такие уж мы важные.

Одного вытянули на разговор минут через десять. Как я и предполагал, от него немного пахло мылом. Похоже, Абвер еще не набрал обороты и профессионализма и работает на количество, нежели на качество. Правда, парнишка честно и преданно смотрел в глаза и врал беззастенчиво. Правильно. Легенда отскакивала от зубов. Хм. Неплохо натаскали, видно, довоенная подготовка, потом, из предателей, похуже будут.

Подозвал Супонина и приказал взять этого субъекта в боевое охранение, так как он, несомненно, честный человек. Тот тоже все понял и, приобняв его, повел с собой в лес. Больше я его несвязанным и с целой головой не видел.

Проходили остальные, я выслушивал много трагических историй, кто-то самозабвенно врал, кто-то обреченно говорил правду. Пока подходящей кандидатуры на роль матерого раз-

ведчика не было. А тот, второй, попав на разбор, тоже получил титул очень честного человека и ушел в лес, на дежурство. Та же история.

Потом, оставив Вяткина командовать и организовывать из этой толпы подразделение со структурой, я пошел в лес пообщаться с нашими разведчиками.

Их развели в разные стороны и уже усиленно попинали. Супонин очень отличился на этом поприще. Но тут его понять можно. Сын раскулаченного, до мозга костей сельский хозяйственник, узнав, что немцы будут вытворять с нашими людьми, как их будут уничтожать целыми селами, стал просто спокойным, хладнокровным карателем, не убийцей, а именно карателем. Я его понимал. Он сначала не верил, но я ему показал материалы, собранные на эту тему. Поэтому моя задача была направить его ненависть в нужное русло, что я с успехом и сделал.

К дереву был привязан молодой парень, первый из шпионов. Он уже имел не такой уверенный вид. Разбитая голова и заткнутый рот. Ой, как его хорошо приложили.

– Ну, здравствуй, боец невидимого фронта, специалист плаща и кинжала.

Он что-то замычал, пытаясь сказать. Я кивнул Супонину, тот вынул изо рта пленника кляп.

– Товарищ капитан, вы что-то путаете, я свой.

Кивнул снова Супонину, молча смотря пленнику в глаза. Тот, заткнув ему рот, опять хорошо приложил по физиономии и несколько раз по ребрам. Пленник замычал и задергался. Снова вынув у него изо рта кляп, я продолжил:

– То, что ты немецкий агент, это не обсуждается, для меня это очевидно. Сейчас вопрос в том, насколько ты мне окажешься интересным, чтоб тебя оставить в живых, а не прирезать, как барана, и оставить здесь твою голову как предупреждение вашим хозяевам.

Он затравленно смотрел на нас и понимал, что мы это сделаем без колебаний, такая уж решимость была написана на наших лицах. Сзади подошел Малой и тоже внимательно все слушал. Оглянувшись, я встретил его взгляд, в нем не было осуждения, только понимание момента, что придало силы.

– У тебя минута. Потом, что бы ты ни говорил, ты уже труп. У нас есть твой напарник, расколем его, обмотав вокруг его головы твои кишки, как новогодние украшения, думаю, он поймет, что мы не шутим.

И демонстративно уставился на свои наручные часы, к которым пришлось долго привыкать. Как-то более привычно, что все в мобильнике. Даже сейчас иногда автоматически хлопаю себя по карманам в поиске этого атрибута двадцать первого века.

– Да вы что, товарищ капитан, никакой я не шпион. Я от самого Бобруйска отступаю. Я немцев бить хочу.

– Да. Все с тобой понятно. От Бобруйска, говоришь, идешь, а сам чистенький и мылом от тебя несет. Вот что, Супонин, он мне не нужен. Прирежь его по-тихому, и пойдем второго потрошить. Вырежешь из него кишки и отрежешь голову, а то второй тоже будет запирается до последнего. – И, едва подмигнув Супонину, демонстративно отвернулся и пошел в сторону лагеря.

Сзади раздалось мычанье, вскрики и вопль:

– Капитан Зимин! – И потом хрип.

Я резко повернулся, пленник с зажатым ртом и приставленным к шее ножом пытался вырваться, его глаза, казалось, вот-вот вылезут из орбит.

– Отпусти его.

Супонин отпустил пленника. Тот все еще находясь в шоке, прохрипел:

– Капитан Зимин. У нас приказ найти капитана Зимина.

– Кто его ищет?

– Немецкая разведка. Приказали внедряться в группы окруженцев и искать капитана Зимина и людей из его отряда.

– Зачем? Чем немецкой разведке интересен данный капитан? Тут ведь зона ответственности уже СД.

– Он испытывал в Могилеве какое-то устройство и, по сведениям от пленных, остался в Могилеве, а потом прорвался в эти леса со своим отрядом. Возможно, это устройство с ним.

Да. Доигрался в Архимеда. Теперь придется и с немцами в прятки играть. Только это уже намного серьезнее. Обложат как зверя. Надо что-то придумать.

То, что нужно уходить отсюда по-быстрому, это точно. Профессиональное любопытство заставило задать еще пару вопросов.

– Что на данный момент известно о Зимине?

– Что он сотрудник НКВД из Москвы, очень опасен. Его отряд два дня назад прорвался из города, уничтожив больше тридцати человек из охранного полка, при этом не потеряв ни одного бойца. С фронта снят целый батальон СС для поиска.

Это становится уже очень интересно. Надеюсь, это из-за «глушилки», а не по делу Странника, тогда точно будет полный «пушистый зверек».

– Что ты должен был делать при обнаружении Зимина и твои действия, если в группе окруженцев его нет?

– Есть контакт в деревне Вильницы. В любом случае, я говорил, что у меня там родственник и у него можно взять еду. Через него передавал сведения своему начальству.

– Имя, фамилия «родственничка»?

– Силантий Перпутько.

– Кто? – удивленно вскрикнул я.

– Силантий Перпутько.

– Вот ведь сука, уже на немцев работает. Быстро он. Ладно, ради этого заглянем к нему в гости, пожелаем спокойной ночи. Кто еще в отряде есть из ваших людей, кроме того чернявого?

– Только он. Больше никого.

– Хорошо, пока верю. Посиди здесь, а я пока твоего дружка поспрашиваю. Посмотрим, кто будет интересней. Мне из вас только один нужен. Если что вспомнишь, давай, не стесняйся, это поднимет твои шансы на выживание. Супонин, свяжи его, чтоб не убежал.

Повернувшись к Малому, стоявшему чуть в стороне, я напомнил ему про задание проверить маршрут следования, вдруг кто по следам идет. А сам направился к другому секрету, где уже «разогревали» второго посланца немецкой разведки.

Картина была абсолютно такая же. Только тут уже орудовал один из сержантов. Марков еще в Могилеве отличался некоторой бесшабашностью. Как мне кажется, ему просто нравилось воевать и побеждать. Поэтому он и пошел за мной. Вот теперь, получив вводную про немецкого шпиона, он, похоже, его уже распотрошил.

По тому, как тот понуро сидел, привязанный к дереву, – он раскаялся и ждал приговора.

Марков кратко пересказал то, что я уже знал. Но меня больше волновал вопрос, почему делом занимается Абвер, а не СД.

Но, судя по организации, в Вильницах для оперативности должен находиться не простой почтовый ящик, а минимум человек, наделенный полномочиями для принятия решения. А с таким человеком должна быть соответствующая группа силовой поддержки.

Понятно, что необходимо уходить. Причем срочно. Но вот что мне делать. В нашем мире не закрыты дела с бункером, и оставлять женщин без моей персоны будет, мягко говоря, некрасиво. Брать их с собой и пытаться перейти через линию фронта – глупость еще большая.

Еще большая проблема, что надо наведаться в Могилев и изъять закладку с оборудованием. Для этого придется заглянуть в Вильницы и пообщаться с Силантием на предмет того, кто меня все-таки ищет. Да и наказать предателя. Затем демонстративно, почти с боем, уйти

в сторону Запрудья, там открыть портал и уйти в него, направив поиски в другую сторону от нашего леса. Они хотят искать капитана Зимина, пусть ищут там, где мне выгодно.

Я снова построил бойцов, перед строем вытащили этих двух супчиков, и я достаточно четко пояснил бойцам, кого они с собой привели. Расстреливать я их не стал. Вроде как обещал жизнь. Надо выполнять обещания, а они могут еще понадобиться. Поэтому приказал перебазировать лагерь и усилить посты. Народ проникся моментом и без ворчания начал собираться.

Перенеся из бункера АГС-17 и два боекомплекта к нему, я вызвал Вяткина и дал команду подготовить трех человек для расчета, потому что ночью предстоит выход к деревне и есть вероятность боевого контакта с противником. Пулемет вещь серьезная, но АГС более весомый аргумент против живой силы.

Оставив бойцов на Вяткина, который из-за ранения не мог пока нормально бегать по лесу, я с группой посвященных в тайну бункера направился к порталу. Наконец-то решил для себя дилемму насчет нашей снайперской пары. Ребята надежные и подготовленные для работы в «зеленке», что сейчас будет немаловажно. Поэтому, забрав их с собой к порталу, по дороге провел предварительный разговор.

Ближе к вечеру мы готовили выход к деревне Вильницы. Готовились по-серьезному. Снайперская пара осваивала новое для себя оружие ВСС и СВД. Я и Супонин вооружились двумя ПП-2000 с глушителями. Только я, как всегда, прихватил свою любимую СВУ, а Супонин для усиления взял немецкий MG-34. Воропаев, как самый молодой, получил стандартный ППД, и на него нагрузили дополнительное оборудование. В свое время я считался неплохим специалистом по системам видеонаблюдения, и когда началась война и подвернулся случай, на побережье Черного моря демонтировал несколько ужасно дорогих камер, со встроенными тепловизорами. Их применяли пожарные для обнаружения возгорания в лесной зоне. И вот одну такую камеру с небольшим телевизором мы взяли с собой. На случай встречи с непредвиденными бронетанковыми сюрпризами взяли на каждого по РПГ-18, и я, как самый подготовленный, прихватил РПО «Шмель». Остаток дня прошел в подготовке к рейду и инструктажу по новым видам вооружения и связи и распределению позывных. Единственное преимущество, кроме современного оружия, которое мы имели перед немцами, были средства связи и приборы ночного видения. Поэтому рейд и был запланирован ближе к вечеру, чтобы ночью полностью воспользоваться нашими преимуществами. На всякий случай, недалеко от портала, разместили станцию мониторинга радиодиапазона и к ней через радиомодем подключили портативный радиосканер нашей группы. Таким образом хотя бы приблизительно можно будет локализовать радиопередатчики противника на местности.

Сержант Марков подготовил группу усиления из десяти бойцов, которые пойдут с нами, неся на себе АГС, два пулемета и боеприпасы. Случаи разные бывают, вдруг нарвемся на противника, с которым не сможем справиться.

Одетые в «лохматки», с разгрузками, выступили по давно мне известному пути, в сторону деревни Вильницы.

Передвигались осторожно, прекрасно осознавая, что можем нарваться на засаду. Но немцы решили не засвечивать свою ловушку, и мы засады так и не нашли. Расположились раздельно. Снайперы забазировались и начали изучать деревню. Воропаев занимался их прикрытием. Мы с Супониным передвинулись метров на двести левее от их позиции и, заняв выгодную позицию как раз напротив дома Перпутько, стали выжидать. А группу усиления, снабженную радиопередатчиком, разместили в глубине леса, так чтобы в случае необходимости могла сразу выйти на помощь.

Залог всякой удачной спецоперации – это умение наблюдать и выжидать и, конечно, достоверные разведанные, поэтому наличие группы встречающих мы заметили не сразу. Но преимущество в средствах связи и наблюдения и в этот раз помогло. Радиосканер зафиксировал работу радиопередатчика в непосредственной близости от деревни. Перехватив разговор,

мы убедились, что это немцы. Второй передатчик был в самой деревне. Через пять минут заработал еще один передатчик, с деревней связывался уже другой голос. Значит, в лесу скрываются минимум две группы. В общем, мы попали. Я проклинал себя за глупость. Но все немного изменилось в лучшую сторону после десяти вечера, когда одна из немецких групп вышла из леса и направилась в деревню. Скорее всего, проходила ротация разведгрупп в лесу. Лучший вариант был отступить. Но опять заработал радиопередатчик в лесу. Причем недалеко от нас. Возможно, наткнулся на нас, поэтому нужно реагировать. Я вышел на связь со снайперской парой.

– Кукушка-один, это Феникс. – «Кукушка-один» позывной Малого, а «Кукушка-два» – Миронова.

– На связи.

– Кукушка-один, левее вас движется группа противника, только что выходили в эфир.

Приготовьтесь. Мы перемещаемся к вам.

– Кукушка-два, ответьте Фениксу.

– Кукушка-два на связи.

– Кукушка-два, оставайтесь на месте. Контролируете подступы к деревне, в случае осложнения ситуации, прикрываете отход. Зяблик идет к вам в помощь. Пусть включает тепловизор и помогает наблюдать. Зяблик, как слышал? Прием. – «Зяблик» это позывной Воропаева.

– Феникс, вас понял.

– Конец связи.

Подняв Супонина, который все слышал, нацепив на себя приборы ночного видения, мы осторожно поднялись и двинулись в сторону немцев. У нас было преимущество в том, что мы их ждали, а они считали, что возвращаются на безопасную базу.

– Феникс, это Кукушка-один. Вижу немцев. Восемь человек. Один пулемет. Двигутся в сторону деревни, – прошептал Малой.

– Кукушка-один, вас понял. Немцев тоже вижу. Работаете из «винтореза» по крайним. Работаете трех последних, потом мы работаем остальных все вместе. Как поняли? Прием.

– Вас понял.

– Начинайте работать по готовности.

– Понял.

Время спрессовалось. Мы с Супониным попрятались за деревьями, взяв на прицел приближающихся немцев.

Хлопков «винтореза» я не слышал, но крайний немец просто упал кулем на землю. Шедший перед ним повернулся на звук и тоже упал. Третий ничего не понял, вскинул руку, зацепившись за дерево, и начал сползать на землю. Тут до немцев стало доходить, что происходит что-то не то, но и мы подключились к охоте. Два автомата с глушителями затарахтели короткими очередями. Но немцы оказались тертыми и среагировали сразу, и в нашу сторону ударили из автоматов и винтовок. Тактически наше положение было лучше, мы работали из укрытия, а те были как на ладони и по ним с тыла работал наш снайпер.

Один из немцев попытался выхватить гранату, но так и застыл, получив пулю в затылок.

В течение десяти секунд все было кончено. Мы просидели на своих позициях еще секунд тридцать, выцеливая оставшихся в живых. Затем, прикрывая друг друга, подошли к трупам и стали их методично добивать. Порядок есть порядок.

Глава 20

Честно сказать, я немного удивился такому везению, хотя бойцы отряда отнеслись к этому как к само собой разумеющемуся. Скорее тут уже сказывался опыт совместных боев в Могилеве, мощная вера в себя и свое дело и уверенность в командире, а такие вещи ох как нужны. Лично я склонен верить, что большинство поражений РККА было связано с тем, что не хватало какой-то психологической составляющей. Наверно, не верили своим командирам. Тут у меня под боком пример. Абсолютно разные люди, еще месяц назад неуверенные в себе солдаты, а сейчас хладнокровно положили элитное отделение немцев, хмыкнули и пошли дальше.

Быстренько собрав в одну кучу оружие и боеприпасы, мы двинулись обратно к деревне.

– Кукушка-два, это Феникс, что там в деревне?

– Феникс, это Кукушка-два. В деревне наблюдается движение, в сторону леса направляется группа из восьми человек.

– Понятно, отслеживайте их, мы двигаемся к вам.

Связавшись с группой усиления, я дал команду выдвигаться к деревне.

Минут через пять бега мы снова были возле деревни. Немцы, растянувшись цепью, бежали в нашу сторону. В деревне несколько раз выходил в эфир передатчик, видимо, вызывая уничтоженную группу.

Мы все-таки выдали себя, и по нам из деревни открыли огонь из пулемета. Группа эсесовцев поддержала пулемет и стала заходить правее, но попала сразу под огонь Миронова. Потеряв троих от снайперского огня, немцы залегли и стали обстреливать место, откуда стрелял Миронов.

Малой, помня мою просьбу экономить патроны к ВСС, отложил «винторез», взялся за СВД и устроил дуэль с пулеметчиками. По тому, как быстро они заткнулись, Малой в этой дуэли победил. Но к перестрелке подключались выдвигающиеся к окраинам другие немцы.

Плотность огня увеличилась, и вести прицельную стрельбу становилось все труднее. На каждую вспышку выстрела из леса отвечали пять-шесть стволов.

Я засел за деревом и аккуратно и экономично лупил по вспышкам из деревни из СВУ.

– Феникс, это Кукушка-два. Четыре человека справа проникли в лес, идут в обход, нужна помощь.

– Кукушка-два, это Феникс, вас понял, иду на помощь. Отступайте в сторону основной группы.

– Вас понял.

Оставив Супонина, который короткими очередями работал по деревне из трофейного пулемета, и Малого, я побежал вправо, навстречу немцам.

Сзади звук стрельбы изменился, в него вклинились хлопки винтовок Мосина и загрохотали еще три пулемета. Со стороны деревни нарастал звук моторов, вероятно, к месту боя выдвигалась бронетехника.

Связавшись с сержантом Марковым, я приказал без особой надобности АГС не использовать.

С немцами мы пересеклись в сорока метрах от позиции Миронова. Опять в темном лесу у меня было преимущество – прибор ночного видения. Я первым выхватил гранату и кинул в их сторону. В темноте они не успели среагировать, и взрыв оборонительной «эфки» раскидал тела. Выскочив из-за дерева, я чуть не угодил под очередь из автомата одного из выживших. Взрыв контузил стрелка, и очередь прошла чуть в стороне, я инстинктивно успел упасть на землю и откатиться за дерево. Немец стал истерично стрелять из автомата в мою сторону. Выхватив еще одну гранату, я кинул ее в сторону стрелка. Снова взрыв. Перекатился за другое дерево, перебежал чуть левее и практически в упор столкнулся с отползающим немцем. Я

больше с испугу, нежели от обдуманного действия, нажал на спуск автомата. Очередь на весь магазин прошла по стоящему на четвереньках немцу. Видимо, вымещая свой мимолетный страх, я продолжал стрелять в него, пока не закончился магазин. Но, быстро опомнившись, упал на землю, переполз к дереву и, выхватив из кобуры пистолет, пробежался по раскиданным немцам, делая контрольные выстрелы.

Раздался топот, и из-за деревьев появился запыхавшийся Супонин с пулеметом наперевес.

Наткнувшись на направленный на него ствол пистолета, он остановился, но разглядев такое же лохматое чудовище, как и он, вскрикнул:

– Товарищ капитан, это я, Супонин.

– Все нормально, идем в деревню по левому флангу. Там нас как раз не ждут.

Связавшись с Мироновым, я приказал ему идти с нами.

А бой разгорался. Со стороны деревни из бронетранспортеров долбили пулеметы и несколько раз хлопнули выстрелы танковой пушки. Бой переходил в затяжную форму. А при численном перевесе противника это грозило большими потерями. Благодаря отсутствию освещения, потери были пока незначительные, и немедленно дав команду на отступление в лес, я двинулся с Супониным, Мироновым и Воропаевым к левому флангу, откуда в лес просочились немецкие разведчики.

По докладу Маркова, у них было двое раненых, один тяжело. Отряд отошел в глубь леса метров на двести. На окраине остался Малой, который своей снайперской стрельбой не давал немцам успокоиться.

До рассвета еще оставалась пара часов, и время похулиганить было. Выглянув из кустов, я увидел, что на окраине села стоят два бронетранспортера и с них работают пулеметы. В стороне, на поле выехал немецкий танк «троечка» и, периодически поливая лес из курсового пулемета, постреливал из своей пушечки. Судя по тому, с какой яростью немцы расстреливали лес, Малой с отрядом усиления проредил их неплохо.

Как он доложил по радио, немцы попытались подобраться поближе и устроить атаку. Но в чистом поле идти на двух снайперов – дело весьма неразумное. Они это поняли, но чуть позже, когда, потеряв шестерых человек и расчет пулемета, отступили под прикрытие брони и домов.

В такой ситуации от них можно было ожидать попытки опять обойти и вступить в непосредственный огневой контакт, а не устраивать перестрелку с парой снайперов, которые не дают пехоте и носа поднять. Причем темнота делала картину боя весьма неприятной для немцев, и их командир не спешил с активными действиями, ожидая рассвета. Потеря двух групп воспринималась ими как наличие в лесу крупных сил русских. Наверно, уже вызвали подмогу, но в мои планы это не входило. Поэтому, под шумок, по левому флангу, нашей группе удалось просочиться ближе к деревне незамеченной. Приказав Малому контролировать правый фланг, чтобы не обошли с тыла, мы попытались подойти поближе к бронетехнике. Когда бой стал затихать, из леса для порядка несколько раз твякнул автоматический гранатомет. Оба пулемета на бронетранспортерах опять начали истерически обстреливать лес. Одна из гранат попала в сарай, и он загорелся, неплохо освещая немецкие позиции. Из леса, но из другого места, опять несколько раз хлопнул гранатомет, и одна из гранат попала в хорошо освещенный пожаром бронетранспортер. Взрывом повредило щиток пулемета и убило пулеметчика. Такой прыти от русских немцы не ожидали и начали отводить технику под прикрытие домов, дожидаясь рассвета и подкреплений, чтобы посчитаться с наглыми русскими.

Но на попытку обойти все-таки решились. Малой, переместившись на правый фланг, разглядел непонятное движение, и, завалив для приличия парочку особо ретивых, пресек на корню все планы по окружению.

Получилось, что вся инициатива в этом бою перешла к нам, и было бы грехом не воспользоваться такой ситуацией. Я дал команду Маркову организовать тревожащий огонь по

немцам из леса, направить к нам на левый фланг, для усиления, трех человек с автоматическим гранатометом.

По моим подсчетам, немцев оставалось не более двух десятков, и при правильном подходе можно было бы с ними совладать. Основной проблемой оказался немецкий танк Т-III, который был пока неуязвим для нашего оружия, а чтоб его уверенно поразить из РПГ, к нему нужно подобраться метров на пятьдесят.

Короткими перебежками удалось добраться до крайних домов на левом фланге. Здесь мы лоб в лоб столкнулись с небольшим немецким заслоном из трех человек. Они, похоже, ожидали своих разведчиков, а увидели парочку лохматых чудовищ, причем в тот момент, когда мы к ним подобрались почти вплотную, на дистанцию уверенного поражения из нашего оружия. Эффект неожиданности и тут нам помог. Три искромсанных пулями тела стали доказательством этому.

Теперь у нас появилась возможность зайти во фланг к немцам или даже, если повезет, то и в тыл. Что мы и сделали. Пришлось углубиться подалее в деревню, обойти несколько домов, и это дало возможность попасть в тыл к немцам. Возле колодца лежали несколько раненых, и им оказывали первую помощь. За домом тарахтел двигатель танка и оттуда периодически раздавались короткие прицельные пулеметные очереди – сэкономили патроны. Очень даже ничего вышли, сейчас посчитаем оставшихся немцев. Видимо, это входит в привычку. Опять в первую очередь досталось санитару. Тот получил очередь в грудь, завалился на спину и задрывал ногами. Раненые, кто был не из тяжелых, попытались что-то сделать, но тут же затихли, получив по пуле из автоматов с глушителями.

Обезопасив тыл и оставив там Воропаева с автоматом для прикрытия, мы двинулись во фланг немцам, обороняющим деревню.

Возле танка, в кустах прятались четыре человека с винтовками и, периодически поднимаясь, стреляли в сторону леса.

В этом, наверно, и состоит искусство войны, ударить там, где не ждут. Выстрелы, звук которых был сильно ослаблен глушителями, быстро успокоили всех четверых. Кивнув Супонину, чтобы прикрывал, я взобрался на танк, постучал рукояткой автомата в люк, и когда его открыли, кинул туда сразу две гранаты, спрыгнув, как сайга, вместе с Супониным побежал от танка. Детонировавший боекомплект оторвал башню и сильно дал по ушам.

Ну вот теперь точно начнется. Взрыв танка – вещь совсем необычная, и теперь сюда сбегутся все, кому не лень.

Немцы не заставили себя долго ждать. Человек шесть выскочили из переулка и попали сразу под огонь пулемета. Пару раз твякнул автоматический гранатомет. Туда же полетели несколько ручных гранат. Положив передовую группу, мы побежали по переулку к следующему проезду, где стоял поврежденный бронетранспортер. Передвигались грамотно, вдоль забора. Выбежавшие из-за угла два эсесовца, волокущие пулемет, тут же были застрелены. Все же глушитель в условиях такого боя дает большое преимущество. Но на этом наше везение кончилось, из-за угла вылетела граната. Мы все попадали на землю чуть раньше, чем раздался взрыв. Но оглушило качественно, рядом кто-то застонал, но времени выяснять не было. Выхватив из разгрузки последнюю гранату, я закинул ее через забор в сторону противника. Оттуда как раз раздалось несколько выстрелов, и опять пришлось упасть на землю.

Сразу после взрыва я выглянул из-за угла и увидел двух оглушенных немцев. Один стоял на коленях и держался за голову, а второй уже наводил на меня винтовку. Мы выстрелили практически одновременно. Но в этот момент Супонин ударил меня в спину, и я покатился по земле. Немец попытался перезарядить винтовку, но выскочивший Миронов почти в упор из СВД два раза выстрелил ему в грудь.

Супонин присел у заборчика, опустил голову и завалился на бок.

– Твою мать. Воропаев, помоги Супонину.

И все бросились к бронетранспортеру. Я дал несколько очередей в открытые задние двери. Но там никого не было видно.

– Миронов, гранату, мои закончились.

Тот понял сразу, выхватил из подсумка РГДшку и закинул ее в бронетранспортер. Раздался взрыв, что-то вспыхнуло, и бронетранспортер разгорелся как факел. Скорее всего, там были канистры с горючим.

Бойцы установили АГС, направив его вдоль прохода. Один из них забрал пулемет Супонина и пристроился сбоку.

Я наклонился к Супонину и вопросительно глянул на Воропаева, тот молча посмотрел на меня и отрицательно покачал головой.

Стало тоскливо, еще один друг погиб.

– Снять с него оружие, боеприпасы, приборы, Воропаев, ты отвечаешь.

– Есть.

Тут рядом захлопал АГС и дал несколько очередей пулемет. Немцы попытались прорваться. Загнав в автомат новый магазин, мы, уже с Мироновым в паре, двинулись вперед.

Тут за домами разгорелась перестрелка, раздалось несколько взрывов. Это Марков со своими бойцами пошли в атаку и напали на немцев с правого фланга, где Малой их неплохо потрепал.

Немецкий командир, решив, что по фронту был отвлекающий огонь, а по правому флангу началась атака, бросил всех бойцов на нас, что дало возможность Маркову с четырьмя бойцами подобраться поближе, закидать немцев гранатами и броситься в атаку. Несколько немцев попытались прорваться через нас, но АГС быстро положил этому конец.

На фоне светлеющего неба из леса появились наши бойцы и, цепью, с автоматами и винтовками наперевес и с криком «ура», побежали к деревне.

Это Вяткин, услышав по радиостанции наши переговоры, поднял всех, способных держать оружие, и бросился на помощь.

После взрыва гранаты меня неплохо оглушило и, потеряв гарнитуру, которая болталась на проводке, я не слышал их вызовов. Только вид довольного Маркова с МР-40 и немецким подсумком для магазинов на поясе и его пояснения помогли мне понять полную картину боя.

Надо сразу брать ситуацию под контроль.

– Марков, берешь АГС и три пулемета, готовишь засаду на въезде в село, эти наверняка успели доложить про нападение.

– Вяткин, берешь бойцов и прочесываешь деревню, ищешь оставшихся немцев.

Осмотрев всех убитых, мы так и не нашли офицера разведки. Зато я знаю, кто может прояснить ситуацию.

Дом Перпутько нашли сразу. На улицах появились люди, которые с радостью смотрели на красноармейцев. Многие рассказывали, как немцы приводили пленных, пытали и затем расстреливали за селом.

Глава 21

Понимание того, что наделал кучу ошибок и сейчас придется дергаться в режиме жесткого дефицита времени, вылилось как ведро холодной воды на голову. Уничтожение усиленной полуроты СС не простят и будут загонять, как хищника.

И вот тут мне как раз поможет мой старый знакомый Силантий, иудушка. Но пока пусть живет. Придется через него спустить дезинформацию по нашему отряду и для подтверждения отпустить одного из немецких агентов с теми же данными.

Возле дома предателя я приказал бойцам занять позиции, на случай если гад начнет отстреливаться. Обычно крысы, загнанные в угол, становятся очень агрессивными. Бойцы взяли на прицел окна дома. Я осторожно стал подходить к калитке.

– Силантий, выходи, старый друг, это я, твой хороший знакомый, капитан Зимин, принес посылку из управления НКВД. Тебе за героическую работу орден дали, – вытягивая голос, загнусавил я на полдеревни. – Орден Хрена Лысого с закруткой на спине. А ну, сука, выходи, пока я дом не запалил со всем твоим крысиным семейством, – уже закричал я, не сдерживая злости. У меня была очень трудная ночь.

Из домов выходили люди и издалека наблюдали эту картину. На другом конце деревни вспыхнула перестрелка.

– Это Феникс, что там за стрельба?

Ответил Воропаев.

– Феникс, это Зяблик, в сельсовете несколько немцев закрылись, сюда сначала раненых носили. Отстреливаются сильно, у них даже пулемет есть.

– Хорошо, ждите, я сейчас с иудой одним пообщаюсь. Заблокируйте их, не давайте высунуться, но патроны экономьте. Ищите наших пленных. Должны быть где-то здесь.

Вызвал по радиостанции Вяткина. Нужно было срочно реализовывать план по дезинформации противника.

Из дома Силантия Перпутько не раздавалось ни звука. Я аккуратно пробирался вдоль стены дома.

– Си-илантий, выходи, подлый трус. А то гранату кину. Ты меня знаешь. Я шутить не буду. Выходи, обещаю, убивать не буду. Во всяком случае, пока, а вот если будешь играть в прятки, положу всю семью. А потом расскажу немцам, как ты мне помогал уничтожать их разведгруппу.

В доме раздалось шушуканье, и на свет появился старый знакомый.

– Ну, здравствуй, Силантий. Как жизнь молодая? Думал, раз наши временно отошли, так можно уже на немцев всю вкалывать?

Тот упал на колени и начал что-то рыдать и рассказывать. Мне было как-то не интересно его завывание, вот стрельнуть в отвратную физиономию – так это было бы сплошное удовольствие.

Но пока рано, сначала дал команду бойцам посмотреть у него дома, вдруг там кто-то из нерусскоговорящих затаился с парабеллумом и нагло в меня целит.

В доме оказалась только семья. Жаль, я надеялся, что там минимум спрятался офицер немецкой разведки. Глупая мысль, но мечтать никто не запрещает.

– Вот что, про твои художества с окруженцами я знаю. Ты мне расскажи, с кем из немцев общался и кто тебе отдавал команды. Только не ври, я сразу почувствую, и тогда ты будешь завидовать мертвым, очень будешь завидовать.

Силантий запнулся, и я в первый раз увидел его настоящий взгляд. Это был очень опасный человек, он сотрудничал с немцами не из страха, а из злобы, сильной человеческой злобы. Жаль. А я его собрался оставить в живых. Временно оставить, но такого нельзя, потом столько

односельчан перевешает и замучает. Он молчал, понимая, что это не праздный вопрос и задает его не простой человек. Он видел, как я ночью положил группу немцев, а теперь большой отряд эсесовцев.

- Ну, я задал вопрос. Ты тратишь мое время.
- Гауптман Маркус Фольтке.
- Где он сейчас?
- Не знаю, был с командиром роты в сельсовете.
- Понятно.

Дав бойцам команду взять этого типа, связать и тащить к сельсовету, сам с тремя бойцами побежал на звук стрельбы.

Мы бежали по поселковой улице, когда я услышал крик:

- Товарищ командир, товарищ командир, подождите! – Из-за забора кричала женщина.

Я резко остановился, ее лицо мне было определенно знакомо. Вспомнил, Надежда. Она тогда помогала мне найти дорогу к сельсовету.

- Товарищ командир, вы меня помните?

– Да, Надежда, конечно, помню, как такую девушку можно забыть, не был бы женат, то задержался бы в вашем селе.

Та засмушалась от такой наглой лести, тогда люди были более высокоморальны, чем в наше распушенное время. Но все же смело продолжила разговор:

– Товарищ командир, у меня дома спрятан раненый. Я знаю, он сотрудник НКВД и приезжал в наше село после вас. Его привели немцы, но он ночью сбежал, а из села выйти не смог, вокруг были немцы.

Я кивнул одному из бойцов и коротко бросил:

– Помогите. Я к сельсовету. А вам, Надежда, большое спасибо, только никому про это не говорите. После того, что мы тут устроили, немцы будут лютовать. Лучше уходите в леса. Мы здесь ненадолго. Уходим на соединение с нашей армией. Поэтому готовьтесь к оккупации. Это хуже татар. Намного хуже. Это звери. – И побежал дальше.

Стрельба возле сельсовета стала вяленькой. Обе стороны сэкономили патроны.

- Кукушка-один, это Феникс.

– На связи.

– Вы где?

– Возле сельсовета, ждем вас.

– Кукушка-два с вами?

– Да.

– Хорошо, я уже рядом.

Найдя Малого, я расположился рядом, разложив свою СВУ для стрельбы.

– Ну что тут?

– Да засели, гады. Человек пять. На чердаке пулемет, перекрывает подходы. Четверых наших положил.

– Ё... Больше чем за весь ночной бой. Ты же в долгу не остался?

– Да двоих точно уничтожил. Остальные попрятались. Пару раз через окна кидали гранаты.

– В доме, кроме эсесовцев, должен быть офицер разведки Маркус Фольтке. Он мне нужен живым. Остальных можно гасить, ни в коем случае не трогайте раненых. Мы тут оставим людей, а немцы потом село пожгут. Они себя еще властелинами мира считают.

Потом, чуть приподнявшись, я закричал:

– Эй, в доме! Я знаю, что один из вас меня понимает. Мне нужен Маркус Фольтке. Остальные могут оставаться в доме и дожидаться подкрепления, точнее того, что от него останется. Маркус, выходи, поговорить надо. Даю слово офицера, что останешься в живых.

Думаю, немцы были удивлены таким обращением. Из дома ответили на ломаном русском языке:

– Кто ты есть такой?

– Капитан Зимин, ты же меня искал? Вот и хотел пообщаться, зачем я тебе нужен. Учти, на размышление пять минут, потом в этом селе живых немцев не останется, а тебе лично обещаю, что когда мы возьмем Берлин, я найду твоих родственников и накажу их.

От такой наглости немцы взбесились и открыли огонь. Ну и ладно, я всегда стараюсь людям дать шанс. Была у меня одна штучка, которая случайно попала в руки от украинских спецназеров – граната со слезоточивым газом «Черемуха-1». Вот ей и решил воспользоваться.

К такой подлости они не были готовы. Может, где-то и завалились противогазы, но не думаю, что очень близко. Кашель, хрипы и проклятия, подтвердили мои предположения. Привет вам, ребята из двадцать первого века.

Приказав не открывать огонь, мы подошли к дверям и окнам и начали вылавливать ослепших и кашляющих немцев.

Но я забыл предупредить остальных бойцов, что противник в таком состоянии небоеспособен.

Первых немцев, которые полезли из окон, просто застрелили. Пришлось накричать, и народ временно успокоился. Результатом таких действий стали три пленных эсесовца и долгожданный гауптман Маркус Фольтке. Этот гад тоже жизнь любил и под русские пули не желал лезть.

Ничего, эти гаврики, связанные, остались ждать нашего справедливого суда.

В это время подошли остальные бойцы, которые прочесывали село, и нашли в амбаре человек двадцать военнопленных. Многие были со следами пыток и издевательств. СС, в общем, как всегда отличились.

Меня трудно напугать, и для себя я ничего нового не увидел. После татарских погромов в Крыму такие вещи уже не сильно шокировали. Но все равно, с солдатами так поступать нельзя. Оказалось, немцы тут замучили и расстреляли человек тридцать. Раненых практически всегда добивали.

Что ж, они сами решили свою судьбу. Стоящие рядом бойцы молча смотрели на меня и ждали команды. Какой именно, все понимали. Но в этом задача командира, чтоб все, даже расправа, проходило под строгим контролем.

– Вяткин.

– Я, товарищ капитан.

– Немцев раздеть, найти форму и камуфляжные костюмы, не испачканные кровью, минимум на шестерых-семерых человек, относительно целые, застирать, оружие и боеприпасы собрать и раздать военнопленным. Лишнее подготовить для длительного хранения в лесу. Партизаны здесь рано или поздно появятся, и им понадобится оружие. Раненых немцев добить. Кроме тех, кого связали, в селе не должно остаться ни одного живого немца. Известить сельчан, что немцы за такой разгром могут сжечь все село. Пусть готовятся уйти в лес.

Солдаты молча слушали. Среди освобожденных пленных оказалась пара командиров. Подозвав обоих, дал команду разделить команду на два отделения провести смотр, обуться и вооружиться за счет уничтоженных немцев, подготовиться к движению. Для раненых изготовить носилки.

А я, наблюдая, как засидевшийся под замком народ деловито и с радостью стал вооружаться, пока решил пообщаться с захваченными «зверьками».

Фольтке уже немного прокашлялся и проплакался и в первом приближении был готов к общению.

Оттащили его в сторону и для разогрева дали пару оплеух. Тот сквозь слезы смотрел на окруживших его людей в незнакомом камуфляже.

– Имя, фамилии, звание.

Тот, конечно, не ответил. Если и ответил, то это печатать в книжках нежелательно. Ну и ладно, сейчас парочку новшеств. Рядом стоял высокий боец, с кровавой повязкой на лице, который упорно не хотел отходить и с интересом смотрел, как мы будем допрашивать. Когда я на него вопросительно глянул, тот злобно ухмыльнулся и спросил:

– Товарищ командир, боец Смилевич, разрешите обратиться?

– Обращайтесь.

– Это вы капитан Зимин, которого немцы так искали?

– Да.

– Это хорошо, не зря, значит, за вас нас мучили, раз вы их так. Боятся они вас. А вы целую роту эсесовцев положили.

– Я вас понял, товарищ боец, что вы хотите?

Он молча снял повязку и показал рваную рану, в которой были видна кость.

– Я хочу помочь. Уж очень эта сволочь старалась.

Тут я увидел действительно испуганный взгляд немца.

– Найди мне плоскогубцы, кусок провода и подрывную машинку или полевой телефон, а точнее вызывной генератор от него.

Тот не совсем понял для чего, но то, что для хорошей гадости, догадался. Когда он убежал, я подозвал Воропаева и приказал пойти к освобожденным военнопленным и порасспросить про этого молодца, вдруг очередной «оборотень в погонах».

Мы пока разогревали немца при помощи дружеских оплеух и ласкового массажа берцами по ребрам и ногам.

Тут показался новый знакомый, который притащил то, что я просил.

Немец на разговор не шел, все еще играл в арийца.

– Привяжите его, зафиксируете голову и разожмите зубы. Смилевич, ты, кажется, хотел посчитаться, вырви этому глупому варвару пару зубов, плоскогубцы ты притащил.

Хруст и визг показал, что на войне такая вещь, как милосердие, очень редкое явление.

– Ну что, Маркус, поговорим, пока есть чем говорить? – Выждав положенную паузу, продолжил: – Ну что ж, не хочешь – как хочешь.

В двух словах объяснив Смилевичу, как не по назначению, но тоже весьма эффективно использовать вызывной генератор полевого телефона, я отошел в сторону, позволив действовать известному принципу: «Относись к людям так, как хотел бы, чтоб они относились к тебе». Взрыв мычания и дерганье немца подтвердили, что даже законченному садисту иногда нужно задуматься о том, что он может когда-нибудь поменяться местами со своими жертвами.

Остальные эсесовцы видели наше новшество, и их такая перспектива тоже не прельщала. В это время еще бойцы их раздели, так как на них оказалась самая целая форма.

Хватило всего два сеанса стоматологической терапии, чтобы немец, понял, что война – это не только фотографирование на фоне развалин русских городов.

Вот теперь пообщаемся.

– Повторяю вопрос: имя, фамилия, звание.

– Гауптман Маркус Фольтке.

– Хорошо. И стоило играть в истинного арийца и тратить наше время и свои зубы. В каком подразделении служите и задача, которую здесь выполняете.

В общем, запел этот соловушка знатно, и то, что он рассказывал, мне нравилось все меньше и меньше.

Моим вопросом заинтересовался лично начальник Абвера-1, полковник Ганс Пикенброк. Применение нового устройства постановки помех, работающего по избирательному принципу, сразу заинтересовало немцев. В район Могилева была переброшена специальная группа, состоявшая из оперативников и техниче-ских специалистов, которые старались

найти дополнительную информацию и способы противодействия. Мне в руки попался один из сотрудников подотдела 1-И, который занимался техническими средствами разведки. После того как стало известно, что сотрудник НКВД, отвечавший за применение устройства, остался в Могилеве и очень виртуозно сумел вырваться из города, они получили указание проводить поиски не только меня одного, а всего моего окружения. Они логично предположили, что, судя по тактике действий, я лишь командир группы силового прикрытия, а специалисты должны быть где-то рядом со мной.

Вполне правильные мысли. Но то, что на усиление поисков с фронта сняли батальон СС и привлекли части полевой тайной полиции в регионе, очень насторожило. Надо по-быстрому линять отсюда.

Еще меня интересовало, какие части в данный момент находятся в Могилеве. Оказалось, что только вчера там развернут штаб 2-й танковой группы Вермахта. Соответственно охранных подразделений и патрулей там больше, чем тараканов на кухне алкоголика. Это известие также не способствовало поднятию настроения.

Еще пара часов – и район будет перекрыт.

Но я ошибся в своих подсчетах. На связь вышел Вяткин, который как командир расчета автоматического гранатомета был направлен с Марковым для создания заслона на въезде в село и доложил, что подходит колонна противника в составе трех танков, двух бронетранспортеров и нескольких грузовиков с пехотой. В чистом поле с таким противником нет никаких шансов. Я дал команду скрытно отходить к селу и организовать засаду на улицах, где у противника не будет такого преимущества, как на открытом пространстве.

Сельчане, ощутившие на своей шкуре, что такое находиться в зоне боевых действий во время обороны Могилева, в панике похватав самое необходимое, разбежались по лесу.

Пришлось в срочном порядке организовывать отход бойцов из села в сторону деревни Запрудье. На окраине леса разместили небольшой пулеметный заслон, чтобы отсечь возможную погоню. Пленных забрали с собой. На всякий случай я разослал разведку на фланги. Немцы никогда лохами не считались, и попытка окружить или зайти с фланга была бы вполне ожидаема.

Раздав команды, с Воропаевым и тремя бойцами я побежал в сторону окраины села, откуда уже доносился рев танковых двигателей. Немцы, как всегда, действовали правильно и логично. Не зная количественный состав противника и есть ли в селе целые немецкие подразделения, они развернулись в боевые порядки и направили в село разведку.

К сожалению, взрывчатки, чтобы заложить пару фугасов, не было, поэтому в поединке с танками приходилось рассчитывать на пять противотанковых гранатометов, захваченных с базы. Для уверенного поражения техники противника ее необходимо заманить в деревню.

Самая медленная часть отряда, с ранеными, уже втянулась в лес и по моему совету разошлась цепью, а не колонной, чтобы не оставлять ярко выраженного следа, по которому, как по проспекту, можно догонять, окружать и уничтожать.

Оставив группу из бывших пленников в количестве десяти человек в качестве резерва, разместил ее вторым эшелоном на случай прорыва немцев. А то будут потом, как в тире, расстреливать бегущих.

Ну что ж, будем работать, как известно, война – та же работа, немцы это поняли раньше всех, поэтому и научились с такой педантичностью громить всех соседей.

По моему плану встреча разведки лежала на нашей основной группе, вооруженной оружием с глушителями. Малой разместился на чердаке дома, снова вооружившись бесшумной снайперской винтовкой ВСС. Марков и Воропаев, вооруженные ПП-2000 с навинченными глушителями, притаились за заборами, по разным сторонам улицы. Я занял позицию чуть левее, вооружившись «Глок-17» с навинченным глушителем. Миронов с пулеметчиком замаскировались недалеко в огороде, удачно выбрав сектор обстрела, чтобы в случае перехода ситуации

в громкую фазу положить разведку и «пощипать» в поле немцев, которые шли развернутыми порядками к деревне. Правда, их хватит секунд на тридцать стрельбы, потом просто задавят огнем.

Немцы мудро послали к деревне бронетранспортер с восьмеркой бойцов. Но на самой околице те выскочили из БТРа и разбежались по сторонам, и потом перекатами, под прикрытием пулемета, стали продвигаться в глубь поселка.

Ситуация складывалась не самым лучшим образом. Немцы на боевом режиме уже разместились так, что всех бесшумно и сразу не положишь, надо что-то срочно придумать.

Связался с Вяткиным и срочно приказал ему нарядить одного из бойцов в немецкие шмотки, чтоб он попал в поле зрения разведки, помахал рукой и сразу, не спеша, ушел за дом. Пусть голову ломают, что тут происходит.

Пока немцы осторожно продвигались вслед за бронетранспортером, Вяткин успел в первом приближении нарядить одного из бойцов. Тот, как и договаривались, появился на виду у немцев, помахал им рукой с винтовкой и, как ни в чем не бывало, пошел в сторону сельсовета по своим делам.

В общем, Станиславский «Не верю!» кричать бы не стал, а задумался о том, что бы это значило. Немцы тоже немного призадумались от такой идиллической картины, немного утратили бдительность и прошли нашу засаду. Теперь мы могли вполне спокойно работать им в спину.

– Кукушка-один, работаешь пулемет и двоих с твоей стороны, когда бронетранспортер повернет и скроется из вида, от остальных немцев. Работаем по тебе.

– Понял.

– Зяблик, добиваешь тех, до кого Кукушка не дотянется. Я и Марков работаем остальных. Сигнал, уничтожение пулеметчика. Как закончишь своих, идешь к броне и валишь водилу.

– Понял вас, Феникс.

Когда бронетранспортер повернул в сторону, объезжая колодец, он скрылся из вида, от немцев в поле. Как всегда выстрела из ВСС слышно не было, но пулеметчик дернулся и завалился, получив пулю в шею, чуть ниже каски.

Я, чуть привстав, стал вылавливать спины немцев в камуфляжных куртках. Получилось сделать три выстрела, прежде чем остальные что-то поняли. Первым их действием, как опытных бойцов, было сразу уйти из сектора обстрела, но времени им не хватило. Рядом закашлял автомат Маркова. Еще два тела легло рядом. В общем, с нашей стороны было четыре-ноль.

В этот момент из-за плетня выскочил Воропаев, подбежал к бронетранспортеру и в открытые задние двери выпустил несколько очередей, добив водителя. Бронетранспортер, урча двигателем, ткнулся в забор и замер.

Тут же подбежал Вяткин с бойцами, и они стали оттаскивать тела немцев с улицы. Надо было срочно выиграть время и уходить из села.

– Вяткин, найдите из бойцов, кто сможет управлять бронетранспортером, и разворачивайте его в сторону немцев. Продумайте пути отступления. Подготовьте пулемет для ведения огня. На всякий случай нацепите на себя каску и немецкие шмотки, чтобы был эффект неожиданности. Лишние три-четыре секунды дадут возможность положить дополнительно пять-шесть немцев. Пусть ваш артист нормально оденется, выйдет на околицу и тоже помашет тем идиотам, которые топают по полю. Если повезет, подманим их поближе. А мы тут их приголубим, чем они сейчас сильнее по носу получают, тем осторожнее потом будут нас ловить. И еще, Вяткин, распорядись, чтобы притащили того предателя и положили где-нибудь рядом. Мне надо, чтоб он услышал, как я вас буду инструктировать насчет дальнейшего пути, а потом смог убежать к немцам. Так что свяжи его полегче, пусть сам развяжется и убежит.

Глава 22

Немцы и тут поступили вполне разумно, понимая, что в населенном пункте танки становятся не главной ударной силой, а только поддерживающей, двинули сначала пехоту. Видимо, они должны были поддерживать радиосвязь с разведкой и, не получив кодового сигнала, поняли, что разведка уничтожена. Дали понять это они весьма ощутимо и ясно: когда переодетый боец появился на околице и замахал винтовкой, его просто обстреляли.

Поэтому пришлось работать на условиях немцев. С дистанции метров в сто, с околицы села заработали три трофейных пулемета. Народ попался толковый и на объяснение, что на слишком долгую стрельбу с одного места, как правило, прилетает снаряд, отреагировал достаточно серьезно. Выпустив несколько очередей на двадцать-тридцать патронов, быстро меняли позицию. На фоне такого вот балета три снайпера, я, Малой и Миронов вполне спокойно и качественно уменьшали количество командного состава противника и пулеметчиков.

Закончилось это тем, что наш один пулеметный расчет все-таки накрыли прямым попаданием, а Миронов еле сумел выбраться живым из сарая, в который попал снаряд. Эффективно работающие из полуавтоматических винтовок снайперы очень разозлили противника, и танки уже целенаправленно расстреливали не пулеметные точки, а снайперские позиции.

Пришлось отступить в глубь поселка. Но все равно удавалось постреливать в перебегающую пехоту. Учитывая эффективный огонь русских снайперов, немецкий командир решил входить в поселок под прикрытием брони. Так они смогли бы сократить дистанцию и свести к минимуму эффективность огня русских стрелков. Чего мы и добивались.

Сначала в село на максимальной скорости ворвались три танка, обстреливая из курсовых пулеметов места возможного расположения противника. За ними, на дистанции метров пятьдесят двигалась пехота.

Вот тут и получилось максимально эффектно показать превосходство противотанкового вооружения двадцать первого века. Первым выстрелил из «Мухи» Воропаев в концевой танк. Видимо, парень сильно волновался и вместо того, чтобы целиться в стык башни и корпуса, засадил в двигательный отсек. Но и этого хватило. Бензиновый движок красочно вспыхнул. Тут же я и Вяткин подожгли каждый свой танк. Я-то стрелял, как учили. Наверно, это на роду написано – у меня, как всегда, сдетонировал боекомплект.

Немецкая пехота, не ожидавшая такой быстрой расправы с танковым прикрытием, чуть приостановилась в своем беге и тут же нарвалась на полный огонь всех красноармейцев. А когда на поле боя нарисовался автоматический гранатомет, который очень удачно положил серию мин, немцы побежали.

Пока немцы отступали под плотным огнем, я отозвал Вяткина и строго-настроено приказал разыскать и собрать все пустые тубусы от гранатометов и, если найдут, то и остатки от противотанковых выстрелов. Не хватало еще, чтобы немцы их нашли, изучили и начали клепать раньше наших.

По моим подсчетам у нас на все про все, пока немцы будут перегруппировываться и вызывать подкрепление, осталось около часа. За это время нужно сыграть спектакль перед предателем и покинуть село. Миронов по моей команде расположился недалеко, и в его задачу входило ранить в плечо убегающего предателя.

Убедившись, что недалеко связанным валяется Силантий, я стал разыгрывать представление. Предатель ясно услышал, куда мы пойдем, в каком составе. Особенно подчеркнул на особой охране специалистов по радиоподавлению.

– Стоп, Вяткин, а этот что тут делает? – крикнул я, якобы только что увидев Силантия. – Он же все слышал. Отвести за дом и расстрелять. – Сам ему подмигнул. – Еще не хватало, чтоб он все немцам растрепал.

– Есть, товарищ капитан.

Вяткин, подняв за шиворот предателя, потащил его за дом. Там раздался выстрел, а затем вопли:

– Стой, сволочь, все равно убью!

Развязавшийся Перпутько убегал к лесу, петляя, словно заяц. Раздался одиночный выстрел. Предатель упал, покатился и замер недалеко от крайнего дома.

– Кукушка-два, ты его там не завалил?

– Нет, Феникс. Притаился гнида.

– Хорошо пусть лежит.

Ладно, хоть одно дело сделали.

– Всем, собираемся и уходим. Контролировать фланги. Немцы вполне способны обойти. Марков, позаботься, чтоб немцы не смогли восстановить ни танки, ни бронетранспортеры. Жги, взрывай, у тебя двадцать минут.

Через полчаса мы окончательно покинули деревню. Во время боев за эту деревню мы потеряли двенадцать человек, в том числе Супонина, который спас мне жизнь. Немцы, по моим подсчетам, около роты, причем в основном СС, а это уже элита.

У нас всегда были хорошие воины, вот только не всегда хватало нормальных командиров, практика негативного кадрового отбора чувствовалась всегда, и длилось это на протяжении всей истории России. Что было в царские времена, что в советские, а то, что было в наше время, после развала СССР, вообще доброго слова не стоило.

Надо только умыться кровью, чтобы начинали думать и выдвигать действительно талантливых командиров, а не заживевших генералов мирного времени. Вся история войн это подтверждала, что Первая мировая, что Великая Отечественная.

Отойдя в лес, перегруппировались и двинулись в сторону деревни Запрудье. Прежде чем окончательно уйти, пришлось разобраться еще с двумя шпионами. Спектакль был почти такой же, только одного из них при попытке побега Миронов просто застрелил для убедительности. Теперь немцы как минимум из двух источников будут знать, что мы уходим к деревне Каштановка, где у нас спрятано оборудование и где нас должен будет подобрать самолет. Реально к этой деревне уходили мы с Мироновым, Воропаевым и снайперами. Еще к нам примкнул сержант Марков, по общему молчаливому одобрению. Да и я был не против – его еще по боям в Могилеве помнил.

Вместо деревни Запрудье отряд двинулся южнее, в сторону Смоленска. Тут я наконец-то выяснил, кто такой сотрудник НКВД, которого прятала девушка Надежда.

Это оказался старый знакомый, капитан Чистяков, заместитель начальника Могилевского управления НКВД.

Мы с ним нормально пообщались на привале. Он пока идти не мог, и ему помогли два бойца.

Увидев меня, он дружески улыбнулся и протянул руку. Я ее пожал. Все-таки в той истории он был партизаном и погиб, прикрывая отход отряда. Да и здесь вроде труса не праздновал.

– Привет, капитан, как узнал, кого немцы ищут, так и понял, что ты скоро заявишься. Вот не ошибся. Причесали мы их сегодня. Да и в Могилеве ты отличился. Я так понимаю, что ты скоро нас оставишь и пойдешь заниматься своими делами.

– Да, ты прав. У каждого свой путь. Времени мало. А бегать по лесам и отстреливать немцев, это и без меня есть кому. Вот думаю тебе предложить отряд возглавить. Ты капитан, как раз по чину. Не могу я за всех болеть, уж слишком все серьезно, а время уходит. Я тут к немцам двух предателей отпустил, они как раз слышали, что мы в Каштановку уходим, что у нас там склад боеприпасов и оборудования и нас оттуда заберет самолет. Так что, думаю, вас ловить не будут. Да и мы тут в стороне пошумим.

– Я понимаю. Когда уйдешь?

- Сегодня вечером, со своими.
- У меня одна просьба.
- Говори.
- Помнишь сержанта Демина, он еще со мной приезжал.
- Да, помню, мордастенький такой.
- Да вот видел, как сука сам сдался в плен к немцам. И меня сдал. Если будет возможность, найди и накажи гада.
- Тут обещать не могу, если будет такая возможность, от тебя передам привет.
- Этого достаточно. Спасибо тебе.

Мы пожали друг другу руки и разошлись. Чистяков стал прибирать отряд к рукам и готовить к маршу. А я, собрав свою группу, стал проводить инструктаж по поводу дальнейших действий.

На небольшой полянке похоронили погибших, в том числе и Супонина. Пленных немцев по-тихому прирезали и закопали подальше в лесу, пользы от них никакой уже не было.

Мы ушли, ни с кем не попрощавшись, такова специфика – уйти незаметно. Нам еще предстояло выполнить обещание пошуметь в стороне и дать Чистякову с бойцами спокойно покинуть этот район.

АГС-17 из-за отсутствия боеприпасов уже был не нужен, поэтому его разобрали и тащили по частям к portalу возле деревни Запрудье. Также с собой забрали использованные тубусы от одноразовых гранатометов. Марш-бросок в темноте, с использованием приборов ночного видения, выдался нелегким, но к утру группа вышла к местам боев, где раньше держали оборону части 747-го стрелкового полка. Последние метров пятьсот пришлось преодолеть с большим трудом, так как территория еще могла быть заминирована и испещрена окопами и воронками от взрывов. Эвакуация в портал прошла практически без проблем. Связавшись по радиостанции, мы получили подтверждение об открытии перехода, увидев инфракрасный фонарь, который выкинули для обозначения точки входа. Забравшись по стремянке, мы оказались в знакомой комнате с установкой. Один только Марков сидел и с удивлением вертел по сторонам головой.

Радости обитателей бункера не было предела. Они тоже не сидели без дела и прослушивали наши переговоры и, судя по тому, как я матерился в эфире, было понятно, что хлебнули много всего. То, что моя супруга помалкивала, меня не обманывало, очередной сеанс «лесопилки» я ожидал в ближайшее время.

Одно только омрачило впечатление вечера. Виктор, которого прооперировала Марина, умер. Перенастроив установку на старое место, после завтрака мы отправились на самое первое место в лесу, там вырыли могилу и похоронили его со всеми почестями. Он умер как настоящий боец. Я таких всегда уважал.

Прежде чем начинать двигаться дальше, осталось еще одно незаконченное дело – в подвале полуразрушенного дома в Могилеве осталась аппаратура, которая ни при каких условиях не должна попасть в руки к немцам.

Глава 23

Командир 2-й моторизованной дивизии СС «Райх» Пауль Хауссер был в бешенстве. Как истинный потомственный военный с глубокими прусскими корнями, он не позволял себе срывать злость или ненависть на подчиненных в грубой форме. Его бешенство перерастало в холодную сосредоточенность, которая требовала обязательных действий и выражалась в точных, обдуманных приказах. Прошедший Первую мировую войну и, как все ветераны, желающий реванша, он старался при этом не терять голову. Став командиром одной из элитных дивизий СС, он прекрасно понимал, что война на Восточном фронте будет тяжелой и продолжительной, в отличие от большинства офицеров СС, считавших войну с русскими варварами воскресной прогулкой. Все его предчувствия оправдывались и подтверждались день ото дня. Фанатичное сопротивление русских порой удивляло, и не отошедшие от боя его подчиненные часто допускали вещи, недостойные солдата. Но СС многое прощалось, и даже офицеры Вермахта с настороженностью относились к буйным соседям, которые безнаказанно переходили все допустимые границы. Расстрелы и издевательства над пленными были обычным явлением. По молчаливому согласию шефа войск СС, рейхсфюрера Генриха Гиммлера, это была их привилегия, которой они с удовольствием пользовались.

Сражение у Могилева остудило горячие головы, причем многие навечно. Упорное и изобретательное сопротивление русских заставило даже высокомерных эсесовцев уважать противника, не говоря уже об офицерах и солдатах Вермахта.

В связи с понесенными потерями в личном составе и технике дивизию отвели во второй эшелон для пополнения. Ремонтные службы в срочном порядке пытались восстановить поврежденную технику. Массовое использование русскими новых зажигательных средств привело к большим потерям среди техники, что особенно проявилось во время боев в городе.

Пока части 47-го и 46-го механизированных корпусов взламывали оборону вокруг Смоленска, командира дивизии вызвали в штаб 2-й танковой группы, и лично генерал-лейтенант Гейнц Гудериан, приказал оказать содействие разведке в поиске группы русских, которые ночью прорвались из города, вырезав гарнизон заградительного поста на выходе.

Операция вполне рядовая, но использование частей СС для нее было необычным. Гудериан пояснил, что данная группа русских отвечает за использование новейшей системы подавления радиосвязи, которая доставила немало хлопот и привела к серьезным потерям. Дивизия Хауссера тоже попала в зону действия такой системы, и разобраться с хитроумными русскими для него стало делом чести.

Пришлось выделить в распоряжение специальной команды, прибывшей из Берлина, моторизованный батальон. Для усиления батальона, по личному приказу генерал-лейтенанта Гудериана были выделены четыре отремонтированных танка с экипажами из мастерских, организованных на базе железнодорожного депо Могилева. Численность русских оценивалась как десять-двадцать человек, и особенных неприятностей, кроме как новых проделок его подчиненных с местным населением и потери времени, он не ожидал.

Но события, произошедшие позже, заставили его пересмотреть свои взгляды. Потеря четырех танков, трех бронетранспортеров и ста сорока солдат и офицеров больно ударила по самолюбию обергруппенфюрера СС. Понести такие потери в тылу действующей армии при прямом столкновении с малочисленной группой русских было очень удивительно и, конечно, непростительно для элитного подразделения Рейха.

Найдя руководителя поисковой операции, начальника группы Абвера, прибывшей из Берлина, он высказал все, что думает о разведке, которая подставляет его солдат под русские пушки, не предупредив об этом. То, что прямое руководство войсками СС осуществлялось

рейхсфюрером СС Генрихом Гимлером, позволяло ему не бояться снобов из разведки и не стесняться в выражениях.

Выпустив пар, оба офицера перешли к более конструктивному разговору. Хауссер подробно выслушал доклад разведчика о столь эффективных действиях русских и в сопровождении охраны выехал к основным местам событий, чтобы прояснить ситуацию на месте.

Осмотрев остовы сгоревших и взорванных танков, трупы солдат, Хауссер выслушал доклад исполняющего обязанности командира батальона, так как сам командир был убит снайпером в самом начале боя.

Картина была нерадостная. Ночью отряд русских окружил в лесу разведгруппу и уничтожил ее. Устроив для вида перестрелку с поднятыми по тревоге солдатами расквартированной в селе роты, обойдя с флангов, уничтожил основные силы, подорвав при этом один танк и два бронетранспортера. Затем взял штурмом здание местного сельсовета, где забаррикадировались остатки роты. По показаниям очевидцев, в плен при этом попали двое солдат, командир роты и приданный представитель разведки. Что с ними, не известно. Противник, отступая, забрал пленных с собой.

Получив сигнал о нападении, основные силы усиленного батальона двинулись к селу и на рассвете выслали мобильную разведку. Никто не слышал выстрелов, но вся разведгруппа была уничтожена. Зная коварство русских варваров, командир батальона оговорил с разведгруппой кодовые сигналы. Но когда на окраине появился солдат и стал махать руками, командир батальона насторожился и приказал дать несколько выстрелов в сторону поселка. В ответ из-за домов открыли плотный огонь несколько пулеметов. Причем огонь велся весьма грамотно, и пулеметы постоянно меняли свои позиции. Пока велась стрельба по пулеметным точкам противника, никто не заметил меткого огня русских снайперов. Только смерть командира батальона и нескольких нижних чинов заставила всерьез отнестись к русским.

Снайперский огонь был достаточно точным и плотным. Потери личного состава быстро росли, и танковый и пулеметный огонь по поселку не приносил реальных результатов. Пехоту расстреливали, как в тире. Поэтому офицер, принявший на себя командование батальоном, решив, что обороняющихся немного и противотанковыми средствами они не обладают, двинул вперед танки. Но это оказалось очередной ловушкой русских. Танки, ворвавшиеся в деревню, были сразу уничтожены. А по бегущей к окраине деревни пехоте открыли плотный ружейно-пулеметный огонь. После того как порядки залегшей пехоты попали под минометный обстрел, командир принял решение отойти. Попытка развернуть свои минометы закончилась гибелью нескольких расчетов от снайперского огня. Додумавшись прикрыть позицию минометной батареи бортами бронетранспортеров, наконец-то окрыли огонь по селу. Но к этому моменту огонь со стороны противника стих. Наблюдатели показали, что противник отступил и скрылся в лесу. Из-за опасности засады и больших понесенных потерь новый командир батальона решил не рисковать и под прикрытием бронетранспортеров солдаты вошли в село. Противник не был обнаружен.

Что ж, русские на глазах учатся воевать. У разведки в селе был свой человек. Так вот он, тяжело раненный, был подобран. И если б не заступничество представителя Абвера, то озверевшие солдаты его бы просто прирезали. Но он рассказал, что командовал русскими офицер НКВД, капитан Зимин, которого все так усиленно ищут, причем он прекрасно знал о том, что его ждут. И то, что отряд русских потерял всего двенадцать человек и ушел в сторону деревни Каштановка, где их должен подобрать самолет.

Но Пауль Хауссер отнесся весьма критично к такому известию – русский капитан не производил впечатления идиота. Еще одна интересная подробность: русские были снабжены радиопередатчиками, по которым они переговаривались во время боя, что качественно сказывалось на эффективности.

Но ближе к обеду в расположение батальона вышел русский красноармеец, представившись агентом разведки и предупредив, что у него сведения особой важности.

Это был один из людей, внедренных в группу отступающих русских для сбора информации. Он подтвердил информацию о том, что русские ушли к деревне Каштановка, где они с двумя инженерами будут эвакуированы самолетом.

Отдав соответствующие распоряжения по поимке русских и снова выказав свое недовольство представителю разведки, Хауссер отбыл в расположение дивизии, втайне надеясь, что русских там не окажется. Пусть Абвер ошибется, и вся вина в гибели его людей будет возложена на разведку и их недостоверные данные.

Как ни странно, но Хауссер оказался прав. Абвер не стал делиться всеми данными с СС, и с некоторых пор операции по поиску капитана Зимина был придан особый статус. Это произошло после того как в фильтрационном лагере военнопленных один из заключенных изъявил готовность к сотрудничеству. Он оказался сержантом Могилевского управления НКВД, который во время боев переделся в форму убитого красноармейца и воспользовался его документами. Во время допроса был выявлен, после соответствующей обработки стал давать показания, и часть их касалась разыскиваемого Зимина. Тогда и стала известна судьба без вести пропавшей группы из полка «Брандербург-800» Отто Шлеера, заброшенной в окрестности Могилева. Данные о визите в город высокопоставленного сотрудника ГУГБ НКВД, по словесному портрету очень похожего на Судоплатова, специально для встречи с Зиминим, заставили немцев с утроенной силой собирать любые крохи информации. И то, что было собрано, специальным рейсом отправилось в Берлин, прямо на стол начальнику Абвера-1, полковнику Гансу Пикенброку.

Глава 24

В Москве в последнее время фамилия Зимина несколько раз всплывала в разговорах особо доверенных лиц, допущенных к операции «Оракул». Собранные с фронтов данные по боевому применению бронетанковой техники, авиации, артиллерии по особому распоряжению в первую очередь отправлялись в специальное подразделение Главного Управления государственной безопасности. Сравнительный анализ данных, полученных от Странника, и собранной информации с фронтов заставил специалистов отнестись с большим вниманием к другой информации. Оказалось, что анализы, сводные таблицы Странника дают более полную и развернутую картину, нежели та, что по крупницам собирается на фронтах, с учетом того, что советские войска отступают, и часто объективные данные просто не успевают доходить до Москвы, а подбитая техника, которая требует изучения, достается немцам. Такие выводы были доведены до высшего руководства. То, что специалисты получили не всю информацию, понимали многие, но специфика организации такова, что лишние вопросы в ней не приветствуются.

На фоне драматической обстановки, сложившейся на фронтах, Лаврентий Павлович регулярно интересовался выводами специалистов, и его уверенность в правильности решения по Страннику крепла. Несколько раз на совещаниях Хозяин интересовался положением дел по этому направлению, и во второй половине июля было проведено первое совещание с техническими специалистами, отвечающими за разработку и выпуск боевой техники. На основании информации, полученной от Странника, были выработаны указания и рекомендации по доработке в кратчайшие сроки выпускаемой техники. Аналогичные вопросы решались по противотанковым гранатометам. Но при разработке данной темы столкнулись с большим количеством технических трудностей, особенно это касалось кумулятивного заряда. В конце двадцатых годов в СССР профессор Сухаревским проводились теоретические исследования по кумулятивным зарядам. Но на начало войны действенного, принятого на вооружение кумулятивного боеприпаса не было. Данные о массовом применении немцами бронепрожигающих средств у советского руководства уже были. Работы по этому направлению продолжались без особенных успехов, исходя из ситуации, было принято решение взять за основу немецкий трофейный боеприпас. Но по информации, переданной Странником, проблема решалась намного быстрее, и теоретические выкладки, приведенные в послании, поставили в тупик ученых. Таких разработок в мире пока никто не проводил, а перспективные разработки по тандемным кумулятивным боеприпасам, рассчитанным на пробитие перспективных активных типов защиты бронетехники, вызывали восхищение. Решение проблемы кумулятивных боеприпасов позволяло создать ручные противотанковые гранатометы, способные уничтожить любую бронированную технику противника на нынешний момент. Хотя, по информации Странника, в Германии проводились разработки новых тяжелых танков, вооруженных более мощными пушками, позволяющими уничтожать стоящие на вооружении РККА новые танки типа Т-34, КВ-1 и КВ-2 с противоснарядной броневой защитой. Появление на фронте такой техники привело бы к коренному изменению обстановки в худшую сторону для Красной Армии. Чертежи, технические характеристики и примерные сроки появления на фронте приводились.

После такой информации уровень доверия к Страннику намного возрос. Была создана специальная оперативная группа по контактам со Странником. Но тут возникли проблемы. Могилев, в котором проходили основные встречи с курьером, был захвачен противником. По имеющейся информации Курьер, капитан Зимин, остался в городе и принимал активное участие в боях. Майор Ковалев, который оставался в Могилеве, был тяжело ранен и практически последним самолетом эвакуирован в Москву. После разгрома 13-й армии, контакт с войсками в городе был потерян. По отрывочным данным бои в городе продолжались до конца июля, и Курьер принимал в них самое активное участие. Предложенная им новая зажигатель-

ная смесь с незначительными изменениями была принята на вооружение и производилась в больших количествах для нужд РККА.

По агентурным данным, Зимина с неменьшим усердием разыскивали и немцы. Интерес был связан с применением установки для постановки помех радиосвязи. Информация немцами была получена, видимо, от пленных. Но отряду, возглавляемому Зиминим, удалось с боем вырваться из города и уйти в леса. По непроверенным данным, там произошло несколько столкновений со специально привлеченными для поисков частями СС, в которых немцы понесли серьезные потери, а Курьеру удалось уйти в неизвестном направлении. В район Могилева была отправлена специальная группа, в задачу которой входил поиск новых контактов со Странником. Во все особые отделы Западного фронта была отправлена директива об обязательном сборе информации относительно Зимина у всех, выходящих из окружения. Особое внимание при допросе пленных уделялось возможным данным о состоянии дел в Могилеве и его окрестностях. Учитывая, что на тот момент там находился штаб 2-й танковой группы Вермахта во главе с генерал-лейтенантом Гейнцем Гудерианом, такие расспросы не должны были вызвать особого интереса у противника.

* * *

Дав себе и людям суточный отдых, я наконец-то позволил себе провести больше времени с семьей. Но нарастающий вал проблем как в бункере, так и на поверхности, в нашем времени не позволял отдохнуть в полной мере. Активный радиообмен на поверхности наводил на мысли о появлении не самых лучших соседей и о необходимости принятия мер по этому поводу. Наличие недалеко от бункера ветрогенераторов само по себе являлось сильным демаскирующим фактором, и часто работающие дизели тоже могли привлечь внимание.

Поэтому, после того как я нормально выспался, пришлось провести совещание с обитателями бункера. На повестке стояло несколько вопросов. Один из первых касался того, что почти постоянное использование энергосистемы бункера для поддержания портала быстро сокращало запасы горючего. Пополнять запасы на оккупированной противником территории было очень опасно и почти нереально, разве что устроить нападение на дивизионные склады ГСМ. С нашими силами это просто смешно. С продуктами было получше. Но, по моему мнению, если наверху узнают про такие запасы, нас никакие минные поля и завалы не спасут. Судя по радиоперехватам, в Симферополе и его окрестностях рыскали группы, ориентированные на поиск продуктов и горючего. Те же радиоперехваты показывали, что поисковые команды принадлежат к разным группировкам и между ними частенько возникали стычки с применением не только стрелкового оружия. Можно было сделать вывод, что наверху разгоралась война за ресурсы и выживание, и особого желания влезать туда не было. Но радиоперехват не прекращали и проводили дополнительный сбор информации по позывным, частотам, кличкам и возможным путям движения и местам постоянной дислокации.

Другой не менее важной проблемой, которая волновала вновь прибывших, была помощь Красной Армии в войне. И тут главное не навредить. То, что в оккупированном Могилеве остались в схроне ноутбук, радиосканер, и мощный полупроводниковый радиопередатчик тоже не давало покоя. Сам по себе радиопередатчик был необходим для установки связи с Москвой, так как был в единственном экземпляре, и искать аналогичный в нашем времени затруднительно. Город будет освобожден только в 1944, и есть большая вероятность того, что немцы, как рачительные хозяева, займутся восстановлением города и могут выкопать то, что им никак нельзя находить. Поэтому придется совершить вояж в сам город в ближайшее время, чтобы решить как минимум две проблемы.

Опасность такого визита была не просто велика, она была огромна. Город полон войск противника, плюс в нем расположен штаб крупного армейского соединения, значит, соблюда-

ется жесткий режим патрулирования. Оборудование, конечно, укрыто в подвале одного из разрушенных домов, и туда немцы не полезут в первую очередь. Как правило, сначала изучаются и разминируются уцелевшие дома для размещения личного состава, штабов и других учреждений. Так что некоторый запас по времени есть, да и оборудование пряталось на окраине города перед прорывом, для облегчения последующей эвакуации. Вот с такими мыслями я и открыл собрание по поводу дальнейших действий. Наблюдая за своими новыми соратниками, мысленно поражался отсутствию всяких футуристов. Видимо, вызванный во время боев шок и последующее переформатирование сознания пробудили у людей высокие адаптивные способности.

Идея постройки второго портала на значительном удалении от первого и исследования точки выхода возникла, и не раз, но я отложил ее ненадолго, до решения вопроса по эвакуации оборудования из оккупированного Могилева.

Вывалив проблемы на окружающих, подталкивая их короткими репликами, направил рассуждение в нужную сторону. Естественно, визит в Могилев практически всем не понравился. Слишком все выглядело авантюрно. Но при обсуждении нюансов и подготовительных мероприятий, вырисовывался довольно правдоподобный план. В первую очередь решили использовать форму, снятую с эсэсовцев. Чтобы не играть втемную, я все-таки предупредил людей:

– Учтите, если попадем к немцам в руки в эсэсовской форме, грохнут однозначно и при этом, конечно, помучают. По всем законам войны бойцы, переодетые в форму противника, расстреливаются сразу. Еще то, что мы им недавно устроили, припомнят. Единственное, что может спасти, это принадлежность к группе капитана Зимина. Тогда помучают, но расстреливать сразу не будут. И вот тут появляется шанс.

И я выложил свой план относительно того, чтобы создать так называемый склад, где якобы хранятся детали системы радиоподавления. Народ как-то странно на меня начал смотреть. Пришлось разжевать свою идею. На поляне, недалеко от портала, создается большая и хорошо продуманная ловушка. Поляна минируется таким образом, что все центральное пространство накрывается полностью. Основные подходы к поляне минируются раздельно и будут подрываться отдельно, по команде оператора, исходя из количества противника. Для того чтобы захваченный или захваченные уцелели, роются и маскируются несколько достаточно глубоких ям, спрятаться в которых можно будет только по команде оператора. Ямы перекрываются подпиленными деревянными брусками, которые будут подорваны под спасающимися с помощью маломощных зарядов, чтобы раньше времени не демаскировать укрытия. Все, конечно, заумно, но народ уже привык мне доверять, и по мере распределения обязанностей и объяснения основных этапов людьми овладел здоровый энтузиазм. Для организации ловушки пригодилась радиоуправляемая игрушка, в которой с помощью пульта можно было задействовать шесть различных устройств. Конечно, примитивно, но как суррогатный вариант сойдет. По прошествии четырех дней ловушка была готова, легенды, которые все должны рассказывать в случае попадания в плен, проработаны в деталях. В общем, гонял группу в лучших традициях романов про разведчиков.

Еще одно нововведение было в том, что почти каждому в каблук сапога был вмонтирован малогабаритный вызывной радиомаяк. В случае разделения подразделения можно было по маяку найти человека на расстоянии до пяти-восьми километров.

Когда наконец-то подготовительные мероприятия были закончены, группа собралась в главном зале. Все были облачены в форму противника, и поверх нее надет камуфляж того же происхождения. Вооружение также было представлено трофейными образцами. В случае столкновения с противником три-четыре секунды замешательства противника у нас были, и это могло дать большое преимущество.

Конечно, этим наше снаряжение не ограничилось. Были и снайперские винтовки, ну куда без них, и пистолеты с глушителями, и приборы ночного видения, и радиостанции, и пара гранатометов, если уж выхода не будет. В любой ситуации мы должны иметь преимущество перед противником. Оптимальным было проникнуть в город ночью, чтобы наилучшим образом воспользоваться нашим техническим превосходством. Поэтому было принято решение высадиться ночью в максимальной близости от города, возле деревни Запрудье, и до окрестностей города двигаться только ночью. Там забазироваться, переждать светлое время суток, на следующую ночь проникнуть в город, изъять содержимое тайника и вернуться обратно. Еще одно предложение поступило от почти всегда молчавшего Малого. Мудрый охотник обратил внимание на то, как будем уходить от погони в случае обнаружения, если по следу пустят собак. Просидев полчаса за компьютером, роюсь в базах данных, я нашел более или менее компромиссное решение. По моему совету все сшили себе из брезента бахилы и до выхода вымачивали их в керосине и ацетоне. Когда выходили, бахилы были упакованы в целлофановые пакеты каждому индивидуально и в случае погони просто надевались бы на ноги.

Вот с таким планом мы двинулись в сторону Могилева. Группа уже была сработанная, поэтому передвигались вполне спокойно, поддерживая хороший темп. К началу рассвета без приключений уже были в окрестностях города. По дороге, конечно, встретили несколько патрулей, я бы удивился, если б их не было. Но обнаружить разведгруппу весьма проблематично, особенно когда это не входит в ее планы и не знаешь где искать.

На светлое время суток разместились в небольшом лесочке, прилично замаскировавшись. При этом, пока было светло, Миронов и Малой выдвинулись ближе к городу и изучали расположение постов, огневых точек и пути следования патрулей.

«Лохматки», усовершенствованные с помощью свежей травы, веток и листвы, не позволяли нас заметить с десяти шагов. Все бесшумное оружие было приготовлено для немедленной стрельбы, чтобы в случае чего оперативно и бесшумно устранить угрозу демаскировки группы. Используя составную систему из двух радиосканеров, один из которых был у нас, а второй возле точки перехода, удавалось получить приблизительную картину расположения радиопередатчиков в радиусе двадцати-тридцати километров. Как и предполагалось, в городе работало несколько мощных источников излучения, что говорило о наличии узла связи крупного войскового соединения. Никаких языков брать не собирались, и наша задача была максимально проста: войти в город, изъять оборудование и по-тихому уйти.

Окрестности города представляли собой жалкое зрелище. Многодневные бои и сметающаяся к городу под постоянным давлением немцев линия обороны превратили некогда цветущий край в выжженное пространство, покрытое воронками, траншеями, остовами техники. Может быть, для эстетствующего интеллигента это было ужасно, но в нашем положении наоборот создавало на подходе к городу много естественных укрытий, с помощью которых можно было незамеченными пробраться в город. Снайперы, они же наблюдатели, рассмотрели в городе активные восстановительные работы с использованием в качестве рабочей силы местного населения и большого количества военнопленных, преимущественно рядового состава. Правильно, никто и никогда не держал вместе рядовых и командный состав. Любой командир в такой среде автоматически становится центром кристаллизации и организации устойчивой дисциплинированной группы, которая по определению опасна и минимум может привести к организованному побегу.

Система постов была не настолько плотной, и вряд ли все окрестности города освещались фонарями и прожекторами. По сути дела это уже была зона глубокого тыла, и в городе плотно охранялись кварталы, где были расположены штаб 2-й танковой группы и административные учреждения оккупационных властей. Хорошо, что место тайника находится вне этой зоны и вряд ли у нас возникнут особые трудности.

Около двенадцати часов, когда у «правильных» немцев начался отбой, а на улицах остались только патрули, мы, экипировавшись приборами ночного видения и бесшумным оружием, стали выдвигаться к окраине города. Перемещаясь короткими перебежками от укрытия к укрытию, удалось незамеченными проникнуть на окраину. Сняв с себя «лохматки» и оставшись в немецких камуфляжах, стали продвигаться к месту тайника. По городу необходимо было пройти более двух километров, при наличии патрулей – не самое простое занятие. Разбившись на три пары, осторожно шли, постоянно страхуя друг друга. Несколько раз приходилось прятаться в развалинах, пропуская патрули.

Но, к сожалению, все хорошо быть не может. Находясь в двухстах метрах от искомого дома, умудрились нарваться на патруль с собакой, видимо, в развалинах иногда еще прятались или местные жители, или беглые пленные, и патрули с немецкой педантичностью обыскивали развалины. Передовая пара с Малым обнаружила этот патруль раньше, и мы успели, как положено, спрятаться среди обломков строения.

– Феникс, это Кукушка-один, патруль с собакой. Просто так не пройдут.

Пришлось принимать решение. Когда разведка начинает стрелять, это считается практически провалом.

– Понял вас, Кукушка. Работаете патруль, мы на подстраховке.

– Злой. – Это был позывной Маркова, который был в отряде штатным пулеметчиком и таскал на себе немецкий MG-34.

– На связи.

– Это Феникс, Кукушки работают по патрулю, разверни свой аппарат, прикрой тыл.

– Вас понял, исполняю.

– Зяблик, на тебе левый проход.

– Понял, исполняю, Феникс.

До этого пришлось долго гонять народ, чтобы научить правильно пользоваться радиосвязью. Но ничего, поняли, прониклись, осознали. Предки были не глупее нашего.

Собака залаяла и рванула в сторону, где спрятались снайперы. Немцы настороженно изготовили оружие к стрельбе, но несколько тихих хлопков – и ВСС и парабеллум с глушителем заставили их попадать на землю. То, что они готовы, я не сомневался. Два снайпера с автоматическим оружием на такой дистанции вряд ли промахнутся. Вертлявая собака, получив сначала пулю в шею, взвизгнула, и вторым выстрелом ее добила в голову. Она так и осталась лежать возле своего хозяина, на которого своим лаем и собачьей преданностью навлекла смерть. Подождав секунд тридцать, мы с Вяткиным выскочили из укрытия и бросились к снайперам, помочь им спрятать тела патрульных. Пока мы их таскали в развалины и засыпали камнями, Миронов расположился чуть впереди, взяв на прицел направление, откуда могла прийти помощь. Поставив ради приличия пару растяжек, мы засыпали напоследок песком кровь, которая осталась от лежащих на дороге тел, и быстро двинулись вперед, стараясь уйти подальше от места ликвидации патруля. Минут через двадцать добрались наконец-то до искомого дома. Как положено, выставив наблюдателей, я сам с Вяткиным пролез в подвал и стал выкапывать тайник с техникой.

Сначала пришлось обезвредить несколько хитрых ловушек, которые я с изощренной изобретательностью выходца из двадцать первого века наткал в подвале. Несколько растяжек с противовесом и на закуску фугас в пять килограммов тола. Наличие всех моих сюрпризов в целостности и сохранности говорило о том, что ни немцы, ни наши сюда не добрались. Когда основные работы были выполнены, на связь вышел Воропаев.

– Феникс, это Зяблик.

– На связи.

– У немцев поднялась суматоха, бегают по улицам, кажется, ищут пропавший патруль.

– Ё... Быстро работаем и уходим. Зяблик, продолжайте наблюдение.

– Всем циркулярно. Усилить наблюдение. Ждем гостей. – И с усиленным рвением стал выкапывать оборудование.

Когда наконец-то удалось вытащить замотанные в брезент устройства, со стороны окраины, где спрятали тела уничтоженных немцев, раздался сильный взрыв – сработала моя растяжка. В городе завывали сирены. Все, значит, наше присутствие здесь почти раскрыто. И вот теперь начнут искать основательно. Пока была возможность, по-быстрому сделал пару ловушек из растяжек и тола, который был заложен в тайнике. В общем, немцев ожидает еще пара сюрпризов. Уже убегая, включил немецкий трофейный фонарик, направив луч в сторону города, и кинул его в ловушку в виде приманки.

– Всем, груз у нас. Уходим.

Распределив груз между членами группы, стараясь забирать левее от места взрыва, мы почти открыто двинулись к окраине города. Надо было побыстрее уходить, пока поднялась суматоха, в немецкой форме у нас был шанс затеряться, изображая из себя очередную поисковую группу. Не думаю, что противник подумает о наличии разведывательно-диверсионной группы в городе, слишком уж невероятно это. Будут искать не диверсантов, а оставшихся в живых защитников города или на худой конец местных жителей.

У немцев, конечно, система безопасности великолепная, с их нынешним уровнем радиосвязи. Так быстро выявили исчезновение патруля и так оперативно отреагировали. Сейчас начнут нас отсекают и в случае огневого контакта выдавливать на один из блокпостов.

Затаившись в одном из домов, пропустили мимо себя несколько тревожных групп противника. Сейчас скрытно перемещаться уже было практически невозможно. Минут через двадцать получилось перейти через полуразрушенные дома на другую улицу, где было поспокойнее, но тут рванул мой фугас, и стало еще веселее. Немцы забежали, как тараканы при включении света на кухне у студентов. По улице пронеслось несколько бронетранспортеров и грузовиков с пехотой. Надев на себя немецкие каски, построившись в колонну, мы легким бегом двинулись подальше от всей этой беготни, изображая одну из тревожных групп, поднятую по тревоге.

Тут на прямой дорожке столкнулись с такой же группой, человек в десять, двигавшейся к нам навстречу. Все, веселье закончилось, начинаются тяжелые полевые трудовые будни. Я осторожно сказал в гарнитуру радиостанции, не оборачиваясь к остальным:

– Приближаемся максимально близко, валим из бесшумников. Злой, Зяблик, на вас тыл.

Они, увидев людей в эсесовской полевой форме, наверно, удивились, но ненадолго. В разговор вступать с ними никакого желания не было, но не обмолвиться словами было некрасиво. Нам удалось приблизиться метра на три и с близкого расстояния, практически в упор открыть огонь из бесшумного оружия. При этом я шел вперед, а Малой и Миронов разбежались в стороны, увеличивая сектор обстрела. Три парабеллума с приделанными самодельными глушителями захлопали, уничтожая противника. Нам понадобилось шесть секунд, чтобы уничтожить десять человек, при этом каждый из немцев гарантированно получил смертельное ранение. На этом наше везение закончилось, улицу и лежащие на ней тела осветили фары приближающегося грузовика.

– Тормози грузовик! Не стрелять до команды. Злой, пулемет на машину. Начнешь стрелять, если из кузова полезут немцы. Я валю водилу и сопровождающего.

Вяткин, размахивая немецким автоматом, бросился наперерез грузовику. Тот, не доезжая десяти метров до лежащих тел, остановился. Из кабины выглянул пожилой унтер-офицер и что-то удивленно спросил у Вяткина, но тот картинно пожал плечами и кивнул в мою сторону. Я как раз подхожу к машине и, не говоря ни слова, стреляю в голову унтер-офицеру. Хлоп. Тот дернулся и вывалился из машины. Водила завороченно уставился на толстый ствол глушителя, впал в ступор и получил пару своих пуль. Хлоп. Хлоп. Завалился набок.

Пока было время, я зашипел в гарнитуру радиостанции:

– Быстро осмотреть, что там в кузове. Не похожи они на регулярную пехоту.

Но команда была лишней. Малой, направив ствол пистолета с глушителем параллельно с лучом фонарика, уже шарил по кузову. Миронов его подстраховывал со стороны. На наше счастье там, вместо взвода солдат, на тюках с формой и ящиках сидел полусонный солдат, который даже вякнуть не успел, как получил пулю в голову.

– Быстро тела из машины в развалины. Спрятать, оставить подарок. Фары выключить, всем надеть приборы ночного видения. Приготовить гранатометы и пулемет для стрельбы, будем прорываться.

Если обнаружат тела, чтобы раньше времени не начали искать пропавшую машину. Попытаемся вырваться на колесах, тем более до окраины около километра и на колесах намного быстрее.

Закинув тела тыловиков в развалины и положив под них небольшой взрывающийся сюрприз, мы погрузились в машину и двинулись в сторону окраины города. За рулем был опытный Вяткин, я как командир забрался в кабину, остальные разместились в кузове.

Проехав метров триста, свернули в небольшой переулок и стали смотреть, как будет развиваться ситуация. На выезде из города находился усиленный пост, и просто так прорваться на скорости не было возможности. Подготовив все имеющиеся в наличии гранаты, решили работать внаглую. Подъезжаем к блокпосту и в упор расстреливаем из бесшумного оружия. Но для большей надежности Малой стал пробираться ближе, занял позицию, чтобы в случае чего нас прикрыть. Одному человеку легче будет выбраться, чем группе, тем более в наши планы входило чуть попозже немного пошуметь, чтоб отвлечь на себя внимание. Левую и правую части тента над кузовом надрезали ножами, но закрепили наверху, чтоб одним движением руки можно было их сбросить и открыть секторы обстрела для стрелков в кузове. Ящики с консервами, которые оказались в кузове, использовали как импровизированный бруствер и защиту.

На полдороге включив фары и поснимав приборы ночного видения, мы двинулись к контрольно-пропускному пункту. Малой уже отслеживал движение на посту и комментировал:

– Феникс, это Кукушка-один. Вас заметили с поста и взяли на прицел два пулемета.

Мы подъехали ближе и нас остановили перед шлагбаумом. То, как народ на КПП был насторожен, показывало всю степень немецкого удивления нашей наглостью. Тут напоследок Малой обрадовал:

– Феникс, это Кукушка-один, правый пулемет вы закрыли, работаю только по левому. Жду команды.

– Вас понял. Работаете по команде «Огонь».

Приготовив для стрельбы парабеллум с глушителем и немецкую МПШку, стали ожидать подхода караульных. Вяткин держал на коленях такой же парабеллум с глушителем. В кузове Марков с пулеметом через тент взял на прицел пулеметную позицию и остатки небольшого дома, где расположились остальные солдаты караула. Воропаев приготовил для стрельбы гранатомет, а Миронов, предусмотрительно прорезав штыком тент, взял на прицел второго пулеметчика.

Немцы, конечно, не фронтовики, но и не дураки, сразу что-то заподозрили, поэтому пришлось действовать, при этом крикнув в микрофон «Огонь». Пока караульные вскидывали винтовки для стрельбы, мы синхронно с Вяткиным вывалились из машины и открыли огонь. Пулеметный расчет с правой стороны так и не успел сделать ни выстрела. Малой редко промахивался. А вот с нашей стороны так не получилось. Пулеметчик успел дать очередь по кабине, прямо у меня над головой, но в этот момент тент в кузове упал и сразу загрохотал пулемет Миронова. В пулеметчика я успел всадить только две пули, когда из дома стали выбегать немцы. Но Марков заставил самых прытких упасть возле входа, а остальных забежать обратно, и пока они не опомнились, Воропаев засадил прямо в дверь выстрел из гранатомета. Дом вспучился, и из окон вылетели клубы огня и дыма.

Пока мы с Воропаевым освобождали проезд, Вяткин вернулся на место водителя и сразу двинул машину вперед. Заскочив на ходу на свои места, мы рванули из города. Но долго проехать не смогли. Поврежденный пулеметной очередью двигатель зачихал, и метров через сто грузовик замер. Поэтому пришлось срочно бросать все и бежать через поле. Решение не самое лучшее. Сзади по нам ударили из пулемета, тут же к пулемету присоединялись выстрелы винтовок и короткое тьяканье автоматов. До рассвета оставалось не больше часа, и пришлось по открытому полю, обвешавшись железками, нестись в сторону леса. Бешеная гонка под нарастающим огнем противника – не самое веселое развлечение, но хорошего прожектора, чтобы нас подсветить, у немцев не было, поэтому почти благополучно удалось уйти. Почти. У самой кромки леса шальной пулей зацепило Миронова. Подхватив раненого товарища, рванули дальше – разбираться с ранением снайпера будем, уйдя подальше в лес. Но время уходило. Из города в нашу сторону выехали бронетранспортер и три грузовика, забитые пехотой, о чем нам своевременно сообщил Малой, который продолжал наблюдать за немцами из города.

Вкололи раненому обезболивающее из аптечки и наложили временную повязку, подхватили его и двинулись в максимальном темпе в лес.

Пока оказывали первую помощь Миронову, Воропаев отошел в сторону метров на тридцать, поставил две растяжки и дал по преследователям несколько очередей из автомата, для отвлечения внимания. В ответ немцы сосредоточенно обрушили на этот участок леса огонь чуть ли не двух взводов. Хорошо, что еще не было средств усиления, а то бы всем досталось.

Ситуация складывалась мало того, что критическая. Судя по всему, Миронова зацепило серьезно и придется нести на себе. Пока немцы будут разворачиваться для прочесывания и искать наши следы, есть шанс оторваться от преследования. Но такие мысли мелькали первые сто метров, потом вымотанный ночными приключениями народ стал уставать. Надо принимать какое-то решение, иначе заведомо многочисленные, свежие и разозленные немцы загонят и уничтожат всю группу, получив в руки все наше оборудование. Надо разделяться. Оставив себе только радиостанцию и прибор ночного видения, я забрал у Вяткина немецкий MP-40 и несколько дополнительных магазинов к нему, а сам двинулся в сторону немцев. Несколько гранат и пару заготовок для растяжек прихватил уже из природной вредности. После чего остатки группы с раненым ушли в сторону точки выхода возле деревни Запрудье.

Все, что могло бы заинтересовать немецких инженеров, отдал Вяткину. Сам, как самый опытный, решил поиграть с немцами в догонялки, отвлекать, пока группа удалится на приличное расстояние. Да и Малому выход из города нужно было бы обеспечить. Бойцы, конечно, попытались препираться, особенно всегда неугомонный Марков, но надавив авторитетом, я напомнил, кто командир. У меня больше опыта беготни по лесам. Надеюсь, получится. На крайний случай уйду за Днепр, там была резервная точка выхода из бункера. Оставлять группу без командира было, конечно, не очень хорошо, но в данной ситуации пришлось искать меньшее зло. Хочешь сделать все нормально – сделай все сам.

Не то, что я не доверял своим соратникам, просто если попаду в плен, то, как более эрудированный выходец из двадцать первого века, смогу поехать немцам по ушам и вынудить их сопроводить меня к нашей ловушке в лесу. А вот насчет остальных не уверен. Их быстро спецы из разведки или из госбезопасности расколют.

Глава 25

Немцы зашли в лес, как и предполагалось, в том месте, откуда Воропаев для привлечения внимания пару раз выстрелил в их сторону, обнаружив свое присутствие. Они, конечно, не лохи и место стали охватывать по всем правилам контрзасадной тактики. Но вот про растяжки в ночном лесу они не подумали, и сдвоенный взрыв простых противопехотных гранат их убедил, что не все так просто. Да и я сумел почти точно приблизиться к ним, так как, потеряв несколько человек в ловушке, они галдели не хуже цыганок на рынке. Пара немецких наступательных гранат, упавших под ноги передовому дозору, усилили эффект, и они уже не столько из профессионализма, сколько из паники открыли ответный огонь во все стороны. Ожидая такого от них, по счастью, спрятался за достаточно толстым деревом и в довершение на закуску зашвырнул через просвет между деревьев еще пару гранат, стрельнул вдогонку и стал делать ноги в противоположную сторону от деревни Запрудье, куда сейчас направлялись остатки моей группы.

Но бегать по лесу под аккомпанемент истериче-ской стрельбы противника не самое лучшее занятие. Тут на связь вышел Малой и предупредил, что в мою сторону уже выдвигаются более основательные силы и уходить надо максимально быстро, иначе перекроют весь район и тогда шанса вырваться уже не будет. Тем более нашими персонами занялись не армейские, а безопасность, которая собаку съела на таких вот догонялках и поиске разведывательно-диверсионных групп. Оставив за спиной всю эту кутерьму, я в максимальном темпе побежал в сторону от города, почти по прямой линии к Днепру. Только так можно будет уйти, если в преследовании будут использовать собак.

Когда стало светать, я отдалился от города километров на пять. Остановившись ненадолго передохнуть, надел на ноги свои противособачьи бахилы, а в освободившийся целлофан, вывернув его наизнанку, завернул прибор ночного видения и радиостанцию, которые потом спрятал в небольшом ручейке. По возможности в дороге придется избавляться от высокотехнологичной техники. Примерно зная, как будут работать загонщики, старался по мере возможности делать зигзаги, меняя направление следования, и несколько раз делал петли, забирая все ближе к Днепру.

Через час бега уже понял, что до Днепра добраться не получится – загоняли меня профессионально. То и дело нарываясь на загонщиков, приходилось убегать в другую сторону. В том, что есть единый центр, который оперативно руководит облавой, я и не сомневался. Вот тут как раз бы и пригодилась система подавления радиопередатчиков. Бегая по лесу, я по мере возможности срывал ветки и старался на ходу сделать некоторое подобие маскировочного костюма, ведь моя «лохматка» так и осталась в городе, в полузасыпанном подвале разрушенного дома. Был единственный шанс вырваться из кольца, если пойти, как кабан, на прорыв, но по-умному. Поставив две последние растяжки, сам обвешавшись ветками, я спрятался в небольшом кустарнике. И тихо, дрожа от притока адреналина, молил Бога, чтоб гады сначала подорвались на растяжке, нежели обнаружили меня. Так страшно мне давно не было. Сжимая в правой и левой руке по гранате и держа вытяжные кольца в зубах, ждал сигнала в виде взрыва. Парабеллум с самодельным глушителем лежал тут же, так, чтоб его можно было подхватить сразу после взрыва моих гранат. Цепь загонщиков приблизилась ко мне раньше, чем раздался взрыв. При этом немцы качественно прочесывали кусты и тыкали штыками во все подозрительные холмики, так что правильно я сделал, что не стал прятаться в сделанном на скорую руку схроне. Загонщики подошли метра на четыре, когда в стороне раздался взрыв, а за ним еще один. Рванув кольца, выждав ровно две секунды, кинул гранаты в разные стороны под ноги загонщикам. Сразу после взрывов вскочил и стал в бешеном темпе разряжать магазин пистолета. Немцы, оглушенные взрывами, не сразу среагировали, и мне удалось поло-

жить или ранить четверых и броситься через импровизированный проход в сторону от загонщиков. Отсутствие звука выстрелов дало небольшую фору. Пока немцы смогли среагировать и открыть огонь вдогонку, я успел по-спринтерски пробежать метров пятнадцать, виляя между деревьями, как заяц.

Я бежал и бежал. Вокруг свистели пули и часто щелкали по деревьям. Почти удалось вырваться, когда что-то ударило в левое плечо и кинуло меня на землю, заставив выронить автомат. Не ощущая боли – приток адреналина был настолько силен, вскочил и побежал дальше, чувствуя, как быстрее и быстрее уходят силы. Но мне удалось вырваться, хорошо, что легкое не задело. Пробежав еще метров сто, я изменил направление. Остановившись на полминуты, достал индивидуальный пакет и наложил повязку на рану. И в таком виде бросился дальше. От потери крови голова кружилась и ноги начали заплетаться. Как в наше время говорят, «на автопилоте» я двигался еще около часа. Выйдя к какой-то деревне, которая, видимо, не сильно пострадала во время боев, сумел забраться в свинарник, при этом пнув обалдевшего от такой наглости хряка, и затаился. Но меня заметила хозяйка, пожилая женщина. Увидев на мне окровавленную эсесовскую форму, она скривилась, но когда я заговорил, изменила свое мнение.

– Помогите, я свой... За мной гонятся.

И сполз по стене. Она что-то заговорила, но я через шум в голове уже ничего не понимал. Только и успел прошептать, что скоро тут будут все переворачивать, и пусть они выроют яму в свинарнике, меня накроют соломой, и завалят навозом, оставив небольшой приток воздуха. Надеюсь, от миазмов не успею задохнуться. Хотя вроде как хлев был убранный. Но это были последние мысли. Я потерял сознание.

Сколько прошло времени – не знаю, не считал. В таком состоянии радуешься, если чувствуешь тошноту, головокружение и дикую жажду, основные симптомы сильной потери крови. Это радость от того, что еще жив. Несмотря на затуманенный болью мозг, воспоминания о недавних событиях вспыхнули яркими картинками. Вот уж не ожидал от себя, человека изнеженного и развращенного благами цивилизации, такого твердого отношения к долгу. В глазах была темнота. Но, присмотревшись и проморгавшись, я понял, что просто нахожусь в абсолютно затемненном помещении. Более чем годовая жизнь в бункере приучила меня чувствовать землю и закрытые пространства. Ни пошевелиться, ни крикнуть не было сил. Ощущение беспомощности и страха заполонило всего меня, оно нарастало и переходило в дикую панику. Только скрип петель и полоса света, осветившая дальний угол небольшого погребка, действовали как мощнейшее успокаивающее. Свет от свечи больно ударил по глазам, но когда зрение адаптировалось к новым условиям, я разглядел свою спасительницу или, может быть, тюремщицу. Это была все та же пожилая женщина. Она пронзительно смотрела на меня, и я ощутил себя маньяком-насилником на допросе у прокурора. Глупая мысль, что сейчас буду отвечать за все свои деяния, засела в голове.

– Ну что, очнулся? – как-то неприветливо спросила она.

– Пить, – только смог прошептать я.

Она подошла и удивительно осторожно для такого неприветливого отношения и, как мне показалось, даже привычно подняла мне голову и дала сделать несколько глотков воды.

– Что ж ты так немцам не угодил, что они всю деревню перевернули? Скотину побили, собак постреляли.

Мне стало чуть лучше, но в голове все равно шумело, поэтому словесный фильтр не работал как надо и выдал первое, что пришло в голову:

– Я русский офицер и я должен уничтожить врага.

Фраза получилась высокопарной, и последние слова я не сказал, а прошептал. По прищуренным глазам женщины понял, что сказал что-то не то. Вот так попал. Офицерами-то начнут

называть только после 43-го, когда введут погоны. А сейчас это звучит как белогвардейский раритет, за который могут по-тихому и удавить. Но женщина повела себя несколько иначе.

– Офицер значит? Ты что, из бывших? Хотя молод еще.

Но я почувствовал, что начал опять проваливаться в темноту и единственное, что успел ответить, это прошептать:

– Да, офицер.

И опять тьма поглотила сознание.

Когда в следующий раз очнулся, чувствовал себя немного лучше. Прележав в темноте минут сорок, услышал характерный скрип, и снова полоска света осветила мое убежище. Хозяйка опять пришла почти вовремя, напоила меня молоком и дала немного хлеба. При этом была задумчива и частенько бросала на меня испытующие взгляды. Но, как мне показалось, к серьезному разговору не была еще готова, да и у меня сил не было дискутировать. На этот раз после кормежки я просто заснул.

По опыту знаю, что в закрытых неосвещаемых помещениях быстро теряешь чувство времени. Поэтому в свое очередное пробуждение я никак не мог оценить, сколько времени прошло. При этом чувствовал себя намного лучше, мог уже ощупать себя и понял, что немецкую форму с меня сняли, и я остался в одном нижнем белье, укрытый каким-то одеялом. Сил хватило даже для того, чтобы чуть приподняться и понять, что есть и другие желания, о которых взрослому, но беспомощному мужчине стыдно говорить. Снова во-время появилась моя спасительница. И тут она снова проявила сноровку и опыт. Я, кажется, стал догадываться об этих взглядах и о профессиональных навыках медсестры. После выполнения всех процедур, мой интерес вылился в вопрос, который ее заставил задуматься и на время замереть:

– Вы в Первую мировую были сестрой милосердия?

Через силу она ответила:

– Что, так видно? До тебя никто не замечал.

– Не кажитесь такой грубой, вам это не идет. Не ваша это роль.

– Вот ты как заговорил. А ты вообще кто такой, чтоб расспрашивать меня? И вообще как ты попал сюда в немецкой форме и раненый?

– Я офицер военной разведки. Большого знать вам не надо. Если меня здесь найдут, вас и вашу семью уничтожат. Поэтому завтра я попытаюсь уйти, чтоб на вас не навлекать лишнюю опасность. Немцы не пуганые, еще считают себя хозяевами вселенной, но скоро получают по зубам и начнут лютовать.

Она покачала головой, ухмыльнулась и сказала:

– Рано тебе еще, да и немцев в лесу много, тебя все ловят. Спи, набирайся сил, защитник Отечества.

Единственное, что я ее попросил, это вытащить из каблука миниатюрный радиомаяк, который включил в режим передачи сигнала опасности и попросил его выкинуть в огород ее дома, чтобы наши потом нашли хотя бы мои следы.

Так прошло еще пару дней. Я себя начал чувствовать намного лучше. Жаль, по дурости аптечку с лекарствами спрятал вместе с радиостанцией в лесу. Как-то все больше думал, чтобы к немцам не попало ничего высокотехнологичного, имеющего отношение к два-дцать первому веку.

Но вскоре, обостренным чувством опасности ощутил изменение обстановки, как-то странно заняло сердце и стало страшно. Появившаяся спасительница подтвердила мои опасения. Деревня была снова окружена немцами и, судя по описанию, явно эсесовцами. Со всех домов они согнали детей, заперли их в большом амбаре и облили его бензином, поставив ультиматум, что жители деревни скрывают раненого, и если его к полудню не выдадут, они сожгут всех детей. Взгляд моей спасительницы, был потухшим, и она избегала смотреть мне в глаза.

Для себя она уже приняла решение. У нее младшая дочь была в этом амбаре. Я ее понял. Я ждал этого. И принял свое решение.

– Как вас зовут?

– Ольга Андреевна.

– Ольга Андреевна, я сам к ним выйду, дайте только привести себя в порядок, у меня есть еще полтора часа и хотелось бы умереть не оборванным, бородатым бродягой, а как положено русскому офицеру. Побрейте, пожалуйста, а то левая рука все еще не работает.

Она кивнула и вышла. Пока было время, я закопал в пол глушитель и остальные вещи, которые могли бы навлечь лишние вопросы.

Через полчаса, выбритый, с вычищенными сапогами, четким шагом, но слегка покачиваясь от слабости, я направился в сторону урчания двигателей, криков и плача.

Выходя со двора так, чтоб никто не видел, где я прятался, обернувшись, увидел, как хозяйка меня перекрестила. Подавшись порыву, вернулся к ней, стал на колени:

– Благословите.

В ее глазах стояли слезы. Она перекрестила несколько раз, беззвучно что-то зашептав. Потом прижала мою голову к себе. Сцена затягивалась. Осторожно освободившись, с ее помощью встал на ноги и вымолвил:

– С Богом.

Не оборачиваясь, решительно двинулся в сторону немцев.

Глава 26

Через пять минут движения наткнулся на первую немецкую поисковую группу. Тройка эсесовцев в камуфляже волокла упирающуюся девчонку в сторону окраины села, где находился амбар. Увидев перед собой унтер-офицера в таком же камуфляже, как у них, с перевязанной рукой и без головного убора, они удивленно уставились на меня, что заставило их отвлечься от столь увлекательного занятия, как таскание молодой девушки. Мне задали пару вопросов, которые, конечно, я не понял: и в школе, и в вузах изучал английский, у меня было ограниченное количество ответов. Стандартное «Гитлер капут», которое по привычке хотел ляпнуть, вовремя замерло на языке, когда на меня направили дула двух винтовок.

– Них шизен.

– ...

– Них ферштейн. – Медленно подняв правую руку, еще не хватало, чтоб эти солдафоны меня грохнули раньше времени, несколько раз хлопнул себя по груди и утвердительно громко и по слогам выговорил:

– Каптэн Зимин.

Немцы, по всем правилам, держа на прицеле и не перекрывая друг другу сектор обстрела, взяли меня в коробочку. Из кобуры вытащили парабеллум, из которого недавно в лесу я положил несколько их сородичей и, дав пару оплеух, ткнув прикладом, повели в сторону амбара на окраину села.

По дороге столкнулись еще с одной группой, и меня торжественно повели уже вшестером. Судя по лицам, была бы их воля, меня тут же забили бы прикладами.

Выйдя на окраину, где собралась большая толпа сельчан, возле амбара, оцепленного немцами, меня повели в сторону расположившихся отдельной группкой офицеров. Тут же стояло несколько грузовиков и три бронетранспортера, два из которых прикрывали от возможного нападения из леса, а третий, с пулеметом, был направлен на жителей села, которых согнали в большую толпу. Там же, в бронетранспортере примостился скучающий пулеметчик. При виде меня среди немцев началось движение.

Меня подвели к группе офицеров, среди которых я с удивлением узнал командира 2-й моторизованной дивизии СС «Райх» Пауля Хауссера. Копаясь в исторических документах, особенно тех, которые касались обороны Могилева, я несколько раз встречал его фотографию. Другие офицеры были мне незнакомы, но, судя по форме, здесь были и представители полевой жандармерии, и СС. В общевойсковой форме выделялся представитель разведки. Старший из конвоировавших меня солдат доложил, где и при каких обстоятельствах я был задержан. Фамилия Зимин несколько раз прозвучала в докладе. Выслушав доклад, Хауссер, как старший по званию, отпустил солдат и дал возможность одному из офицеров, сразу видно, что разведчику, допросить меня. Тот на довольно приличном русском языке заговорил со мной.

– Вы и есть капитан Зимин?

– Да.

– Вы можете это доказать?

– Ну, документы я с собой не ношу, вы как разведчик должны понимать это. Но, скорее всего, у вас есть люди, которые знают меня в лицо. Достаточно провести опознание.

Вот выиграю немного времени. А там, с наглостью выходца двадцать первого века, буду вешать им лапшу на уши по полной программе. Пока разведчик переводил остальным мой ответ, я успел оглядеться по сторонам. Немцев было около роты, и вырваться или попытаться сбежать не было никакой возможности. Попробовал решить проблему с заложниками.

– Я вышел к вам добровольно, а мог прятаться до всемирного потопа. А потом, по-тихому прирезав пару ваших солдат, снова уйти в леса. Вы выбрали способ, недостойный солдата. Отпустите заложников. Особенно детей.

Выслушав перевод, в разговор вступил сам Хауссер:

– Капитан, вы хороший солдат. На наше счастье у русских мало таких, иначе я бы стал сомневаться в результате этой кампании. Но вы оделись в форму убитых вами же немецких воинов. Вы много убили. Поэтому не рассчитывайте на пощаду. Только добровольное сотрудничество с немецким командованием сможет спасти вам жизнь. А заложники – это всего лишь русское быдло, которое не заслуживает права жить.

– Слышать такое от вас, ветерана рейхсвера, прискорбно. Это вот эти молодые волчата еще не напились крови и не знают, что за все рано или поздно придется заплатить. Но вы же видели, как и чем закончилась для Германии Первая мировая война. Каким опустошением. И эта война будет не лучше. Это вам не Европа. Здесь видели и татарское нашествие, и тевтонский орден, и поляков, и французов. Результат один. И все они начинали так же. Жгли и убивали местное население. Не повторяйте ошибок. Вы же солдат, а не палач.

– Другого ответа от коммуниста я и не ожидал. Но вы не вызовете у меня сочувствия. Ваша пропаганда на нас не действует. У вас только один выход – содействие доблестным немецким войскам, а эти селяне заплатят за тех немцев, которых вы посмели убить за последнее время.

– Я не убивал, а уничтожал противника, я – русский офицер, это моя обязанность перед моей Родиной.

– Что ж, я рад, что мои солдаты пали от руки достойного противника. Но вы за это ответите, и не здесь.

– Знаете, недавно слышал анекдот, про еврея в Красной Армии. Позвольте рассказать?

– Про еврея анекдот? Что ж, извольте, немного времени у нас есть.

– Еврей захотел получить медаль и, подойдя к комиссару, спросил, как это можно сделать, тот ответил, что нужно принести немецкий пулемет. Еврей согласился и ушел. Вернулся через неделю, принес пулемет и получил медаль. Решив, что медаль – это мало, решил получить орден, на это комиссар сказал, что нужно принести немецкую пушку. Проходит день и еврей притаскивает немецкую восьмидесятивосьмимиллиметровую зенитную пушку. Решив, что орден – это мало, решил получить звание Героя Советского Союза, на это комиссар сказал, что нужно пригнать немецкий новый экспериментальный танк. Еврей согласился и на следующий день пригнал танк. Когда еврея наградили, комиссар его спросил, трудно ли было захватывать немецкую технику, на что тот ответил, что самое трудное было найти в немецкой армии еврея, а все остальное очень просто.

Немцы слушали внимательно, и раздалось несколько смешков. Все-таки другая культура. Наше чувство юмора для них не понятно.

– Да, неплохая история. Но к чему вы это рассказали?

– А вы так ничего и не поняли. Про вас русский народ складывает анекдоты. Над вами уже смеются. И что вы бы ни делали, вас презирают и над вами смеются. Вы не победите. Вы уничтожите много беззащитных людей, вы ж на это способны, но запомните, когда советские танки будут в Берлине, вашим близким и родным придется ответить за все, что вы здесь натворите. И уж поверьте, отвечать придется по максимуму, потому что защитить вы их уже не сможете, к тому времени будете гнить в земле, так как найдете свою смерть здесь, на российских просторах. Глядя на вас, мне приходит только одна мысль – где мы вас столько хоронить-то будем.

Такая длинная речь забрала много сил – все-таки ранение было не из легких. Голова закружилась, и лоб покрылся испариной.

– Капитан, вы серьезный противник, но у вас не получится противостоять немецкой военной машине, мы это доказали всей Европе.

– Европа – это не показатель. Карликовые, погрязшие в самомнении, буржуазные государства. Стойкости и самоотверженности от них ждать как-то стыдно. Здесь вы уже на своей шкуре ощутили, что это будет другая война. Это только начало. Вы даже не представляете, какую услугу оказываете Красной Армии. Благодаря вам армия освобождается от генералов мирного времени, которые больше опасны не столько для вас, сколько для самой Красной Армии. И процесс замены на более инициативных и талантливых идет. Скоро вы ощутите качественное изменение вашего противника. Ждите и бойтесь.

Я пошатнулся. Сзади подошли два солдата и стали меня держать под руки. Причем схватили так, что от боли в глазах потемнело.

Все-таки последнее слово оказалось за немцем.

– Эту дискуссию мы продолжим позже и в другом месте. – И он дал команду солдатам, которые потащили меня к машинам.

Когда голова дернулась, по глазам мелькнул красный отблеск. Немцы не обратили внимания, вот только я понял, что это такое – лазерный целеуказатель. Из леса кто-то мне давал сигнал, что он рядом.

Но тут за спиной кто-то крикнул:

– Фоер.

Загрохотал пулемет, к нему присоединился еще один и отрывисто захлопали винтовки. Я попытался вырваться и повернул голову в сторону, увидел как люди, собравшиеся возле амбара, полосуемые пулеметами, валятся друг на друга. Как от струи огнемета вспыхнул амбар с детьми. От такого у меня помутился рассудок. Вырываясь из цепких рук эсесовцев, я кричал, ругался, пока один из конвоиров не вскинул винтовку, чтобы прикладом оглушить меня.

– Суки, всех положу. Пощады не будет. Хана вам, я же вас козлов зубами рвать буду.

Но тут ситуация изменилась. Оба пулемета разом замолчали. Конвоир, замахнувшийся винтовкой, упал на бок, забрызгав меня кровью из простреленного горла. Второй чуть замешкался, только втянул голову в каске в плечи и, громко вздохнув, упал на спину и засучил ногами. Снайперский огонь со стороны леса резко изменил расстановку сил. Оба пулеметчика были убиты. Хауссер, который любовался расстрелом из бронетранспортера, получив две пули в грудь, свесился через борт и не подавал признаков жизни.

Немцы попытались обстрелять лес из всех стволов, но в особенно крупную группу немцев попал выстрел из РПО, разметав человек двадцать в разные стороны. Из леса застучал так привычно знакомый пулемет Калашникова, и вторили ему несколько совершенно не-обычных здесь автоматов Калашникова. Несколько раз хлопнули подствольные гранатометы.

Оккупанты из загонщиков и карателей сразу превратились в дичь, которую методично уничтожали опытные охотники.

Но нападавшим, к сожалению, противостояли не тыловики, а неплохо подготовленные и обстрелянные солдаты элитной дивизии. Несмотря на плотный и точный огонь, большая часть успела рассредоточиться и оказать ожесточенное сопротивление. Бой переходил в затяжную фазу, где численный перевес обороняющихся имел подавляющее преимущество и разгром немногочисленных, засевших в лесу стрелков был только делом времени.

Но ситуация стала развиваться совершенно необычно для немцев. Несколько выстрелов из противотанковых гранатометов уничтожили все бронетранспортеры, которые служили неплохой позицией и защитой для немцев от огня снайперов. В довершение всего с правого фланга затягивал автоматический гранатомет, который густо накрыл импровизированную позицию немцев серией взрывов. А еще один выстрел из РПО поджег и разметал сразу два грузовика. Попав под накрытие минометного огня, немцы как хорошо подготовленные солдаты сразу стали рассредоточиваться и отступать, чтобы выйти из зоны поражения, и попадали под

плотный огонь пулемета и снайперов. Занятые насущными делами, более свойственными солдатам, немцы уже не обращали внимания на оставшихся в живых жителей деревни. Многие разбежались, но особенно стойкие бросились к горящему амбару спасать детей.

Все это я видел, лежа в пяти метрах от горящего грузовика. Взрывом меня откинуло подальше и очень сильно ударило раненым плечом. Голова стала тяжелой, в глазах потемнело, и сознание медленно стало уходить. От удара о землю открылась рана, и измученное сильной кровопотерей тело было уже не в состоянии выполнять приказы мозга. Оставалось только лежать и наблюдать. Рядом лежал немец, который меня допрашивал. Обломком машины ему срезало часть черепа. Последнее, что я запомнил: с фланга по немцам заработали два пулемета, и в ускользающем сознании отпечатался такой знакомый и радостный крик «ура».

Когда я пришел в себя, сначала не понял, где нахожусь. Картина, которую запомнил последней, слишком отличалась от той, что видел. Возле меня во весь рост стоял старый знакомый старшина Вяткин, облаченный в российский камуфляж и бронежилет, с автоматом Калашникова, на который был установлен подствольный гранатомет. Невдалеке расположился Марков в таком же точно наряде, вооруженный ПКМом, который он любовно поглаживал, признавая изящность и превосходство оружия потомков. Там же, невядалеке присел Воропаев, имеющий такое же снаряжение, как и остальные бойцы моей группы, только на коленях у него лежал гранатомет, а из заплечной сумки выглядывал последний выстрел к его оружию. В общем, народ шел на выручку, наплевав на всякую конспирацию и основательно распотрошив мою гордость – оружейку, которая собиралась достаточно тщательно и долго.

Но все это меркло на фоне того, что рядом оказалась моя благоверная супруга, тоже облаченная в камуфляж и бронежилет, вооруженная тем же автоматом Калашникова. Она, увидев, что я пришел в себя, сразу бросилась ко мне и стала причитать:

– Сереженька, ты как себя чувствуешь, и вот надо оно было тебе лезть в эту войну. Все не наиграйся? Я с твоими играми скоро седой стану.

Но тут же замолчала, так как на заднем плане нарисовались персонажи, которых, по идее, здесь быть не должно.

Уже осмысленно оглядев все вокруг, я понял, что мы находимся в лесу и вооруженных бойцов вокруг намного больше, чем должно быть. Но многие лица были мне знакомы еще по Могилеву и недавним боям в деревне Вильницы. А тут еще Чистяков нарисовался с неизвестным в советском камуфляже. Еще раз пробежавшись взглядом по поляне, насчитал таких вот камуфлированных человек пять. Похоже на разведгруппу, причем явно не армейской принадлежности, и то, как перед командиром группы стелется Чистяков, ясно было, что снова ко мне в гости пожаловала московская гебня с особыми полномочиями. И то, что они умудрились завернуть отряд окруженцев, возглавляемый Чистяковым, который давно уже должен был оказаться в окрестностях Смоленска, говорило о многом. Группа прибыла для продолжения диалога со Странником, и какие у них на этот раз рамки воздействия на оппонента, можно было только гадать, да и я не в самом лучшем состоянии. А учитывая то, что совершенно недавно походя грохнули командира немецкой эсесовской дивизии, времени у нас совершенно нет. И немцы тут перероят все, но нас достанут.

Чуть повернув в сторону Чистякова голову, слегка кивнув и дождавшись, пока тот отведет всех остальных людей на достаточное расстояние и вокруг нас образуется свободное пространство, камуфлированный представился:

– Капитан госбезопасности Строгов. Вы, как я знаю, капитан Зимин. Я к вам прибыл с особыми полномочиями, для продолжения сотрудничества, по личному распоряжению Народного Комиссара внутренних дел Лаврентия Павловича Берии.

При этом, как я заметил, его люди незаметно взяли под контроль всю поляну. Но к чести моих бойцов, это не осталось незамеченным, и каждый из камуфлированных оказался под

прицелом не меньше чем трех стволов. Ситуация получилась, мягко говоря, нестандартная. Отряд, который недавно воевал как одна боевая сила, сразу разделился на два полюса.

Я чуть слышно прошептал:

– Капитан, скажите своим людям, чтоб успокоились, мы на одной стороне, но здесь в тылу у немцев другие законы, и качать права не получится. Я не допущу, а если не получится, то бойцы помогут. И еще я очень сомневаюсь, что вы точно из Москвы, подскажите, кого из моих друзей и чем наградили?

Тут из-за дерева показался ствол Калашникова, направленный ему прямо в грудь: моя супруга никогда не оставалась в стороне, когда можно было поскандальить или кого-то попинать ради справедливости.

Камуфляжный, чуть помедлив, понял, что с ним не шутят, и показательно спокойно продолжил:

– Вашего друга, капитана Пронина.

– Ну что ж, первую проверку на вшивость вы прошли. Давайте пообщаемся, но вы меня очень обяжете, если ваши люди займутся своими делами. Разговор нам предстоит долгий и серьезный, а времени мало. Мы немцев так разозлили, что теперь нас будут ловить не пара рот расслабленных отдыхом эсесовцев, а вся недобитая дивизия.

– Да, я понимаю, поэтому хотел бы получить объяснение о том, как вы попали к немцам. Пояснения ваших людей я уже слышал. Сами понимаете, что насчет вас есть особые инструкции, но вы контактировали с немцами и где гарантии того, что важная информация не ушла к противнику?

– Хорошо. Я вас понимаю. В двух словах: прорывался через оцепление, получил пулю в плечо. Прятался в доме у одной жительницы этой деревни, пока немцы не взяли в заложники детей. И ее дочку тоже. Лежать в подвале и ждать, когда сожгут детей, не мог. Вот и вышел к ним, думал, уроды успокоятся, отпустят, нет, все равно пожгли и постреляли. У нас был план, по которому у попавшего в плен был шанс вырваться – немцы искали установку постановки помех, поэтому мы тут в лесочке хорошую минную ловушку организовали, вот туда бы я их и привел, прямо на мины и наши пулеметы. Они ж думали, что я командир группы силового прикрытия, на этом и хотели сыграть. А в Могилеве была настоящая аппаратура, если б ее немцы нашли, вот тогда бы начались проблемы. А так вроде как вырвались.

Он слушал внимательно и кивал.

– Тем более, насколько я успел увидеть, пока не потерял сознание, вы ж весь командный состав немцев сразу положили. Того же Хауссера, командира 2-й моторизированной дивизии «Рейх» да и представителя немецкой разведки, который меня допрашивал тоже. Так что утечки информации быть не может. Если кто и остался, то рядовые солдаты. Лучше расскажите, успели ли спасти детей и много ли погибло народа?

– Детей почти всех спасли, народа много успели положить, гады. Мы, когда во фланг ударили, смяли и они побежали, а там открытое пространство, вот ваши из скорострельного миномета много побили.

Тут вмешалась Светлана, которая не отходила и внимательно прислушивалась к разговору. Не хватило у нее терпения, вмешалась:

– Да нет уже вашей ловушки. Твои бойцы за собой целый взвод немцев на хвосте притащили, пришлось задействовать ловушку. Но никто не ушел, всех положили. Зато оружием всю немецким оружием забили, хоть соли его, да и сейчас патронов и гранат понабирали, все, что смогли унести.

Посланец Москвы удивленно посмотрел на мою супругу, но я, привыкший к ее фортелям, почти не обратил внимания, только принял к сведению информацию.

– Это моя супруга Светлана, она в курсе всех дел. Так что в ее присутствии можно говорить.

Чуть отдышавшись, все-таки для меня такой монолог был на пределе сил, продолжил:

– Скажи, капитан, какие у тебя полномочия?

– Весьма большие, чтоб организовать получение новой и важной информации, и достаточные, чтобы не допустить ее попадания в руки противника. – И он при этом многозначительно посмотрел на меня.

– Ты не зыркай, я нормальный человек. И если из-за меня могли погнать детей, то я не мог просто отсидеться в погребе. Не дай Бог тебе оказаться в таком положении, посмотрел бы я на тебя. Тем более был подготовлен резервный вариант на случай плена, ты не хуже меня знаешь, как это делается. Так что давай эту тему закроем. Ты мне вот что скажи, от кого и что ты ждешь?

Кажется, вопрос поставил его в тупик. Видно было, что он с удовольствием поговорил бы в ином тоне, но слишком уж у нас разные статусы. Я курьер неизвестной, но весьма информированной силы, он командир контактной группы, причем третьей, потому что две предыдущие почти уничтожены. Вот тут и думай, и сдерживай себя. Кажется, в этом раунде я победил.

Строгов задумался, что я от него хочу, а я просто ждал, когда он произнесет слово «Странник». Если у него действительно есть полномочия, то должен знать, если нет то это либо подстава, либо что еще похуже. Если проверять, то проверять по полной. Где гарантия того, что тот же Ковалев не попал в руки к немцам, когда эвакуировался самолетом, и не раскололся. Недоверие тоже вещь полезная, особенно в таких условиях. Светка сразу обо всем догадалась, и ствол автомата опять усталился в грудь энкавэдэшника. Тот не дурак, сразу понял, что это очередная проверка, поэтому не стал качать права, знал, что вопрос серьезный.

– Мы ждем от Странника новой информации, которая помогла бы в войне с Германией. Все переданные вами ранее данные очень высоко оценены руководством и уровень доверия к Страннику очень высок. Поэтому создана специальная группа по работе в этом направлении.

– Все хорошо, я от вас ждал упоминания о Страннике. Скажите, как там предыдущий командир группы? Его уже выпустили из-под ареста? Жаль, я просил Лаврентия Павловича его не наказывать за проступок.

Строгов опять впал в ступор. Он, конечно, неплохой специалист в своей области, может даже по выбиванию признаний, хотя наш проект курирует скорее разведка главного управления госбезопасности, но до воспитанного детективами и боевиками выходца из двадцать первого века ему еще расти и смотреть кучу сериалов про ментов и мухтаров, да и в банке поработать, понылавливать мошенников, пытающихся кинуть с кредитами.

– Да вроде как он в госпитале лежит, и его действиями довольны. Очередная проверка? Меня предупреждали, что вы достаточно осторожный человек, хотя то, что я видел в деревне, убеждает в противоположном. – Не забыл он подпустить шпильку. И, как я заметил, моя супруга была с ним абсолютно согласна. Да и я, вновь испытав тошноту и слабость от потери крови, согласился с этим нелицеприятным мнением.

Ладно, с представителями Москвы вроде как определились, но есть еще одна проверка, они про нее не знают. Проведем последний тест, и если все хорошо, нагрузим их информацией и отправим обратно, а сами займемся здоровьем и нашим временем, что-то мне беспокоит по этому поводу.

– Скажите, капитан, у вас есть отработанный канал эвакуации при получении особо важной информации? Я не знаю, как вас готовили, но думается, что только вы или, допустим, ваш помощник допущены к информации о Страннике. Остальные просто силовая поддержка.

Дождавшись его согласного кивка, я продолжил:

– Информация будет очень важной, она не повлияет на немедленный ход войны, но на будущее очень сильно может повлиять. Я не знаю, когда и как у вас сеансы связи, но нужно организовать вывоз пакета и эвакуацию отряда Чистякова за Днепр, скоро тут начнется ад – эсесовцы будут все шерстить. Моя группа уйдет со мной. Когда у вас сеанс связи с Москвой?

– Каждый второй четный час, специально нашу группу обслуживает отдельное, постоянно дежурящее радиотехническое подразделение в Москве, на случай экстренного сеанса связи.

– Хорошо, занимайтесь группой Чистякова, мы готовим пакет, через два дня встречаемся за Днепром. Я вам дам такой же радиомаяк, по которому нашли меня, немцы его не запеленгуют, у них нет для этого такой аппаратуры. Моя группа уходит со мной, все остальное обговорим при следующей встрече. Думаю, на этот раз будет поспокойнее. И еще, капитан, давай без сюрпризов. Ничего, кроме головной боли, не заработаешь.

Обговорив все мелкие вопросы, начали готовиться к маршу. Меня положили на импровизированные носилки. И через несколько часов марша мы без приключений перешли через портал в бункер.

Глава 27

Проведение последней проверки, вот что меня больше волновало. В этот раз для поддержания авторитета у советского руководства нужно было отправить что-то особенно забористое. Ничего, кроме информации о ядерном оружии, на ум не приходило. Докладная записка с основными положениями, принципами создания, использования и хранения, давно были готова. Много внимания уделялось последствиям применения и особенно воздействию на генетическом уровне на флору и фауну. Красочно описывалась ядерная зима, результат массированного применения, которая уж очень была нам знакома. Достаточно подробно проводился анализ аналогичных программ у противника, кто и где занимается. В общем, это был не доклад, а бомба. И мне было важно, чтобы эта бомба взорвалась в Москве.

Поэтому в течение ближайших дней я хотел отследить, когда и с кем эти вроде как посланцы Москвы будут общаться. При нынешних технических возможностях это не представляло особого труда. Пока мы шли к бункеру, я успел объяснить жене, как это лучше сделать. Идущие рядом бойцы, которые уже не один раз убедились в моей хитрости и прозорливости, с интересом прислушивались к моим объяснениям.

Мы просто будем использовать систему пеленгации, которую использовали для отслеживания немецких радиопередатчиков. Только необходимо было расстояние между сканирующими устройствами, так называемую базу сделать максимально большой для более точного отслеживания удаленных передатчиков. Уже к вечеру система функционировала, и мы с интересом ждали, когда новые знакомые начнут стучать в прямом смысле слова.

В бункере меня разместили в медицинском боксе, но по моей настоятельной просьбе принесли ноутбук и кинули сетку, чтоб я дистанционно мог отслеживать активность в радиоэфире. Как и ожидалось, капитан Строгов, или как его там, ночью вышел на связь, доложить о выполнении задания. То, что его передатчик заработал, я понял сразу, на экране анализатора появился пик, указывающий на наличие несущей частоты в эфире. Через некоторое время на этой же частоте заработал удаленный передатчик, вот откуда он вещал, мне было очень интересно. Через пять минут наблюдения я вздохнул спокойно и удовлетворенно. Ответивший передатчик работал из района Москвы. Сеанс длился минут двадцать, и не думаю, что органы госбезопасности позволили бы в окрестностях Москвы так нагло работать левому радиопередатчику.

Так что последнюю китайскую проверку на вшивость Строгов прошел. Я всегда повторял, что хорошо сбалансированная паранойя – вещь очень полезная, когда дело касается безопасности.

Следя за радиосеансом Строгова, я с большим интересом наблюдал, как немцы реагировали на выход неустановленного передатчика из лесного массива. По тому, как начали перемещаться источники радиоизлучения, охватывая точку выхода в эфир, можно было сделать вывод, что немцы ждали этого, и давно подготовленные силы и средства пришли в движение. Еще появилось два быстро перемещающихся источника, скорее всего наблюдатели на самолетах. А вот это совсем не интересно. Так они мне помешают и груз в Москву отправить. Поэтому в срочном порядке пришлось отключать портал, перемещать его в крайнее положение и выходить на старом месте возле деревни Запрудье. Выкинув в окно перехода небольшой метеозонд с антенной, я включил свой радиопередатчик и просто внаглую начал повторять то сообщение и на тех же частотах, что недавно передавал Строгов. Правда, текст немного изменил, в начале сообщения открытым текстом вставил пару фраз насчет тупых немцев, быстро окружающих точку ложного выхода в эфир. Думаю, пока противник будет разбираться, что и как, Строгов успеет уйти. Под конец в сообщении уже новым шифром, тем, что в свое время передавал Судоплатову для экстренной связи, передал информацию об эвакуации из Могилева

аппаратуры и встрече с группой контакта. Также в сообщении был запрос о словесном портрете Строгова и кодовой фразе для последней проверки, в связи с огромной важностью следующего пакета с информацией и указанием, что будем использовать данный канал связи. На завтра был назначен сеанс связи для подтверждения того, что в Москве реально поняли, с кем они общаются. В общем, загрузил и немцев, пусть побегают, и москвичей, пусть думают. На закуску, из природной вредности, увидев, что немцы начали перемещаться в сторону деревни Запрудье, включил систему подавления радиосигналов. Пусть повеселятся и узнают, что им тут не Европа.

Часа через полтора, увидев через камеру видеонаблюдения, прикрепленную к метеозонду, что к деревне стягиваются немцы, понял, что концерт закончен, дал команду помощникам в срочном порядке втягивать зонд и закрывать портал.

* * *

В Москве, на фоне крупных неудач на фронтах, установление контакта со Странником вызвало подъем энтузиазма. Первые испытания прототипа противотанкового гранатомета были признаны весьма успешными, и в срочном порядке было принято решение на изготовление опытной партии и передачи ее в войска для испытаний. Правда, немногие знали, что у руководства страны было несколько докладов из Могилева о применении курьером аналогичного оружия, причем в Москву был доставлен использованный тубус от одноразового гранатомета, который был применен при отражении танковой атаки. Также были доставлены остатки самого снаряда, который был исследован специалистами. Но больше всего экспертов из специального подразделения, занимающегося работой по Страннику, заинтересовало клеймо на гранатомете. Там стояла дата изготовления – 1990 год. Вопрос о том, кто такой Странник и кого он представляет, в первом приближении был решен. Потомки из будущего в такой форме оказывали помощь. Поэтому вопрос получения помощи из будущего для руководства страны был не менее актуальным, чем добиваться помощи от союзников.

На специальном совещании, посвященном этому вопросу, все эти выводы были доложены Народному Комиссару внутренних дел Берии Л. П. Там же присутствовал Меркулов, начальник ГУГБ НКВД, который напрямую курировал вопрос по контактам со Странником. Основным докладчиком был командир группы, комиссар 3-го ранга ГУГБ НКВД Морощко.

– В докладе нашего человека, капитана Строгова, указывается об активном применении людьми Курьера противотанковых гранатометов и неизвестных, но весьма эффективных видов стрелкового оружия, автоматических минометов и наличии у них специальных пуленепробиваемых кирас; все бойцы оснащены индивидуальными малогабаритными радиостанциями. Но при этом, по показаниям бойцов, которые воевали с Курьером в Могилеве, отряд прикрытия состоит из бойцов РККА, которые оторвались от основной группы и остались с Зиминим после прорыва из захваченного города. Но при освобождении из плена эти люди уже действовали как единое подразделение, оснащенное и экипированное совсем иначе, чем это принято у нас или у противника. При этом все люди из окружения Курьера нами опознаны, фамилии их известны, и после тщательной проверки можно сказать, что они до встречи с объектом никакого отношения к делу не имели. Единственное новое лицо – это так называемая супруга Зимина, Светлана, которая, по описанию Строгова, имеет опыт командования и обращения с оружием. И по некоторым признакам имеет даже боевой опыт. При этом у нее такое же бледное лицо, как и курьера, что говорит о долговременном пребывании в закрытом пространстве без доступа солнечного света.

– И какие выводы можно сделать, Александр Александрович? – наконец-то вмешался Берия.

– Контакт с нами – это инициатива ограниченного числа частных лиц. Поэтому Зимину и пришлось подключать к своим операциям местные, проверенные в боях кадры, обучать их и снаряжать. Судя по многим данным, Зимин и Странник – одно лицо. При разговоре с Судоплатовым он оговорился, что офицер. И по результатам боев, в которых он принимал участие, можно сказать, что Зимин имеет боевой опыт и хорошую подготовку, причем его подготовка больше направлена на проведение разведывательно-диверсионных операций. На основании анализа данной информации можно предположить, что с нами на контакт вышла группа подпольщиков, которые продолжительный срок скрываются под землей и сочувствуют Советскому Союзу. По составу это, очевидно, бывшие сотрудники либо военной разведки, либо ОСНАЗа того времени. При этом то, что они брали в обмен на информацию горючее и продукты, говорит о том, что ресурсы их базы на исходе.

– Есть какие-нибудь более серьезные доказательства, кроме излишней информированности Странника?

– Собранные гильзы имеют принятую у нас систему маркировки, и согласно этой маркировке произведены в конце восьмидесятых годов этого столетия, и снаряжение, и средства связи. Да и сами гильзы: при уничтожении диверсионной группы использовано нестандартное оружие калибра пять с половиной миллиметров, со стальными гильзами, покрытыми лаком. По виду гильз можно сказать, что это не штучная работа, а поставленная на поток серия, но по нашим данным такое оружие нигде не выпускается. Аппаратура, которая использовалась при подавлении связи? По оценкам специалистов такой техники сейчас в мире нет. По показаниям свидетелей большинство устройств имели надписи на русском и английском языках. Конечно, возникала идея о том, что Странник является представителем наших союзников, но после того как наши сотрудники наблюдали загрузку горючего и продуктов, то всякие сомнения отпали. Прямо из воздуха появлялись шланги, по которым закачивались солярка и вода, и появлялась стрела крана, которая поднимала ящики с консервами и исчезала. Или это ворота в другой мир, или в другое время. Но мы склоняемся к мысли, что в другое время, слишком многое за это говорит. И по нашему мнению, многие доказательства Странник специально оставлял, чтобы навести нас на эту мысль. Это насторожило и, возможно, реально дела обстоят иначе, но Зимин лично вышел к немцам, при угрозе уничтожения детей. Поступок для разведчика глупый, но для нормального человека непростой – на него способен человек с определенными принципами и силой воли. Поэтому мы и склонились к мысли, что гипотеза о путешественниках во времени более вероятна. Возможно, была война или контрреволюционный мятеж, приведший к реставрации монархии или оккупации страны. Видимо, группа подпольщиков передачей нам информации и технологии старается изменить ход истории.

– Да, невеселые вещи вы рассказываете. Но я с вами, в общем, согласен. Но почему они не могут дать информацию о более серьезной технике и вооружениях, которые помогли бы нам победить противника?

– Те данные, которые они передавали, хорошо подобраны и дают полную картину, объясняющую нынешнее положение на фронтах. При этом информация по вооружениям дана таким образом, чтобы мы могли без больших трудностей использовать нашу техническую базу. Тот же компактный пистолет-пулемет очень простой и по многим параметрам превосходит ППШ, который мы собираемся принять на вооружение. Рекомендации по танковой и авиационной тематике того же плана. По гранатометам та же картина. Но при этом тот гранатомет, который был использован Зиминим под Могилевым, имеет более высокие характеристики, чем те, которых нам удалось добиться. Материал, из которого сделано оружие, простой, прочный и легкий, но эта система одноразовая. Курьер по привычке сделал выстрел и ее откинул. Мы пока такое сделать не сможем, но нам и не предлагают. Мое мнение: нужно продолжать контакт и попытаться получить максимум информации. По словам Строгова, Странник приготовил

очень важную информацию и, как мне представляется, ради передачи именно этого пакета, чтобы мы в него поверили, были предприняты предыдущие контакты.

Выслушав доклад, Берия, как нормальный управленец, которому скоро придется беседовать на данную тему с Верховным, стал задавать много уточняющих вопросов.

* * *

У немцев же по поводу событий в окрестностях уже тылового города Могилева произошли достаточно интересные события. Гибель командира элитной дивизии и большого числа солдат, повторное использование установки постановки помех в глубоком тылу вызвали волну недовольства, докатившуюся до высшего руководства Рейха.

То, что операцией занималась военная разведка, а основные потери понесли войска СС, стало еще одним камнем преткновения в долгой вражде Гиммлера и Канариса. Очередной всплеск этой вражды был вынесен в верхние эшелоны власти, и когда информация дошла до Гитлера, то оба были вызваны на ковер. Что происходило за закрытыми дверями – неизвестно, но ни Гиммлер, ни шеф Абвера Канарис старались не упоминать об этом, а в Могилев вылетела специальная смешанная следственная группа.

Проведя предварительное расследование, один из порученцев Канариса в срочном порядке вылетел в Берлин – слишком важная информация была получена. Но и шеф Абвера с нетерпением ждал вестей из Могилева. И это не было связано со смертью Хауссера и глупой враждой с Гиммлером, а имело другой повод. По каналам агентурной разведки была получена информация огромной важности. Источник был настолько серьезным, что его старались по пустякам не задействовать ввиду высокой ценности.

По информации источника, с июля этого года в аппарате главного управления госбезопасности НКВД была создана особая группа под личным патронатом Берии. Известно, что несколько раз члены этой группы выезжали в Могилев. И совсем недавно в район Могилева заброшена еще одна группа с особым заданием. Судя по режиму секретности, данное подразделение занимается вопросом стратегического уровня. В рамках данной группы фигурирует некий капитан госбезопасности Зимин, который за особые заслуги получил орден Красной Звезды, а недавно представлен к званию Героя Советского Союза. Но при этом в управлении кадров его личное дело отсутствует – такое впечатление, что этого человека не существует. Но, тем не менее, его награждают. Значит, его личное дело изъято и все хвосты подчищены, что говорит о высокой важности офицера и выполняемого им задания. Учитывая особый характер подразделения, больше никакой другой информации получить не удалось, но и этого хватило, чтобы руководство Абвера заинтересовалось такими совпадениями.

Доклад порученца тоже добавил много вопросов и загадок, но никак не объяснений.

Попавший в плен сержант НКВД Демин рассказал много интересного про капитана Зимина, как оказывается, стоящего за многими событиями в Могилеве и его окрестностях.

Выяснилось, что группа Зимина работала в окрестностях города в режиме строгой секретности еще задолго до начала боев за Могилев. Но при этом снабжала командование русских достоверными оперативными данными о передвижении войск и возможных авианалетах на город, составе наступающих частей и местах ударов. За это говорят большие потери при боях на подступах и в самом городе. После того как город стал глубоким тылом, вышеупомянутый капитан со своей группой наносит несколько точных и весьма эффективных ударов по частям и подразделениям, которые задействованы в поисковых операциях. Причем уничтожаются подразделения не тыловых, заградительных частей, а элитной дивизии «Рейх», имеющей великолепную подготовку и большой опыт. После чего, как сейчас уже доказано, специально отпускает к немцам двух агентов, снабдив их дезинформацией о пути своего дальнейшего движения, что говорит о хорошей оперативной подготовке. И исчезает. Потом снова появляется уже в

городе, где уничтожает несколько патрулей, захватив машину, прорывается из города. Тщательное расследование, стоившее жизни пяти членам следственной группы и охраны, показало, что в городе было спрятано оборудование, которое Зимин и эвакуировал таким безрассудным образом, оставляя за собой мины-ловушки и трупы.

Рассмотрев все обстоятельства, показания свидетелей и вещественные доказательства, можно сделать вывод о нахождении в окрестностях Могилева глубоко засекреченной базы, которая занимается сбором и анализом информации, используя принципиально новое, передовое оборудование. Причем в качестве охраны базы используется подразделение ОСНАЗа Главного Управления государственной безопасности, наделенное особыми полномочиями и вооруженное нестандартным, но весьма эффективным оружием. Одни ручные ракетные противотанковые установки, где в качестве боевой части используются кумулятивные заряды, которых у русских быть не может и которое они не производятся, чего стоят. Так до нынешнего момента думал шеф Абвера, как оказывается, русские и в этом весьма преуспели. Таким образом, данная база является доказательством явной некомпетентности разведки, которая проморгала наличие у русских такого рода техники, что в ближайшее время может сказаться на общем положении на фронтах. Поэтому поиск и захват этого объекта становится не только делом чести, а возможностью сохранить свою голову, когда продвижение немецких частей будет остановлено появлением у русских новой техники. Рано или поздно недоброжелатели Канариса обратят внимание фюрера на эти факты, и тогда нужен будет козырь. Нет сомнения, что СД уже копает по этой теме и, вероятно, пришла к тем же выводам. И счет пошел на часы – кто быстрее найдет бункер и воспользуется его содержимым. Поэтому, используя свои полномочия, Канарис решил действовать. Вызвал подполковника Франца фон Бентивеньи, начальника Абвера-3, отвечающего за контрразведку в армии, и начальника тайной полевой полиции, полковника Кришбаума. Наделив их особыми полномочиями по привлечению войск второго эшелона к поисковым операциям, приказал в кратчайшие сроки прочесать лесной массив возле Могилева и найти засекреченную базу русских. Подполковник фон Бентивеньи доложил, что по русскому капитану Зимину работает специальная группа с опытом внедрения в отступающие отряды противника. Но два агента были раскрыты. Сейчас проводятся операции с более глубоким внедрением агента и попыткой проникновения на базу русских. Однако шеф Абвера поставил жесткие временные рамки, пояснив, чем чревата ситуация, и двум высокопоставленным офицерам Абвера пришлось в тот же вечер вылететь в Могилев, спасти свои головы и голову своего начальника.

* * *

В это время мы отслеживали активность немцев и просто отдыхали. Миронов, второй снайпер, лежал уже в своем боксе после несложной операции, проведенной Мариной. Малой по моей просьбе совершил ряд ночных рейдов в лес, где по указанным признакам нашел в ручье спрятанный прибор ночного видения и радиостанцию с аптечкой. Также, в паре с Марковым, пока Миронов не выздоровел, я сходил к деревне Вильницы навестить предателя Перпутько. В прошлый раз его, из необходимости передать немцам дезинформацию, не пристрелили, только ранили, но сейчас пора этого гада наказать. Чем Малой и занимался. Как оказалось, иуда стал бургомистром и во главе с вновь сформированным небольшим отрядом полицаяв наводил страх на деревню. Я в связи с ранением не мог присутствовать, но радиосвязь была регулярной.

Предателя подстерегли, когда он и еще четверо полицаяв, погрузив на телегу трех связанных людей в форме РККА, отправились по дороге в сторону Могилева. Пять выстрелов из СВД с расстояния в сто метров положили конец пяти представителям новой власти в этой

деревне. Пока Малой отслеживал движение и прикрывал, Марков осторожно вышел к повозке рассмотреть пленных.

Там лежало трое избитых людей, один из которых, одетый в остатки формы командира РККА, находился в тяжелом состоянии. С ним были санинструктор, молоденькая девчонка и красноармеец. Но осмотрев раненого командира, и Малой, и Марков удивленно присвистнули. В один голос они высказались:

- Комдив.
- Кукушка-один, поподробнее.
- Феникс, раненый командир – это наш командир дивизии, генерал-майор Романов.
- Понял вас, провести эвакуацию и оказание первой помощи.

Развязав освобожденных, Марков помог утащить тяжелораненого далеко в лес. Но вот ситуация мне очень не понравилась, так уж все было похоже на подставу. Раненый комдив, которого я знал лично, был хорошей наживкой и ширмой для внедрения агента. Хотя к самому генерал-майору Романову у меня претензий не было. Настоящий командир. Попал в плен, бежал, потом стал командиром партизанского отряда и, в конце концов, был повешен. Связавшись с Малым, который, как любой охотник, был достаточно наблюдательным человеком, высказал свои опасения и дал команду транспортировать освобожденных в сторону от входа в бункер. А сам с большим интересом сканировал радиоэфир, особенно в секторе деревни Вильницы, где удалось отбить генерала Романова. Если это подстава, значит, где-то недалеко должна находиться группа обеспечения, которая ввиду особой важности должна быть радиофицирована. Вот я и ждал, когда они доложат, что агент внедрен. Хотя, может, я и ошибаюсь, но как говорил мой командир: «сказок не бывает», поэтому лучше перестраховаться.

Глава 28

Но, к сожалению, в радиоэфир ни тогда, ни позже никто не вышел. Мне это ничего не говорило. Немцы должны были уже понять, что их ловят и слушают и на основании этого принимают решения. Тогда режим радиомолчания является одной из составляющих удачно проведенной операции. То, что мы отпустили одного из агентов, может, и дало нам некоторое временное преимущество, но позволило немцам понять, что против них работают оперативники с контрразведывательной подготовкой, значит, внедрение агента должно проходить с убедительной легендой и с соответствующими обстоятельствами.

Поэтому я несколько не сомневался, что с Романовым натуральная, качественная подстава и ориентирована она на наш отряд. А это значит, что немцы усиленно ищут бункер. А имеют ли они представление о Страннике или у них все пока на уровне гипотез, надо бы выяснить, вот тут немецкий агент и будет кстати. На этот раз кого попало к нам подселать не будут и пришлют спеца. Или девчонка, или солдат. Конечно, может быть, что это и двойник Романова, но не думаю, что для такой ловушки они бы поскупились на качественный кусочек сыра – приманку для нас, ведь знают, гады, что мы лично с Романовым знакомы.

Конечно, я склоняюсь больше к кандидатуре девчонки, уж слишком она выглядит хрупкой и незащитной. То, что еще разведка Рейхсвера активно использовала вот таких вот притягательных девушек для своих шпионских комбинаций, я помнил. Но не только для «медовых ловушек» и постельного компромата, а как оперативников и иногда как ликвидаторов. Как говорится, самая красивая змея, как правило, и самая ядовитая.

Генерал-майор Романов был в плохом состоянии, и это ограничивало наше время на выявление немецкого агента и получение информации. Беда была в том, что я не являлся контрразведчиком и колоть подозреваемого в короткие сроки не мог, ну разве что с применением особых мер допроса, но это к явному врагу, а тут есть большая вероятность ошибиться. Тянуть сюда упрощенный вариант детектора лжи, давно приобретенный для банка, который у меня пылился на складе, тоже не вариант. Там надо много времени на подготовку и опрос подозреваемого, а у меня этого времени нет, да и сам после ранения не в лучшем состоянии. Поэтому задачу придется решать дистанционно.

Посидев, подумав, решил – а почему бы и нет? Самое обидное для охотника – когда жертва, нагло вытащив наживку из его ловушки, уходит, оставив охотника ни с чем. Вот мы так и сделаем. Пусть потом немцы думают. Ведь наверняка продумали, что я в порыве гуманизма буду спасать и генерала, и его сопровождающих, и притяну за собой хвост. Ага, долго ждать придется. Приняв решение, я приступил к выполнению очередного авантюрного плана. В первую очередь сориентировал Малого на ситуацию:

– Кукушка-один, это Феникс.

– На связи.

– Кукушка-один, слушайте внимательно. Один из сопровождающих генерала немецкий агент, скорее всего, девушка. Ищут нас, пока вы их не приведете к бункеру, вас не тронут. Ваша задача, используя шприцы со снотворным, усыпить обоих. Генерала эвакуировать к порталу. Проконтролировать наличие погони и слежки, чтобы не привести за собой хвост. Как поняли, прием. После укола они как раз проваляются до темноты, потом надо тебе отследить, что будут делать и куда пойдут.

– Понял вас, Феникс, выполняю.

Марков тоже это все слышал, так что два раза пересказывать не было нужды. Разойдясь, оба разведчика почти синхронно воткнули одноразовые шприцы-тюбики обоим подозреваемым, и те секунд через десять отключились.

Обыскав для порядка обоих и не найдя ничего интересного, разведчики, соорудив из жердин своеобразные носилки, двинулись в сторону бункера, при этом стараясь не оставлять следов. Навстречу им вышли Вяткин и Воропаев, вооруженные до зубов, встретили разведчиков и, расставив на маршруте движения разведки несколько растяжек, помогли транспортировать раненого до точки перехода. Через два часа генерал-майор Романов находился уже в медицинском боксе, в бункере, в совершенно другом времени. Маринка, конечно, была не в восторге – в последнее время ей прибавилось много забот с ранеными, а тут новый, причем тяжелый.

Марков и Малой, наскоро перекусив, опять прошли через портал, дождавшись темноты, нацепили приборы ночного видения, двинулись к месту, где оставили спящих. Ночь обещала быть интересной, и почти все обитатели бункера, как зрители нового сериала, ожидали, чем закончится моя очередная выдумка. Кого мне было жалко, так это Миронова, который из-за ранения не смог быть в паре с Малым, а как раз сейчас дублирующая разведка не помешала бы.

Через час ожидания наконец вышли на связь Малой с Марковым. Они не успели приблизиться к месту, где оставили спящих, как наткнулись на немцев. И в этот раз приборы ночного видения сыграли важную роль и дали разведчикам возможность раньше обнаружить противника. Немцы шли как раз по следам, что оставили разведчики несколько часов назад. Бой в ночном лесу не входил в мои планы, поэтому я дал команду обойти немцев и выяснить судьбу оставленных людей.

Медленно перемещаясь, стараясь издавать как можно меньше шума, бойцы услышали разговор задолго до визуального обнаружения противника. Через пять минут увидели свет от фонариков и несколько фигур в немецком камуфляже, среди которых стояла давнишняя медсестра, а недалеко лежал солдат-водитель. Один из камуфлированных достаточно жестко что-то выговаривал девушке, но та, несмотря на внешнюю хрупкость и беззащитность, резво и уверенно препиралась с ним. Из-за расстояния что-либо разобрать было невозможно, но так как среди нас не было знатоков немецкого языка, то и особой надобности в этом не было.

Все это шепотом комментировалось по радиосвязи, и я был в курсе событий.

– Кукушка-один, это Феникс, сколько немцев на поляне?

– Шесть плюс агент. Боец не подает признаков жизни.

– Понял. Группа немцев, которая шла по вашим следам, через сколько она выйдет на растяжки?

– Думаю, минут через десять – пятнадцать.

– Зайти к немцам с противоположной стороны от вашего движения, при сработке растяжки на передовую группу ликвидировать немцев, агента взять живьем. При необходимости можете воспользоваться светозумовой гранатой. Эвакуация в точке «три». Там вас встретят Вяткин и Воропаев.

– Вас понял, – прошипел Малой.

В бункере наступила тишина, все ждали, как будут развиваться события. Тут же сидели Воропаев с Вяткиным, облаченные в каски, бронежилеты – импровизированная тревожная группа.

Двойной взрыв нарушил тягостную тишину ожидания. На поляне, где находились немцы и агент, события развивались еще быстрее. Марков, вместо того чтобы использовать светозумовую гранату, просто запустил в немцев обычной наступательной, благо те, как бараны, повернулись в сторону взрывов, и пара человек загородила собой агента. Взрыв раскидал тела, и если не поубивал, то контузил, что дало время моим бойцам подбежать и открыть огонь на добивание противника. Несколько хлопков, почти не слышные после грохота взрыва, быстро довершили дело. Девчонка, которую прижало телом одного из немцев, пыталась выбраться, но без жалости получила берцем по ребрам, захрипела и скрючилась от боли.

Пока Марков еще раз прошелся по немцам, методично делая контрольные выстрелы, Малой нагнулся к лежащему в стороне солдату. Ему помощь, к сожалению, была не нужна. Качественный удар в сердце. Еще одна жертва шпионской войны.

Подняв пленную, ей завели руки за спину и скрутили нейлоновой стяжкой, а рот заклеили скотчем. В таком виде ее подхватили под руки и в быстром темпе двинулись в сторону, забирая левее от портала бункера. По договоренности, в случае огневого контакта точка портала будет смещена на километр в сторону Днепра. Отслеживая перемещения своих бойцов по радиопеленгатору с системой позиционирования, я, как мог, корректировал их движение к portalу.

При подходе к бункеру ей опять вкатили снотворного и в таком виде затащили в портал. Пора разобраться, что немцы знают и чего хотят получить.

Ночью, после того как захватили агента и вытащили генерал-майора Романова, в Москву пошла шифровка о том, что была пресечена попытка внедрения высококлассного агента Абвера, где в качестве приманки использовался тяжелораненый советский генерал. Агент утром будет допрошен и передан капитану Строгову. По поводу Романова была выражена просьба – после первичного лечения оказать помощь в эвакуации талантливого военачальника на большую землю. Москва через час ответила, что послезавтра самолетом будет произведена эвакуация пакета и по возможности генерал-майора Романова.

На этом дневные и ночные приключения закончились. Оставив работать систему радиопеленгации, народ разошелся по спальным боксам отдыхать, а возле установки остался выздоравливающий Миронов, в качестве дежурного.

Пленная была тщательно связана и прикована наручниками к металлическому кольцу, вделанному в стену в дальней галерее. Как раз в том самом месте, где раньше бандитский авторитет держал своих пленников, что ж – история повторяется.

Единственное, что развеселило, так это фраза супруги, на которую многие тихо поулыбались, но в открытую смеяться не посмели. Та подошла и, ласково приговаривая, стала поглаживать меня по здоровому плечу:

– Сереженька, ты поосторожнее с этой шпионкой, если узнаю, что ты один пошел ее допрашивать, посажу на цепь рядом и не буду кормить. – Коготки больно впились в руку. – А то я не знаю, что тебе как раз такие вот нравятся.

Отложив допрос до обеда, я решил проведать раненого Романова. Как ни странно, он уже пришел в себя. Повреждения оказались серьезными, но не смертельными. Сломанные ребра, истощение и следы постоянных побоев. Вот это удивило больше всего, в начале войны немцы старались быть корректными по отношению к пленным генералам.

Если у девчонки агента следы побоев имели поверх-ностный характер, то у комдива УЗИ показало серьезные внутренние повреждения. В общем, поработали над ним немцы основательно.

После завтрака я наконец-то решился поговорить с пленной. Взяв для охраны (все-таки был еще слаб) Маркова, как самого спокойного и основательного бойца, но при этом не такого жалостливого, я пошел в дальнюю галерею, где держали задержанную.

Та, как ни странно, выглядела вполне спокойной. Я бы на ее месте, проснувшись связанным в темноте и прикованным к стене, ну, в шок не впал бы, но нервы бы себе потрепал. А тут такое спокойствие. Тем лучше, значит, встретился с профессионалом. Ох, жаль, Витьки Кузьмина нету, вот кто бы с удовольствием поколол бы ее на предмет чистосердечного признания.

Включив свет, подошел к ней, поставил табуретку и присел. Долго стоять пока не мог. Та моргала от яркого света – стоваттная «экономка» вещь интересная. Подождав, пока Марков бесцеремонно сорвет с нее скотч, начал разговор, при этом включил диктофон.

– Ну здравствуй, девица-красавица, ты чьих будешь?

– Я не понимаю, о чем вы, зачем вы меня связали?

– Вот что, краса ненаглядная, последнее предупреждение – ты никто и зовут тебя никак. Увидишь ли ты в своей короткой жизни солнце или нет, сейчас зависит от тебя. Еще один встречный вопрос не по теме, и мы будем делать тебе очень больно, умереть не умрешь, но больно будет очень. Чтоб не было глупых разговоров по теме «я не я, ничего не знаю», ваша принадлежность к структурам госбезопасности или разведке Германии не подлежит сомнению. Сейчас стоит вопрос о том, насколько вы мне будете интересны. Пока ситуация складывается так, что мне проще вас прирезать и подбросить вашу милую головку вашим начальникам. Если вы предложите нечто интересное, то это даст шанс.

– Я могу подумать?

– Нет. Вы профессионал. Должны понимать условия. У нас нет времени играть в шпионские игры. Итак, кто вы и на какую структуру работаете?

– Инга Грищенко.

– Странно, украинская фамилия, а работаете на немцев.

– Я из поволжских немцев.

– А-а-а-а. Ну, это многое объясняет. Цель вашего задания, сроки исполнения.

– Поиск секретного бункера НКВД, охраняемого специальной группой ОСНАЗа ГУГБ НКВД во главе с капитаном Зиминим. Поиски обычными средствами ничего не дали, поэтому было принято решение о внедрении агента.

– На кого работаете, кто куратор, кто руководит операцией?

– Разведка. Руководит лично полковник Кришбаум. Операция на жестком контроле в Берлине.

– Почему именно разведка, а не СД? Когда ожидается масштабная войсковая поисковая операция?

– Операция совместная с СД, они занимаются силовым обеспечением. Про войсковую операцию ничего не знаю, этот район неоднократно прочесывался и частями СС, и подразделениями тайной полевой полиции.

– Хорошо. Что вам известно о бункере и о нашем подразделении?

– По мнению моего руководства, в лесу расположен глубоко засекреченный объект, оснащенный новым, передовым оборудованием радиоэлектронной разведки и подавления систем связи. Бункер охраняется специальным подразделением диверсантов, которые эпизодически выходят наружу для встречи с агентами и пополнения запасов и продуктов питания. После того как вы уничтожили командира 2-й моторизованной дивизии, вопрос о вашей поимке находится под личным контролем фюрера.

– Как сумели выйти на нас и организовать такую попытку внедрения?

– Район появления ваших боевиков был ограничен селами Вильницы и Запрудье и близлежащим лесом. Везде были размещены наблюдатели и при обнаружении обязаны были дать условный сигнал без использования радиопередатчиков. Когда ваши люди появились возле села Вильницы, специальному подразделению СД была дана команда отслеживать перемещения, не обнаруживая себя. Перед вами разыграли спектакль и в качестве наживки использовали пленного русского генерала. Если бы ваши люди не напали на охрану, то их бы не выпустили оттуда. Но никто не предполагал, что вы поведете себя таким образом.

– А если бы мы были в другом месте?

– Все равно вас бы выдавили на нашу группу и подсунули меня с генералом.

– Если вы так лихо засветили нашу разведку, зачем столько сложностей? Не проще было бы захватить людей и допросить?

– Захватить ваших людей было бы не так уж просто, и это бы насторожило вас. Тем более, где гарантия, что они выдадут местоположение бункера или вообще достанутся нам живыми? Это подготовленные бойцы, которые уже доказали, что опасны и непредсказуемы.

– Но все же, слишком много допущений. С чем это связано?

– Мы считаем, что бункер подготовлен к уничтожению, и моя задача была выяснить местоположение бункера и нейтрализовать систему самоликвидации.

– Чем определены такие узкие временные рамки операции?

– Аппаратура и персонал бункера представляют большой интерес для моего руководства.

– Опа. Ну наконец-то стало понятно. Кто-то из немецкого руководства решил приобрести дополнительные козыри в борьбе за власть, а захват русской секретной базы очень большое достижение. Неужели сам Канарис взялся за дело? Хотя вы сказали, что операцией руководит глава Гехайме Фельдполицай полковник Абвера Кришбаум. Насколько я знаю, тайная полевая полиция создавалась в помощь контрразведке, значит, вы не до конца откровенны. Кто стороны контрразведки курирует операцию?

– Вчера вечером из Берлина прилетел подполковник Франц фон Бентивеньи.

– О как! Сам начальник Абвера-3 пожаловал. Круто за нас взялись.

– Вы неплохо информированы для простого боевика, капитан. Хотя орденом Красной Звезды просто так не наградят. Вы обречены, Зимин, рано или поздно вас найдут. Вам лучше сдаться – такой человек достоин большего. Только в Германии могут оценить настоящего солдата. А вы доказали, что с вами надо считаться. Зря надеетесь на помощь, сюда уже никто беспрепятственно не проникнет.

Хм. Мне аж смешно стало, девочка сама верила в то, что говорила, ну, может, очень хорошо играла.

– Ага, и мне простят то, что завалил немецкого генерала и кучу солдат элитной дивизии СС, не считая активного участия в обороне Могилева? Не смешите, я ранен, у меня большая потеря крови, но кретином я никогда не был. Лучше ответьте на такой вопрос, почему операцией руководит разведка, а не СД, ведь данный вопрос скорее в их компетенции?

– Я не знаю, что произошло в Берлине, но приказ был о проведении совместной операции.

– Зато я догадываюсь. Наверно, Гиммлер и Канарис получили по мозгам от вашего фюрера и решили на время забыть свои распри и заняться моей скромной персоной. Вот это как раз не есть гуд.

Я надолго задумался. Ситуация выходит из-под контроля. Какой-то неясный страх не давал полностью осмыслить ситуацию. Что-то пропустил. Хотя диктофон был, прослушаю запись потом еще разок, может, что вспомню.

А вот то, что с передачей пакета в таких условиях надо повременить, это точно. Хотя есть лазейка. Попробуем прощупать эту возможность.

– Какие силы задействованы при блокировании выхода к Днепру?

– Я точно не знаю. Но этот путь отхода для вас точно закрыт. Так что не надейтесь уйти и второй раз – фокус с Каштановкой и самолетом не получится. Хотя могу согласиться, что проделали вы все мастерски, и мы там долго держали людей в засаде.

Я про себя улыбнулся.

– Надеюсь, они там не сильно скучали?

– Да, вы правы, в этой ситуации для вас есть причина улыбаться. Но все же вы обречены. Подумайте, пока есть время. Абвер сможет оценить ваши достоинства, но когда за вас уже плотно возьмется СД, шанса спастись и достойно продолжить свою службу в разведке победоносной армии уже не будет.

– Да уж, загнула, так загнула. Скажите, а вашего папу случаем не Йозеф зовут?

– Нет, а почему вы спросили?

– Смотрю на вас и вижу фамильную геббельсовскую манеру вешать лапшу на уши. Девочка, может, ты намного старше, чем выглядишь, скорее оно так и есть, но запомни одно. Когда ваши солдаты согнали детишек в амбар и облили его бензином, я вышел сам. Тогда я сделал свой выбор и сейчас его менять не собираюсь. Потому что я не хочу служить в победо-

носной армии, а мое призвание защищать свою Родину. Может, это и звучит пафосно, но уж больше ничего другого не умею делать. И чем больше немцев и их прихвостней сейчас закопаю в нашу землю, тем проще будет потом отбивать эти земли обратно. Все что нужно я вроде бы узнал. Бойцы вас покормят и отведут по нужде. Ликвидировать вас пока не собираюсь. Думаю, нам еще придется пообщаться, но на вашем месте я бы поостерегся от необдуманных поступков. Будет очень больно и при нынешнем уровне медицины неизлечимо.

С некоторым трудом я поднялся и, чуть пошатываясь от слабости, пошел на выход из галереи, за мной, забрав стул, топал Марков. Но мысль, что что-то упустил, не давала покоя.

Уже после ужина, когда я улегся в своем спальном боксе, я решил еще раз послушать запись. Чтоб не будить посапывающую рядом жену, воткнул в уши гарнитуру наушников и запустил запись еще раз. Но после второго по счету прослушивания решил последовать старой русской поговорке «утро вечера мудренее» и заснул.

Как оказалось, народ просто так не будет придумывать, а может, мне стало лучше после ранения, но ответ пришел. Инга сказала про орден Красной Звезды. Но когда награждают разведчиков, выполняющих секретные задания, сам факт награждения не афишируется. А награды выдаются чуть ли не при выходе на пенсию.

То, что меня наградили, знали немногие в бункере, не то что кто-то в городе. Попавший в плен сержант Демин этого знать не мог. Значит, у немцев свой источник, причем в центральном аппарате ГУГБ НКВД. Вот ведь засада. Так ведь меня и слить немцам могут и тогда здесь, под Могилевым, весь Вермахт будет меня ловить. А этого я старался избежать, как только мог. Значит, надо срочно доложить в Москву и прекратить выходы. В крайнем случае, в пятой точке, за Днепром. Я поэтому и спрашивал, как перекрыта дорога к реке. Немцы и не предполагают, что у меня есть свой выход на том берегу. Ну и пусть сторожат целый лесной массив. Там я больше не появлюсь. Ну разве что передать очередную радиограмму, чтоб их подержать подольше.

Ночью радиограмму я все-таки отправил. Пусть займутся ловлей мышей там, у себя.

«Странник – Центру

По показаниям агента, немецкое руководство имеет информацию о награждении Курьера государственными наградами, отправке группы контакта в район Могилева и особом статусе группы Курьера. Оперативными и следственными действиями получить информацию такого уровня на месте невозможно. По многим признакам, можно сделать вывод о наличии в центральном аппарате ГУГБ НКВД агента, имеющего доступ к данным государственной важности, но не имеющего полного доступа к информации по Страннику-Курьеру. В районе Могилева происходят масштабные поисковые мероприятия. Передача очередного пакета сопряжена с большим риском провала, что будет иметь катастрофические последствия. Рекомендуем на время сократить контакты и вывести из опасного района группу капитана Строгова и сводный отряд капитана НКВД Чистякова. Возможность захвата Курьера противником исключена, приняты все меры предосторожности. О новых контактах сообщим дополнительно.

Странник».

Сообщение Странника вызвало замешательство в высшем руководстве госбезопасности СССР. Особо секретная операция не просто под угрозой, есть большая вероятность того, что немецкая сторона в курсе и может получить информацию из будущего. Однако в данной ситуации Берия пошел на смелый шаг и решился произвести передачу пакета. Все проводилось в строгой тайне, и для отправки самолета готовилась отвлекающая войсковая операция. Обстоятельств я не знал. Но не сомневался, что подобные действия были согласованы со Сталиным. При очередном сеансе связи я попросил отсрочку в три дня, для того чтобы подготовить Романова к транспортировке. Но мне ответили, что сроков изменить не могут, ввиду начала

отвлекающей операции. Я понял: время уже назначено, силы выделены. Поэтому решил пойти пообщаться с Романовым, напоследок.

Он уже чувствовал себя более или менее нормально, Марина смогла вывести его из шока, подлатав многочисленные раны. Генерал встретил меня лежа на кушетке, в медицинском блоке. Как только увидел входящего, попытался встать, но я остановил его:

– Здравствуйте, Михаил Тимофеевич, сейчас появилась возможность с вами поговорить.

– Здравствуйте, Сергей Иванович, вот никак не ожидал снова с вами встретиться, хотя очень много слышал.

– Надеюсь, только хорошее? Я вроде вел себя хорошо, как примерный мальчик.

Но Романов не принял шутливого тона.

– Немцы про вас много спрашивали, уж очень они вами интересовались. Особенно после падения города и вашего прорыва из окружения. Большого, конечно, мне не сказали, но то, что вы смогли их разозлить, это точно. Что вы такого сделали?

– Пощипали 2-ю моторизованную, которую после боев в Могилеве вывели на пополнение, и грохнули ее командира.

– Да я смотрю, вы все не можете угомониться, – с грустной улыбкой ответил генерал.

– Приходится, такая у нас с вами работа, Михаил Тимофеевич. Но я хотел поговорить о другом. Вы себя сейчас лучше чувствуете, так что способны будете воспринимать информацию. Разговор будет очень тяжелым.

– Я понимаю, что советский комдив, попавший в плен, подлежит наказанию и вы, как представитель органов, вправе меня наказать. Да и за сдачу города мне придется отвечать. Вы об этом хотели поговорить?

– И об этом тоже. Через три дня прилетит самолет и доставит вас и еще одну девушку, с которой вас освободили из плена, в Москву. Естественно, за все придется ответить. Но я бы хотел дать вам шанс выжить и продолжить воевать с немцами. Мое мнение, что с теми силами, что у вас были в подчинении, вы сделали намного больше, нежели могли.

– Спасибо, что понимаете, странно слышать это от сотрудника органов госбезопасности, хотя сколько с вами общался, всегда удивлялся.

– Чему именно?

– А вы к людям по-другому относились.

– Вот как, очень интересно. Для этого есть особые причины, узнав которые, вы поймете, насколько все серьезно.

Выждав небольшую паузу, дав ему обдумать мои слова, я продолжил:

– Давайте так, я вам дам почитать одну книгу, и мы потом поговорим. – И положил ему на кровать толстую книгу, где на обложке было выведено: «История Второй мировой войны».

Глава 29

Пока Романов с угрюмой увлеченностью читал книгу, я решил заняться внутренними делами бункера. Слишком много накопилось проблем, которые требовали моего вмешательства. Даже элементарно с сыном давно нормально не общался, а у него сейчас самый интересный возраст, когда он все начинает видеть и понимать.

Пришлось привлекать новообретенных компаньонов для работы по бункеру. Раненое плечо еще побаливало, и левая рука висела на повязке. Однако многие точные операции я мог делать сам и с удовольствием окунулся в эти заботы. Как сказала недавно Марина: «Ты слишком заигрался в войну, сейчас уже война играет с тобой». Я и сам чувствовал правоту этих слов. Слишком уж глубоко я влез в проблемы 41-го года. Реально что-то поменять так и не получается, зато много людей, воевавших рядом со мной, уже погибли. Умом понимал – и без меня эти люди обречены историей, но то, что я их вел в бой и потом не досчитывался среди живых, это моя вина.

С такими мыслями я бродил по галереям бункера и часто переживал снова и снова бои, эмоции, что тогда испытывал. Хорошо, что хоть жена это все поняла и по мере возможности старалась отвлекать меня от этих переживаний. Ведь по большому счету я не боевик и не супермен. Обычный человек, хотя и имеющий боевой опыт, но война – это не мое призвание.

Проблемы с аккумуляторами и дизелями решали совместно. Но энергоотдача от ветрогенераторов резко упала, поэтому появилась необходимость выйти на поверхность и провести регламентные работы. Обвешавшись оружием, надев ОЗК и противогазы, через двойную бронированную дверь и проход в доме, мы с Вяткиным и Марковым вышли на поверхность. Тем было очень интересно посмотреть на мир будущего.

Как у нас уже было принято при выходах в 41-м, Светлана по радиопередатчику отслеживала радиодиапазон и, используя внешнюю систему видеонаблюдения, контролировала ситуацию на поверхности. Тут же в таких точно костюмах ОЗК находились Малой, Воропаев и почти здоровый Миронов в качестве группы силового обеспечения на случай непредвиденных ситуаций. Вот тут как раз на оружие не скупилась, бронежилеты, автоматы, гранатометы, чтобы в случае чего поддержать группу на поверхности. Марков с пулеметом засел на верхнем, полуразрушенном этаже дома, пока мы с Вяткиным разбирались с ремонтом ветрогенераторов.

Ничего неожиданного не произошло. Хотя панорама ядерной зимы произвела гнетущее впечатление на бойцов. Черный снег и вид развалин расстроят любого человека с нормальной психикой. Часа через два, порядком замерзнув, мы снова вернулись в бункер. Я еще не успел снять с помощью Вяткина ОЗК, как на связь вышла супруга, которая дежурила на радиостанции.

– Сережа, тут рядом, буквально в километре, заработал радиопередатчик.

– Понятно. Всем, боевая тревога, подготовиться для отражения атаки бункера.

Пока бойцы блокировали двери и занимали позиции для боя, я пошел в помещение радиоузла послушать переговоры на поверхности.

– Ну, что там?

– Посмотри сам, только что вышел еще один передатчик, послабее и в другом диапазоне.

Углубившись в таблицы с частотами и параметрами модуляции радиостанций, я сразу сделал выводы.

– Второй по виду «портативка», а вот первый похож на армейский. Давай прокрути записи.

Светлана пощелкала мышкой, запуская файлы аудиозаписей.

«– Борисыч, нас зажали, это люди Ильеса.

– Где вы?

– В районе Молодежного.
– Продержитесь минут сорок, раньше не успеем.
– Не продержимся, их тут два отряда, зажимают в районе переезда, там только гаражи, не спрячемся.

– Продержитесь, мы постараемся побыстрее».

Я посмотрел на время записи – сделана восемь минут назад.

– А что второй передатчик?

– Татары.

– Борисыч? Очень интересно. Если это Юрка Панков и зажали его людей, надо вмешаться. Тем более рано или поздно нам понадобится помощь на поверхности. Высокотехнологичные ресурсы бункера уже на исходе, и было бы неплохо начать контактировать и заняться обменом. К тому же, что предложить – есть. Вся оружейка немецкими стволами забита.

С Юркой Панковым мы вместе работали в компьютерной фирме, а потом, когда созрели, организовали свою. Я занимался больше системами безопасности, а Борисыч был больше сервисником, ремонтировал принтеры и заправлял картриджи. Так что, если это он, то это будет очень хорошей новостью – об этом человеке у меня остались только самые лучшие воспоминания, несмотря на то, что наши дороги в бизнесе разошлись.

Светка сразу встала на дыбы.

– Ты что, еще не навоевался? Сам еле ходишь, а снова в бой лезешь?

– Света, ты сама понимаешь, что нашему затворничеству пришел конец. И вопрос обнаружения бункера – это дело времени. Лучше сейчас всем по зубам дать, чтоб уважали, чем потом отражать штурмы любителей поживы. Тем более так или иначе придется принять чью-то сторону. Да и бойцы из нашего времени не помешают. А тут Борисыч. Ты ж его сама знаешь, он гадом никогда не был. Я вмешиваюсь.

– А ты уверен, что это именно тот, твой Борисыч, с которым ты работал?

– А вот сейчас и спрошу.

Взяв в руку тангенту радиостанции, я нажал кнопку передачи:

– Полковник вызывает Борисыча, ответьте. Полковник вызывает Борисыча, ответьте.

Когда я еще работал с ребятами, у меня была кличка «Полковник», таким образом они подчеркивали мое военное прошлое.

Через некоторое время Борисыч ответил.

– Слушаю, что за полковник?

– А ты вспомни, с кем ты на монтажи ездил и в Симеиз, и в Алушту, и в Керчь?

– Какие монтажи?

– Видеонаблюдение.

– Серега, ты?

– Да, вроде как я. А теперь скажи, что ты за машину купил с рук в марте две тысячи девятого? И какой объем движка был?

В трубке послышался смешок.

– «Фольксваген Кадди». Движок один и девять.

– Понял, Борисыч. Передай людям, чтоб не дергались и уводили погоню в сторону московской трассы.

– Сейчас сделаю.

Поговорил, и сразу стало приятно на душе. Хоть один старый друг нашелся. Подготовив группу для боя в условиях поселка, мы вышли на поверхность и в быстром темпе двинулись наперерез погоне. Светлана в это время включила установку подавления помех, чтобы бандиты не могли нормально переговариваться. Вот и мое маленькое изобретение, которое доставило немцам много неприятностей, поработает в нашем времени на благое дело.

Но получилось так, что планы изменились. Светлана связалась с нами и доложила – бандиты повредили машину и те вынуждены были принять бой. К сожалению, через имеющиеся у нас радиостанции нельзя было связаться с потерпевшими, и наш радиоузел использовался для передачи сообщений.

Минут через десять бега мы уже были недалеко и даже через резину противогазов слышали перестрелку.

Судя по характеру стрельбы, все экономили патроны. Стреляли в основном автоматы Калашникова, причем одиночными, изредка очередями. Пару раз дал несколько очередей ПКМ.

Ориентируясь по звукам и комментариям Светланы, мы зашли почти в тыл нападавшим. Малой по привычке сразу нашел неплохую позицию в полуразрушенном доме, которая позволяла держать все пространство под обстрелом. Там же, невдалеке, примостился Марков с пулеметом. Из-за ранения я особенно воевать был не в состоянии, поэтому вооружился только АПСом, который расположил в тактической кобуре, дослав патрон в патронник и поставив на предохранитель.

Представшая картина была достойна фильма «Безумный Макс» или чего-то похожего. В бывший палисадник влетел ГАЗ-66, обшитый стальными листами, с расположенной на крыше небольшой башенкой для дозорного или пулеметчика. Из разбитого радиатора валил пар, и машина основательно завалилась набок, упершись в бетонный блок. Из-за машины периодически постреливали. Но при этом один человек, обмотанный тряпками, в противогазе, пробирался через облезлые заросли кустов к дому. В принципе, ситуация вполне обычная. Он там засядет среди домов, и если боевики попробуют его обойти, устроит им небольшую засаду. Возможно, используя фактор неожиданности, он сможет пару человек завалить.

Но нападающие не были новичками и вполне грамотно зажали беглецов. В качестве головной машины использовали обшитый стальными листами и сеткой вместо стекол джип. На раме был установлен пулемет, возле которого стоял боевик и иногда постреливал в сторону, сдерживая беглецов и давая группе захвата подобраться на расстояние броска гранаты. Чуть сзади замер обычный БТР-80. Но обшарпанный вид и большое количество дополнительных металлических элементов, приваренных к кузову, лишали его привычного вида военной машины. Сейчас он напоминал усталого работягу, помнившего лучшие годы.

Пара человек в таких же тряпках и противогазах прятались за бронетранспортером – видимо, руководство. Остальные боевики короткими перебежками, под прикрытием пулемета, пытались сократить расстояние. Но при этом все выполнялось достаточно топорно, сразу было видно, что это не военные, а простой сброд.

Группа захвата шла достаточно кучно, и будь у обороняющихся пара гранатометов или на худой конец просто ручные гранаты, то они могли бы очень неприятно удивить боевиков. Но, видимо, боеприпасы за последнее время стали большим дефицитом, поэтому в данной ситуации побеждали те, кого больше. Ни о каком массированном применении оружия и разговора быть не могло, об эффективной плотности огня здесь потихоньку начали забывать. Пока не появились мы.

Затарившись на базе приличным запасом немецких наступательных гранат, «колотушек», которых после столкновений с немцами накопилось штук пятьдесят, мы решили устроить боевикам настоящий праздник. Подобравшись к боевикам максимально близко, разложили перед собой по четыре гранаты. Открутили колпачки и вытянули шнуры с фарфоровыми пуговицами. Потом уже привычно начали тянуть за шнурки и кидать гранаты в боевиков. Я не мог участвовать в этом процессе, поэтому, вытащив АПС из кобуры, занимался общим руководством.

Когда вокруг боевиков начали взрываться гранаты, открыли огонь и Малой и Марков. Тут боевой опыт и уверенность в своих силах проявились в полной мере. Два боевика, прятаяв-

шиеся за БТРом, упали сразу, получив по пуле в голову. Взрывы гранат, плотно накрывшие боевиков, раскидали их и дали время бойцам в короткой атаке добежать до бронетранспортера и джипа, где убитый снайпером пулеметчик обнимался с пулеметом, и открыть плотный автоматный огонь по оставшимся боевикам. Пока мы достаточно энергично добивали боевиков и прижимали к земле выживших, к нам подоспел Марков с пулеметом. Он свободно расположился на бронетранспортере и уже методично и безжалостно стал расстреливать всех, и мертвых, и живых, кто лежал перед заваленным ГАЗ-66. Через минуту все было кончено.

Люди Борисыча не ожидали такого светопрествления, и вид бойцов в одинаковой форме, даже если она состояла из новеньких ОЗК и немецких маскировочных накидок, вызвал удивление. Однако никто не стал расслабляться, они взяли нас на прицел. Но вид Воропаева, деловито направившего на их поврежденную машину гранатомет, дал понять, что с нами лучше дружить.

Отправив Миронова на левый фланг, а Вяткина на правый, контролировать обстановку и выявлять непрошенных гостей, я под прикрытием пулемета Маркова открыто и спокойно направился к «Шишиге». Подойдя ближе, рассмотрел тех, кого спасал.

Люди в противогазах, замотанные в тряпки поверх ОЗК. По фигурам почти ничего нельзя было сказать. Разве что тот, кто забрался в кусты, фигурой и движениями больше походил на подростка или девчонку.

Люди, поняв, что им пока ничего не угрожает, спокойно вышли навстречу, поглядывая на то, как Воропаев, отложив гранатомет, ходит и из парабеллума добывает боевиков. Вот что значат опыт, постоянные тренировки и поучения. А Марков так и держит их на прицеле. В это время из развалин показался Малой и деловито начал копать сначала в БТРе, а потом полез в джип. Его хозяйственная жилка охотника меня всегда удивляла. Он всегда тянул все бесхозное, что может понадобиться товарищам, а не как наши современные стяжатели, лишь бы утянуть.

Теперь уже я с интересом рассматривал вооружение боевиков и поисковиков Борисыча. В общем, было грустно смотреть. Несколько потертых АКМов, столько же АК-74, а все остальное – охотничье оружие. В отношении оружия и трофеев лучше с немцами воевать, как-то продуктивнее получается.

Лица вышедшего мне навстречу мужчины я разглядеть, конечно, не мог, но вот глаза сказали многое. Это был взгляд забитого и уставшего от жизни человека. Но при этом в нем светилась какая-то опаска и надежда. Я его неплохо понимал. Все рассыпалось, а тут военные, чистенькие и с новеньким оружием. Наверно, так смотрели в пустыне на людей, которые знали, где находится оазис с водой.

В это время Малой, уже даже без команды, вскинул СВД и занял позицию, прикрывая меня.

Из-за машины показался еще один боец, явно помоложе. Снаряжение и оружие, конечно, вызывали тоску. Два потертых АК-74, лица замотаны тряпками, чтобы не нахвататься радиоактивной пыли.

В противогазе трудновато разговаривать, поэтому, вложив пистолет в кобуру, я указал пальцем на третьего, который все еще прятался в кустах, и жестами объяснил, чтоб выходил из кустов. Главный в этой троице все понял прекрасно, немного помедлив, повернулся к третьему и замахал руками. Из кустов показался третий, вооруженный охотничьим ружьем.

Я приблизил свое лицо в противогазе к противогазу самого старшего и проговорил:

– Привет, вы люди Борисыча?

С трудом удалось из-за ветра разобрать ответное мычание, но я его понял.

– Да, спасибо, что помогли. Иначе бы мы у них рабами стали. Они сейчас как раз этим и промышляют. Продают рабов другим бункерам в обмен на оружие и продукты.

Вот как, очень познавательно. Что ж, общество опять скатывается к рабовладельческо-клановому типу.

– Вы же военные? У нас ходят легенды, что остались бункеры с военными, где есть оружие и продукты.

– Что, такая напряженка?

– Очень, поэтому и рискуем по развалинам, может, что найдем.

– Сочувствую, сейчас дождемся Борисыча и пообщаемся более предметно, может, чем и поможем.

Тот кивнул уже намного спокойнее. Но я его предупредил, чтобы не делал глупостей и оставил оружие возле машины, иначе мой снайпер будет нервничать. После такой тирады я связался по радио с Воропаевым, который уже всюю помогал Маркову собирать оружие и потрошить транспорт.

– Зяблик, это Феникс.

– На связи.

– Обыщи-ка этих гавриков, чтоб глупых мыслей в голове не было. Оружие сложи тут же, возле машины, чтоб не обиделись.

– Понял.

Вскинув наизготовку укороченный АК-74у, он решительно двинулся к трем освобожденным.

Привычно и достаточно бесцеремонно отобрал у них оружие, у старшего нашел ПМ, и кинул все кучей возле машины. У каждого еще оказались нож и топорик. Их ожидала та же судьба, что и огнестрельное оружие. После этих действий Малой, который почти все время держал на прицеле эту троицу, успокоился.

Их предупредили, что это не арест, а мера предосторожности. А я пока решил связаться с Борисычем.

– База, это Феникс, свяжись с Борисычем, уточни, когда он будет.

– Понял вас, Феникс.

Минуты через три Светлана доложила, что Борисыч будет минут через десять. И подтвердила, что так оно и есть, так как отслеживала на пеленгаторе местоположение радиопередатчика.

Минут через пятнадцать появился переделанный в некоторое подобие броневика микроавтобус «Фольксваген». Мои люди снова попрятались и взяли новоприбывшего на прицел. Но при этом не забывали о контроле окрестностей на предмет нежелательных сюрпризов с тыла или фланга.

Задние двери распахнулись прямо как в БМП, и оттуда выскочили четыре человека с автоматами. Как я понял, что-то типа группы быстрого реагирования и силовой поддержки. У одного был даже одноразовый гранатомет. Я стоял спокойно возле «бронированной» «Шишиги» и ожидал подхода старого знакомого, которого сразу опознал по характерной, чуть прыгающей походке. АПС так и остался в кобуре. Если начнут чудить, то мои ребята и так всех положат.

Но тут вышла на связь Светлана.

– Феникс, это База.

– На связи.

– В пяти километрах пытается выйти на связь передатчик, на тех же частотах, что и «портативки» бандюков.

– Как быстро двигаются?

– Минут через двадцать будут у вас.

– Вас понял, База. Принимаю меры.

– Всем, у нас гости. Усилить наблюдение.

Борисыч меня тоже узнал, несмотря на противогаз и ОЗК. Подбежав, обнял и закричал:
– Серега, блин, ну ты молоток. Вот кого не ожидал здесь увидеть, ты ж с морпехами в Севастополе был. Там вроде всех накрыло.

– Ну, было дело, но повезло, как видишь. Короче, Борисыч, тут гости подкатывают, надо встретить. Разбирайте оружие, прячьте машину и занимайте позиции, только не лезьте, будут работать мои ребята, твои для массовки.

Даже через стекла противогаза я увидел, как хитро сощурились его глаза.

– Хорошо, ты ж у нас полковник.

– Пусть твои помогут спрятать трупы, сделаем им ловушку. Эти машины не видны с дороги, только из-за поворота, поэтому если их будем валить, то только когда они выскочат на эту дорогу и тормознутся, увидев свои машины без хозяев.

Пока они таскали мертвых бандитов, я раздавал указания.

– Злой.

– На связи.

– Садись справа, возле дороги, в пятиэтажке, если они на простых колымагах, обшитых листами, бьешь сразу по машинам. Старайся движки и ходовую не зацепить, транспорт нам еще понадобится. Возьмешь себе Зяблика с гранатометом на подтан-цовку.

– Зяблик, слышал?

– Так точно.

– Гранатометом работаешь только по бронированным целям. Действуйте.

– Кукушка-один, Кукушка-два, на вас левый фланг, если Злой всех не задавит, они с вашей стороны залягут.

– Вяткин, со мной дальше по движению, проследим, чтоб они не высадили десант, и он не ударил нам в спину.

Вяткину так позывной и не придумали. Сколько было предложений и Дед, и Дядька, даже Седой. Но он все отказывался. Так и называем его по фамилии.

Подойдя к Борисычу, указал места, где его бойцы должны спрятаться и в случае сигнала контратаковать противника.

Время в засаде всегда течет раздражающе медленно. Как правило, чувствуешь себя как сжатая пружина и с каждой минутой все труднее сдерживаться в таком состоянии.

Минут через двадцать из-за поворота выскочили три джипа, переделанные по нынешней моде. Но, видимо, у Воропаева не выдержали нервы, и первый джип вспыхнул огненным шаром от попадания выстрела гранатомета. Тут же заработал пулемет Маркова, в упор расстреливающего концевой джип. Стальные листы, которыми были обшиты автомобили, несколько не спасали от мощных винтовочных патронов. Машина по инерции прокатила метров пять и замерла, заблокировав средний джип, который попытался развернуться, но после нескольких снайперских выстрелов по водителю замер. Боковая дверь открылась, и оттуда вывалился человек в камуфляже и противогазе, но тут же упал, получив несколько пуль от снайперов и стрелков Борисыча. Еще раздалось несколько выстрелов, и на этом бой закончился. Мы с Вяткиным, прикрывая друг друга, подбежали к концевому джипу, исковерканному пулеметным огнем. Невдалеке замер Воропаев, прикрывая нас с другого фланга. Дернув на себя дверь, мы для приличия отпрыгнули обратно. Но в этом не было необходимости. Марков очень неплохо поработал – внутри четыре трупа. Такая же картина оказалась и в среднем джипе.

Я, конечно, высказал Воропаеву насчет того, что не по назначению использовал гранатомет, однако по его довольным глазам видел, что ему очень нравится так вот жечь вражескую технику. Но Вяткин не остановился и по полной программе высказал про военные трофеи и их ценность для боевых товарищей. Выслушивая эту отповедь, я сам отозвался насчет сожженного джипа и использованного гранатомета.

Поделив по-братски захваченное оружие и технику, мы договорились встретиться на следующий день в километре от этого места. При этом нам достались нетронутые бронетранспортер и джип и несколько единиц стрелкового оружия. Пара охотничьих гладкостволов, четыре АК-74 разных модификаций и гранатомет РПГ-18 «Муха». На все попытки Борисыча выведать наше место постоянного проживания я мягко указал, что лишняя информированность может привести к лишней головной боли. На чем и расстались. Пока люди Борисыча возились с ремонтом «Шишиги», мои бойцы с интересом изучали устройство БТРа и трофейного джипа. Мне, как более опытному, пришлось проводить ускоренные курсы, и через полчаса цепкий до всего Марков уже с удовольствием сделал несколько кругов на джипе. Мне же пришлось сесть за управление бронетранспортера. Минут через сорок, когда стало понятно, что «Шишигу» отремонтировать не получится, мы взяли ее на буксировку джипом и вскоре разъехались.

За это время мы с Борисычем успели пообщаться, и я выяснил для себя много интересного, что касается нынешней жизни и социальной структуры общества после ядерной войны.

Население делилось на несколько анклавов, в большинстве случаев это определялось местоположением бункеров и убежищ. Учитывая, что большинство бункеров было захвачено еще во время войны, то и распределение группировок осталось почти таким же: этнические группировки, отряды самообороны, такие как возглавляемая Борисычем, военные и т. д.

Как таковые, боевые действия переросли в войну за ресурсы. В основном продукты, оружие и боеприпасы. Еще одним из привычных направлений были наркотики и работоторговля. Поэтому активно захватывались представители других анклавов и по уже налаженным каналам продавались в другие бункеры. По слухам, турки для этого использовали оставшуюся на плаву подводную лодку, которая регулярно приходила к берегам Крыма за новыми рабами.

В общем, более детально пообщаться договорились на следующий день, на взаимовыгодных условиях. Борисыча очень интересовало надежное оружие, боеприпасы и питание. Меня же – компьютеры, источники питания, технологическая информация, в частности чертежи и технологии производства автомобильной, бронетанковой, авиационной техники времен войны и послевоенных годов. На вопрос «зачем», я ответил, что с нынешней технологической базой будет проще осваивать выпуск той, массовой техники. По тому, как Борисыч стал уважительно со мной разговаривать, я понял, что объяснение прошло. Как оказалось, не одни мы готовились к ядерной войне, и народ тоже запасся данными о военной технике, технологиях и практике выживания. Были у них даже профессионалы во многих специальностях.

В общем, можно было наладить обмен информации на трофейное немецкое оружие и продукты питания.

Особенно внимательно оговорили радиосвязь, и что мне было особенно интересно – это могут ли наши бородатые друзья заниматься перехватом наших разговоров и при случае произвести триангуляцию источников излучения. Как оказалось, такая вероятность есть, так что придется уделять безопасности связи больше внимания.

Расстались с новыми союзниками, проследив, не оставили ли они наблюдателей. Дождавшись темноты, медленно поехали на бронетранспортере и джипе, сделав несколько кругов и поворотов, чтобы проверить наличие слежки, запутать следы и не выдать месторасположение нашего бункера.

Бронетранспортер загнали в гараж соседнего дома и на подступах поставили несколько растяжек, а джип загнали в наш гараж, где можно было привести его в порядок и модернизировать. Но, конечно, больше всех был доволен Марков, заполучив еще один современный пулемет в неплохом состоянии.

Глава 30

Вечером собрались на совет. На повестке дня стоял вопрос об установлении отношений с внешним миром в нашем времени и наши дальнейшие действия в 41-м году. Через два дня предстоял контакт с представителями руководства СССР и передача им сверхважного конверта с информацией по ядерному оружию. На завтра была запланирована встреча с Борисычем и его людьми. Раньше Борисыч был человеком слова, и никаких претензий по бизнесу к нему не было, друг, с которым можно идти в разведку. Но прошло много времени, и кто состоит в его команде, я не знал, поэтому соблюдение всех возможных мер предосторожности и конспирации не помешает. Выйдя на поверхность, я осмотрел бронетранспортер. Конечно, состояние не самое лучшее. Плохо за ним присматривали, но КПВТ был в рабочем состоянии, да и ПКТ тоже, так что при наличии боеприпасов БТР представлял собой достаточно грозную машину в умелых руках. Если для ПКТ в самом бронетранспортере был небольшой запас боеприпасов, да и у нас нашлось немного патронов, то для КПВТ патроны были дефицитом. Хотя в бронетранспортере имелся боекомплект к КПВТ в количестве двухсот патронов. Но, как я знал, выпуск патронов 14,5×117 мм начался еще до начала войны, и на основе этих боеприпасов разрабатывали противотанковые средства типа ПТР. Так что, набравшись наглости, я вышел на связь с Москвой и попросил при эвакуации генерала Романова и немецкого агента привезти несколько ящиков таких вот боеприпасов, да и стандартных винтовочных патронов и гранат не помешало бы. Но при необходимости груз можно скинуть на парашютах. Сейчас к моим фокусам относились вполне спокойно, а хозяйственный Вяткин, успевший уже облазить бронетранспортер, был согласен с моей идеей.

На завтра Москва согласилась произвести выброску груза на парашютах в указанном нами месте, которое будет подсвечено вертикально вверх фонарями в установленном порядке. Так что, завтрашняя ночь была занята.

После отдыха наконец-то состоялся разговор с генерал-майором Романовым. Войдя в медицинский блок, где он находился последние два дня, я приветливо с ним поздоровался.

– Доброе утро, Михаил Тимофеевич.

Тот, видимо, с большим нетерпением ожидал этого разговора, поэтому резво подскочил с лежака.

– Доброе утро, Сергей Иванович. Только трудно понять в этих казематах, когда день и когда ночь. Чувство времени притупляется. Все ждал, когда мы с вами сможем поговорить.

– Что ж, я специально вам дал возможность прочитать книгу, да и время на осмысление, тем более появились обстоятельства, которые потребовали моего немедленного вмешательства.

– Судя по этой книге и дате ее издания, вы не совсем тот человек, за кого себя выдаете. Раньше я думал, что вы сотрудник специального подразделения госбезопасности, которое занимается испытанием на фронте особой техники, но после того, что видел, и не знаю что думать. Сейчас это мне кажется откровением нечистого.

Я чуть ухмыльнулся. Кем-кем, а вот пособником нечистого меня еще не называли.

– Ну, вы же умный, образованный человек, должны были сделать выводы. Вот мне интересны ваши предположения, впрочем, давайте не будем терять время. Вы не мальчишка, чтоб с вами играть в загадки.

– Понятно, вы научились добывать информацию из будущего?

– Хм. Такой вот вариант я и сам как-то не продумал. Все проще и сложнее одновременно. Нет, мы не научились добывать так вот информацию, к сожалению. Мы сами из будущего. Вы находитесь в бункере, на глубине пятнадцати метров. Нашим ученым перед началом Третьей мировой войны удалось разработать систему создания портала в прошлое. Научный центр,

где проводились эти исследования, был уничтожен американцами прямым ударом сверхмощного оружия. Помещение, в котором вы находитесь, является резервным центром научного комплекса. Мы проводили исследования и попали в 1941 год. Но как оказалось, на том конце портала идет другая война, про которую я много читал, да и фильмов было снято очень много. Поэтому пришлось вмешаться.

– Зачем вы мне это все рассказываете?

– Завтра вас переправят в Москву, вместе с немецким агентом, который хотел с помощью вас внедриться в мое окружение. Я не знаю, как к вам бы отнеслись в такой ситуации без моего вмешательства, но думаю, ваша судьба была бы незавидной – сдачу Могилева точно не простят. А теперь вы являетесь моим посланцем, точнее очевидцем. В пакете с данными, что я отправляю вашему руководству, есть условие, по которому вас не должны наказывать, так как в тех обстоятельствах вы сделали все, что могли.

– Вы знаете мою судьбу?

– Вам действительно это хочется знать? Хорошо. Вы бежали из плена, стали командиром партизанского отряда, потом вас поймали и повесили. Так что хоть тут получилось что-то изменить.

– Вы хотите изменить историю?

– Да, наверно. Но основное – это выживание. После войны мало что осталось, и нам нужны боеприпасы и продукты. Вы мне нужны для того чтобы подтвердить правдивость моих слов, как свидетель. Пускать кого-то из орлов Меркулова как-то не хочется, обязательно начнутся шпионские страсти, а может, и попытка силового захвата. Но тут, кроме большого взрыва, вряд ли что-то получится. Система настроена таким образом, что при попытке захвата и установка, и весь комплекс уничтожаются. Не забывайте, что нас разделяет много времени и за этот период средства уничтожения себе подобных развивались в первую очередь.

– Я вас понимаю. Есть что-то такое еще, чего стоит опасаться и чего не стоит знать всем?

– Конечно. И если я сейчас дам вам эти знания, то уверен, что ваша судьба будет не сильно отличаться от той, что была в нашей реальности. Но с другой стороны, давайте сделаем так: мы с вами выйдем на поверхность, и я вам покажу образец боевой машины, которая массово выпускается в нашей стране. Мы ее сфотографируем, я через вас передам чертежи и характеристики, а вы от себя дадите рекомендации и пояснения. Таким образом, ваша ценность как посланника увеличится, и у вас появится шанс быть полезным, а не стать козлом отпущения, на которого повесят вину за сдачу Могилева. Я хочу, чтобы вы донесли до руководства страны только одну мысль – с нами очень выгодно общаться по-доброму. И если честно, то мы действительно сочувствуем советскому народу, так как являемся вашими прямыми потомками.

– Мы выиграем войну, но с большими потерями?

– Да. Цена такова, что самому страшно. Я видел, как умер мир. Как сгорали целыми городами, но то, что творили немцы на захваченных территориях не менее страшно. Поэтому они и для нас враги, и мы будем помогать, как только сможем. Вот только желательно, чтоб этот процесс был взаимовыгодным.

– Понятно. Это многое объясняет, особенно ваши данные по немецкому наступлению.

– Давайте сделаем так: вы еще не очень хорошо себя чувствуете, поэтому выход на поверхность перенесем на завтра. Я тут подкину вам еще информации для ознакомления. Думаю, вам будет интересно.

После чего я на DVD настроил ему показ сериала «Броня России». Думаю, для боевого генерала весьма познавательно. Часа четыре будет занят.

А мы пока стали готовиться к встрече с Борисычем. Для затравки приготовили двадцать немецких винтовок «Маузер 98» и к каждой по пятьдесят патронов. А лично для давнего друга я припас особый подарок – «Маузер К96», который был захвачен у эсесовской разведгруппы. Хорошая машинка под патрон парабеллума. От лишних MG-34 мы пока решили не избав-

ляться. Надо же еще что-то оставить для будущей торговли. Еще одна тайная мысль, которая часто меня посещала, это судьба друга, Витьки Кузьмина. Труп его я так и не видел. Вполне возможно, что он попал в плен и мог бы выжить. Для поисков придется выходить на выживших в местах боев под Новороссийском, а при случае уточнить у турок. У местных татар есть контакты с бункерами на южном побережье Черного моря, может, что и получится. Поэтому средства придется выделять, и для этого, конечно, оптимально было бы захватить кое-кого и заставить дать выход на руководство бункеров за морем, но думаю, там не стали бы со мной разговаривать. Будем через Борисыча выходить на местных мусульманских нейтралов, которые во время войны старались не принимать участия в боевых действиях и ограничивались созданием отрядов самообороны для охраны мест компактного проживания единоверцев.

Пока было время, распечатал карту города и пригородов и покрыл ее координатной сеткой, введя при этом свою разметку и маркировку, отличную от ген-штабовских и туристических карт. Один экземпляр будет у меня, второй у Борисыча, чтобы по радиосвязи назначать места встреч, не боясь возможности перехвата.

Встреча была назначена на двенадцать, но вышли мы намного раньше. На этот раз, так же как и местные, обмотались тряпками и кусками маскировочных накидок. Выйдя к месту встречи, бойцы рассредоточились, занимая позиции исходя из возможности столкновения с теми, кто приехал на встречу, и попытки напасть с тыла. Невдалеке, в здании, сложили наши подарки и на всякий случай заминировали, также, из природной паранойи, поставили несколько сигнальных мин и растяжек. Сейчас уже никто не возмущался от такой вот рутинной и кропотливой работы, понимали, что в случае чего это даст шанс.

Через час ожидания, который мы провели в холодных и засыпанных черным снегом развалинах, наконец-то вышел на связь Борисыч, подтвердив, что он подъезжает.

Вскоре появилась знакомая «Шишига» и за ней недавно захваченный джип с пулеметом на раме.

Я, не скрываясь, вышел вперед, но выбрал место так, чтоб одним прыжком спрятаться за камнями в случае нестандартного развития ситуации.

Но приехавшие не выявляли признаков агрессивности, поэтому, когда из джипа выпрыгнул Борисыч, которого опять выдала характерная походка, я пошел навстречу, уже не сильно опасаясь.

Зайдя в изолированный кузов «Шишиги», мы наконец-то смогли снять противогазы и нормально пообщаться вживую.

Мы обнялись как старые друзья. Борисыч просто лучился добродушием, и разницы в нем, кроме седины, за эти прошедшие годы я как-то не заметил.

– Серега, как классно, что ты появился. А то эти ловцы рабов уже всех достали. А тут так по зубам получили – сразу двадцать бойцов потеряли. Мои на Базаре пустили слух, что появился отряд армейских «чистильщиков». Так все затихли, ждут, что дальше будет.

– Что за базар такой?

– А помнишь, под Московским кольцом переход большой был, так его расширили и сделали чем-то типа большого подземного рынка. Там можно многое купить и продать. Если что-то нужно узнать, то лучше тоже туда. В общем, что-то вроде культурного центра для общения. Нейтральная зона, где разборки запрещены.

– А кто там все держит?

– Бывшие украинские вояки. В основном, остатки украинского полка внутренних войск. Ну, ты их знаешь, помнишь, полковник Черненко, они еще возле центрального рынка базировались.

– А, помню, Михаил Григорьевич, неплохой мужик. Крепкий такой офицер. Если он там все держит, значит, порядок должен быть. Мы как-то с ним пересекались.

– Да, так и есть. Но их мало осталось. Многие «срочники» по домам разбежались. Так что держать в порядке район они уже давно не могут, силенок не хватает, поэтому такие, как Ильяс, тут и творят что хотят. Он с турками еще во время войны снюхался. Так что с оружием и боеприпасами у него проблем нет.

– Понятно, Борисыч, ты бы про нас сильно не трепался. Не хотелось, чтобы на нас тут охоту объявили. Мы, конечно, укорот всем дадим, но лишний шум нам не нужен. У нас свои задачи, и не хотелось бы отвлекаться по мелочам.

Борисыч понимающе ухмыльнулся.

– Ты, как всегда, что-то темнишь.

– Не совсем, но есть вещи, о которых не стоит распространяться раньше времени.

– Спрашивать, где ты пропадал столько времени, как я понял, не стоит?

– Борисыч, все в свое время. Меня сейчас интересует расстановка сил в районе, кого стоит опасаться, с кем дружить, а кого и сразу гасить. Наличие бронетехники, средств усиления, боеприпасов, количество бойцов, места дислокации.

– Ты что, решил тут прописаться по-серьезному?

– Пока нет. Но если начнут прощупывать на прочность, щадить не буду. Что у меня за команда, ты видел.

– Да уж, как они людей Ильяса положили. Уже сейчас по Крыму пошли слухи. Не думаю, что тебя кто-то будет после этого трогать. Скорее попробуют подружиться и прощупать на предмет обмена и торговли. Тот же Черненко.

– Вот это всегда пожалуйста. Есть что предложить.

– Вот как? Интересно, и что?

– Тут попались еще послевоенные мобилизационные запасы. Предложить могу раритеты, но весьма надежные и в великолепном состоянии, а главное – боеприпасы к ним.

– А тебе что надо? Просто так ты ж не будешь раздавать все, значит, что-то ищешь.

– Мне нужно, чтоб уточнили по бункерам Турции и близлежащих районов от Новороссийска про Виктора Кузьмина, моего напарника. Пропал без вести, когда отражали турецкий десант в Новороссийске. За информацию и особенно за помощь в нахождении отблагодарю, за попытку наколоть или кинуть смертельно обижусь и щадить не буду, не то время.

– Понял. Могу тебя свести с нужными людьми.

– Борисыч, не в службу, а в дружбу. Я его жене обещал сделать все, что смогу – тело его так и не нашли.

– Я понимаю. Ты там обещал что-то показать.

– А. Совсем забыл.

Отжав тангенту радиостанции, я вызвал Воропаева.

– Зяблик, это Феникс.

– На связи.

– Убери из груза подарок. Приготовь для выдачи получателям. Сейчас подойдет человек, отдашь ему все.

– Понял вас, Феникс.

Борисыч, услышав такой разговор, удивился.

– Ты что, там все заминировал?

– Конечно. А ты что думал, вдруг кидалово или вместо тебя кто-то другой придет. Я ж не мальчик.

– Понятно. Как всегда стараешься все просчитать?

– Конечно. Если б не просчитывал, то давно бы грохнули где-нибудь. Ну что, посмотрим подарки?

Минут через пять в дверь постучали, и через импровизированную переходную камеру в «Шишигу» загрузили несколько свертков с нашими подарками.

Когда распаковали груз, тут же присутствовали два человека из команды Борисыча. Народ начал с интересом рассматривать наши подарки. Я по мере способностей комментировал:

– Немецкий карабин «Маузер 98К», стоял на вооружении и Рейхсвера, и Вермахта. До сих пор считается одной из лучших магазинных неавтоматических винтовок. К каждой – боекомплект в пятьдесят патронов. Надежное и простое оружие. Таких тут двадцать штук. А вот это, Борисыч, лично от меня. – И протянул ему трофейный пистолет в деревянной кобуре. – «Маузер К96», армейский вариант, под патрон парабеллума. Все стволы в хорошем состоянии, отстреляны, смазаны. И на закуску. Тушенка, правда, тоже из стратегических запасов, но я сам пробовал, вполне съедобно. Двадцать банок. Думаю, для первого раза подарков достаточно?

Обалдевший Юрка только пожал руку. Но потом решил высказаться:

– Ну ты даешь. Вещь. На автоматы патронов не напасешься, а тут такие стволы. Что хочешь взамен?

– Мне нужны патроны для КПВТ, гранаты для подствольников и для АГС-17. Гранатометы. Нужны компьютеры. Лучше, конечно, ноутбуки, но сойдут и персоналки с живыми винтами и мониторами. Но главное, чтоб это все не фонило. Расплатиться могу вот такими стволами. Могу добавить пулеметы. Гранаты. Все рабочее, с консервации. Дальше уже буду смотреть, что предложат. Но, Борисыч, смотри не попали. Если что, буду работать через тебя. Начнут наезжать, вызовешь меня. Будем рубить хвосты по жесткому варианту.

– Да уж понятно. Хорошо, Серега. Брошу клич. Да тут и понятно, что товар ходовой, будет спрос.

– Чуть попозже выведешь на меня Черненко, надо будет перетереть с ним пару тем.

– Сделаю.

– Еще одна просьба. Если есть такая возможность, найди мне фейерверков, чем мощнее и красочнее, тем лучше.

– Хм. Зачем оно тебе?

– Да так, есть задумка. Ну ладно, все, разбегаемся.

Пожав друг другу руки, надев противогазы, мы вышли наружу. Дождались, пока машины развернутся и уедут, выждали еще минут десять, сняли сигнальные мины и растяжки и двинулись окружным путем к бункеру, соблюдая осторожность и следя, чтобы за нами никто не увязался.

Вернувшись в бункер, я рассказал Светлане и Марине о разговоре и ситуации на поверхности. Маринке очень понравилась моя инициатива относительно поиска ее мужа, моего друга.

Объявив по бункеру отдых до вечера, я занялся текущими делами. Но основное, что мне не давало покоя, – это постройка второго портала. Оборудование для него почти все было. Но, по моему убеждению, все, чего не хватало, можно было с успехом обнаружить в соседних домах.

Для размещения установки я решил использовать свой просторный подземный склад, к которому при случае можно сделать проход, чтобы с поверхности можно было загнать любую технику. Идея использования бронетранспортера в прошлом все не давала мне покоя. Может, если получится, где-нибудь подыскать Т-72 или на крайний случай БМП-1 или БМП-2 и на нем покурлесить у немцев в тылу.

Но это все мечты. А вот проблема установки нового канала в другую точку пространства, а если повезет, и времени, стояла достаточно актуально. Немцы скоро до нас доберутся в окрестностях Могилева. Времени остается – считанные дни.

Сегодня ночью должны были скинуть груз с боеприпасами, которые мы запрашивали. Для этого было подготовлено несколько светодиодных сборок в качестве фонарей. Около двух часов ночи, выйдя через портал, настроенный на точку выхода за Днепром, мы нашли небольшую поляну и стали ждать самолет. Минут через сорок ожидания наконец-то послышался

треск легкого самолета. Выставив фонари в виде квадрата с более мощным фонарем в центре, мы стали ожидать сброс груза.

Нам скинули четыре контейнера с грузом на парашютах. Конечно, их раскидало, но не настолько далеко. Погода была не сильно ветреной. В каждом контейнере было по сто килограммов груза.

Всю ночь мы бегали и таскали эти грузы к точке выхода портала. Все приходилось делать в кромешной темноте, используя приборы ночного видения, соблюдая все меры предосторожности. Видимо, летчик был профессионалом и выкинул груз с одного захода.

Пока мы бегали и таскали мешки, точнее я больше командовал, а ребята таскали, Светлана, как всегда, контролировала радиоэфир на предмет реагирования немцев. Наблюдатели немцев слишком поздно обнаружили самолет, поэтому как-то существенно среагировать не смогли или не успели. Самолет прошел над лесом, и для создания впечатления ложного сброса сделал несколько кругов в местах, где мы раньше регулярно появлялись. Уже к рассвету операцию по приему груза можно было считать удачной. Единственное, что еще делали, это все контейнеры в срочном порядке уносили в дальние галереи, где их осторожно разбирали на случай закладки взрывного устройства. Но Москва не пошла на столь дешевую провокацию – все что просили, получили, даже сверх того.

Уже утром, я открыл портал на старом месте, вышел в эфир на пять минут и передал в Москву короткое сообщение о получении груза и ожидании самолета для эвакуации пакета.

Глава 31

Отоспавшись после ночных приключений, народ начал подтягиваться в столовую ближе к обеду. Я проснулся чуть раньше и все оставшееся время потратил на работу с вычислительным комплексом, просчитывая параметры новой установки, которая по размерам должна была позволить пропускать через себя современную технику. Все-таки идея использования в прошлом более серьезного вооружения не давала мне покоя.

Расчеты показывали, что для такого портала нужны совершенно иные энергетические ресурсы. Так держать портал, как мы это себе позволяем, не получится. Видимо, придется формировать систему накопителей для кратковременного поддержания устойчивого канала. Как вариант, поставить несколько отдельных генераторов и одновременно их включать. Вопрос в том, где их достать.

В первом приближении решил начать рыскать по округе, собирать генераторы от автомобилей. Если получится, найти бензиновые генераторы, которые, как правило, владельцы частных домов держат у себя.

После обеда стали в подвале готовить место для установки. В соседних домах вырывали силовые магистральные кабели и срезали их с поваленных опор системы электроснабжения. До вечера все были заняты. Пока копались по развалинам, о безопасности не забывали. Всегда где-нибудь сидели или Малой, или Марков и высматривали неожиданных гостей.

По мере осмотра соседних зданий разрабатывали систему внешней обороны бункера. Наметили места для камер системы видеонаблюдения, места закладки фугасов на танкоопасных направлениях и места установки управляемых противопехотных мин и растяжек. Также оборудовали огневые точки для снайперов, пулеметчиков, гранатометчиков. Пару раз пришлось подорвать стены у соседних домов, чтобы создать завалы на направлениях, которые трудно контролировать и оборонять. Даже гараж, где стоял бронетранспортер, включили в систему обороны. При нападении БТР выводился на специально оборудованную позицию, откуда мог эффективно бороться с нападавшими с помощью бортового вооружения. При этом позиция была оборудована таким образом, что корпус броне-транспортера закрывала стена забора и видна была только башня с пулеметами. При невозможности вывести БТР на позицию просто открывались ворота гаража, и при этом тоже удавалось захватить достаточно неплохой сектор обстрела. Конечно, полноценную систему обороны создать не получалось из-за отсутствия должного количества взрывчатки. Но можно при случае запросить необходимое у предков. Канал поставки налажен.

Пройдясь по домам, мы нашли несколько бензиновых генераторов мощностью от одного до четырех киловатт. Все остовы автомобилей не оставались без внимания, обязательно оттуда снимались генераторы. В подвале соседнего дома оборудовалась импровизированная электростанция. К концу дня туда натаскали штук двенадцать автомобильных генераторов, затащили двигатель от легковушки и начали собирать для него станину и редуктор для передачи крутящего момента на большое количество автомобильных генераторов.

В прошлом ухудшилась погода, и высылка самолета за пакетом задерживалась минимум на двое суток, поэтому было время продолжить наши изыскания на ниве творения электростанции.

К вечеру на связь вышел Борисыч и намеками дал понять, что с нами хочет пообщаться полковник Черненко. Через два часа, встретившись со мной возле развалин пятиэтажки, Борисыч рассказал все обстоятельства.

Они вчера вывезли на Базар пять немецких винтовок на продажу. С учетом того, что, по слухам, Борисыч дружит с серьезными военными, которые походя разгромили два отряда Ильяса, появление у него нового оружия в великолепном состоянии вызвало живой интерес.

Многие поняли, что пять винтовок – это только для изучения спроса. И там, откуда они, такого добра много. Доказательством этому служил новенький пистолет «Маузер» немецкого производства, с которым Борисыч расхаживал, как комиссар времен гражданской войны.

Поэтому посыпались осторожные предложения поговорить на предмет совместной торговли. Но хозяйина Базара, полковника Черненко, больше интересовала проблема появления новой, неизвестной силы. Сейчас сложилось некоторое подобие устоявшегося мира, нарушение которого может привести к новой волне боевых столкновений. А это по большому счету не нужно никому.

Наскоки того же Ильяса выглядят как обычные бандитские выходки, направленные на упрочнение авторитета и занятие своего места в новом, сложившемся сообществе.

Но новички, не входя в контакт сразу, без разговоров и выяснения отношений, дали по зубам одной из сильных и агрессивных банд. Такое можно расценивать как попытку подмять под себя весь регион. По идее, следующее, что можно ожидать от агрессивных новичков, это удар по самой сильной и уважаемой группировке полковника Черненко. Поэтому интерес военных понятен.

– Хорошо, Борисыч. Устрой мне с ним встречу. В данной ситуации ты будешь гарантом неприкосновенности и для меня, и для него. Предупреди, что любая попытка необдуманных действий будет расцениваться как акт агрессии и будет жестко пресечена.

– Ну, я от тебя такого ответа и ждал. Поэтому от него уже получил согласие на такую встречу. Время и место назначаешь ты, от себя я добавил, что ему бояться нечего, так как он с тобой знаком, но кто ты, он узнает при встрече.

– Молодец, все правильно сделал. Завтра утром и встретимся. Время и место я сообщу тебе нашим кодом. Пусть приезжает, но берет с собой не более двух человек.

– Понятно. Тогда до завтра.

Мы пожали друг другу руки и расстались.

Вечером для приличия отправил в Москву 41-го телеграмму с просьбой подготовить электрическое питание для специальных приборов в параметрах двести двадцать вольт переменного тока. К стыду своему я не знал, какое напряжение использовалось в электрических сетях в то время, поэтому решил подстраховаться. Особенно уточнил, что напряжение должно быть очень стабильным, и защищено от случайных всплесков. Это я так уже для проформы. Но желание отправить в Москву простую персоналку и не забивать голову с передачей пакетов, а использовать радиомодемы или просто передавать дискету или флэшку не давало мне покоя. Да и при случае можно будет им подкинуть программы по дешифровке кода «Энигмы».

Как вариант – просто с помощью генератора случайных чисел нагнать несколько сотен мегабайт случайных чисел и использовать это как неповторяющиеся кодовые таблицы. Пусть немцы потом мучаются, расшифровывают. А так, вбил текст сообщения, кликнул один раз мышкой – и все, вот вам результат. Но чувства бывшего работника компьютерной фирмы подсказывали, что придется лететь в Москву и настраивать компьютер.

Москва подтвердила свою готовность к сотрудничеству, и прогноз погоды на следующую неделю был благоприятный, так что через день можно было бы организовать эвакуацию генерала и передачу пакета.

В ответ я набрался наглости и попросил по возможности прислать взрывчатки, гранат и, если есть, немецкие боеприпасы для карабинов и пистолетов.

После чего я подкатил к Маринке и попросил мне дать развернутый доклад по антибиотикам, технологии их производства и по возможности попытаться ее адаптировать под мощности 1941 года. По-моему, в условиях тотальной войны это не менее важно, нежели технологии производства крылатых ракет и ядерных боеприпасов.

Озадачив Марину, которая уже целеустремленно рванула в сторону вычислительного центра, сам двинулся в свой бокс хоть чуть-чуть поспать. Завтра опять трудный день, а раненое

плечо еще не до конца зажило и часто при сильной нагрузке начинает болеть так, что хочется лезть на стены.

Утром на джипе и бронетранспортере мы выдвинулись в сторону московской трассы, где были преимущественно поля и открытые пространства. Там замаскировали бронетранспортер, в котором оба пулемета – и ПКТ, и КПВТ – были заряжены патронами, полученными в 1941 году, а родной боекомплект был рядом, но хранился для особого случая. То, что ПКТ на тех патронах будет работать безотказно, я не сомневался, а вот насчет КПВТ были некоторые сомнения, ведь в наше время использовались патроны с лакированными стальными гильзами, а прислали с латунными, но ситуация не предполагала огневого контакта, поэтому все-таки решили использовать патроны с латунными гильзами. Но, думаю, на пять-десять выстрелов хватит. Все равно аргумент в местных условиях весьма весомый, учитывая смехотворную защиту большинства местных средств передвижения.

Замаскировавшись и распределив позиции и секторы обстрела для снайперов и пулеметчика, я оставил возле себя Вяткина и Воропаева. Мы стали спокойно ждать возле джипа, который поставили на видном месте. После чего я связался с Борисычем и дал ему кодовую информацию о месте и времени встречи. В запасе у меня был еще час, так что было время поговорить. Очень часто в последнее время ребята из моей команды задавали вопросы о нашем времени и о том, как мы дошли до такой жизни. Вяткин, Малой и Марков, более старшие, часто понимали меня намного лучше, нежели молодые, воспитанные уже в Советском Союзе, Миронов и Воропаев.

Их интересовало буквально все, как развивалась страна, как победили в войне, как потом жили и как мы все это потеряли, променяли на крашеную резаную бумагу и мнимые свободы. Я старался быть честным и объективным. Эти люди живут со мной несколько месяцев, уже стали как члены семьи, поэтому любую фальшь или недосказанность почувствуют сразу. Да и авторитет командира требовал быть объективным даже перед самим собой. Отвечая на их вопросы, часто приходилось глубоко задумываться, как-то получалось взглянуть на нашу новейшую историю не затуманенным потоками информации взглядом выходца двадцать первого века, а как бы со стороны. Может быть, таким образом учились не сколько они, а больше я сам.

Вот в таких беседах незаметно пролетел час. На дороге показалась колонна техники. Впереди шел БТР-80, практически такой же, как и у нас, но за километр он остановился, направив в нашу сторону пулемет. За ним шли уже знакомый трофейный джип, доставшийся Борисычу после стычки с бандитами, и второй, почти такой же, но с камуфлированной окраской, сразу выдающий свою принадлежность к вооруженным силам.

Не доезжая до нас метров пятидесяти, они снова остановились. Из переднего джипа бодренько выпрыгнул Борисыч, что характерно, с подаренным «Маузером» на боку. Форсит старый друг. А вот из второго выпрыгнули двое, и один остался за рулем.

Полковника Черненко я узнал почти сразу. Властную, уверенную походку старшего офицера, который привык ходить по части и гонять нерадивых дежурных и дневальных, трудно забыть. Поэтому, оставив сзади моих сопровождающих, я сам двинулся навстречу. Боец, вышедший вместе с Черненко, по его кивку остался возле машины, а мне навстречу двинулись только Борисыч и полковник.

Тут ожила радиостанция. Светлана из бункера контролировала радиоэфир и доложила о работе сразу двух радиопередатчиков в непосредственной близости от места встречи. Пришлось реагировать.

– Всем. Это Феникс, у нас гости, усилить наблюдение.

Выслушав подтверждения от всех бойцов, я продолжил движение навстречу Черненко. Когда до него оставалось шагов пять, на связь вышел Миронов.

– Феникс, это Кукушка-два, в леске вижу движение. Человек пять скрытно подбираются с фланга.

– Кукушка-два, вас понял. Возьмите их на прицел.

– Вас понял.

– Злой, на связь, это Феникс.

– На связи.

– Слева, в лесочке, гости, возьми на контроль.

– Вас понял. Выполняю.

Марков, который разместился в башне замаскированного бронетранспортера и управлял бортовым вооружением, незамедлительно взял лесок на прицел КПВТ.

На всякий случай вызываю Малого:

– Кукушка-один, на связь, это Феникс.

– На связи.

– Присмотрись. Может, те ребята в лесочке отвлекают внимание.

– Вас понял.

Но напряжение нарастало – то, что ситуация становится неконтролируемой, мне не очень нравилось. Разве что это люди Черненко, он тоже не простой дядя. Находясь возле него, можно рассчитывать, что ситуация не выйдет из под контроля, а если он притащил за собой хвост, то могут возникнуть непредвиденные осложнения.

Придется играть спектакль до конца.

Мы стояли друг напротив друга. Борисыч выглядел спокойным, в отличие от своего спутника. Тот был напряжен, как натянутая струна. Только выдержка позволяла ему казаться спокойным.

Постояв так с минуту, я жестом показал в сторону своего джипа. Черненко чуть помедлил, а Борисыч без всякого волнения двинулся со мной. Подойдя к джипу, я дал команду Вяткину побыть снаружи, а сам забрался в машину. Борисыч и Черненко последовали за мной.

Там все снимали противогазы и наконец-то смогли рассмотреть друг друга.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.